

ДЕМОГРАФИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ДЕТНОСТЬ СЕМЬИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

МОСКВА МЫСЛЬ

ДЕМОГРАФИЯ:
ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ

ДЕТНОСТЬ СЕМЬИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Глубокому и интересному
Андрею Габриэловичу
от одного из авторов

13.11.86

АНДРЕЯ ВОЛКОВА

КНИГ

МОСКВА · МЫСЛЬ · 1986

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДЕМОГРАФИИ
И СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ НАСЕЛЕНИЯ

Редакционная коллегия:

Л. Л. РЫБАКОВСКИЙ (председатель), А. И. АНТОНОВ,
А. Г. ВИШНЕВСКИЙ, А. Г. ВОЛКОВ, Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ,
Г. П. КИСЕЛЕВА, Б. Я. МЕЖГАЙЛИС, В. П. ТОМИН

Редакционная коллегия утверждена Научным советом по комплексной проблеме «Экономические закономерности развития социализма и соревнование двух систем» АН СССР

Ответственный секретарь М. А. УСКОВА

Руководитель авторского коллектива А. И. АНТОНОВ

Рецензенты: В. В. БОЙКО, К. К. БАЗДЫРЕВ

Д 0703000000-185
004 (01)-86 111-86

© Издательство «Мысль». 1986

ВВЕДЕНИЕ

В новой редакции Программы КПСС сказано, что «партия считает необходимым проводить линию на укрепление семьи»¹, в том числе на улучшение условий — материальных, жилищных и бытовых — семей с детьми и молодежью. В Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу Центрального Комитета КПСС эта линия партии по дальнейшему упрочению семьи воплощается в ряд мер, среди которых прежде всего следует назвать задачу «обеспечения каждой семьи отдельной квартирой» и полное удовлетворение «потребности населения в детских дошкольных учреждениях»².

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал, что успешное претворение в жизнь курса партии на ускорение социально-экономического развития зависит от того, «насколько хорошо мы справимся с возникшими проблемами», среди которых «есть у нас трудности объективные (неблагоприятная демографическая ситуация, навязанная нам гонка вооружений — наиболее крупные из них)»³. Общеизвестна роль семьи в улучшении демографических процессов. Однако менее известно то, что именно снижение среднего числа детей в семье отражает те изменения рождаемости, которые создают неблагоприятную демографическую ситуацию. В глубоком изучении тенденций изменения числа детей в семье, демографии семьи состоит одна из первейших задач демографии, социологии семьи и смежных дисциплин, от которых зависит в настоящее время поиск эффективных и своевременных решений по устранению неблагоприятной демографической ситуации.

В последние годы, как известно, общий коэффициент рождаемости увеличился в целом по СССР с 17,4‰ в 1970 г. до 19,8‰ в 1983 г., причем наиболее значительный

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 154.

² Там же. С. 106—107.

³ Горбачев М. С. Ответы на вопросы газеты «Юманите». М., 1986. С. 6—7.

рост произошел в 1982—1983 гг. после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей», в котором поэтапно, с ноября 1981 по ноябрь 1983 г., предусматривался ряд общегосударственных мер по охране материнства. Эти меры существенно повлияли на те семьи, где уже собирались иметь детей той или иной очередности и ускорили сроки рождений, а также способствовали более полному удовлетворению имеющейся у семьи потребности в числе детей. Однако в 1984 г. общий коэффициент рождаемости несколько понизился (19,6‰)⁴. Видимо, благоприятное влияние принятых мер носило краткосрочный характер.

Следует также иметь в виду, что общий коэффициент не дает точного представления о положении дел с рождаемостью. Его увеличение в 70-х годах было вызвано не ростом рождаемости как таковой, а ростом числа браков в молодых возрастах, увеличением доли женщин в возрастах 20—30 лет и увеличением доли населения с высоким уровнем рождаемости (республики Средней Азии и др.) в общей численности населения СССР⁵. Динамика более точных показателей — суммарных коэффициентов рождаемости показывает, что в этот период продолжалось снижение рождаемости, заявившее о себе во второй половине 70-х годов в связи с распространением малодетности.

Среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь, уменьшилось с 1969—1970 по 1981—1982 гг. с 2,389 до 2,290, причем в некоторых республиках это снижение было еще значительнее, и, что очень важно, в шести союзных республиках (РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и в трех прибалтийских республиках) суммарный коэффициент находится ниже 2,1, т. е. ниже рубежа простого воспроизводства⁶. Преобладание крайне низкой рождаемости и малодетности характерно для 80% на-

селения страны и заметнее всего выражено среди городского населения, составляющего $\frac{2}{3}$ всего населения СССР, где в 1981—1982 гг. суммарный коэффициент составил 1,88 ребенка⁷.

О все более широком распространении малодетности можно судить по данным выборочных обследований ЦСУ СССР. Так, среди семей рабочих и служащих с детьми до 16 лет доля одно-двухдетных семей возросла с 1972 по 1984 г. с 86,7 до 89,2%, при этом в городских поселениях — до 92,7%⁸. Среди семей колхозников доля таких семей с 1978 по 1984 г. увеличилась с 68,1 до 70,2%, а доля многодетных (пять и более детей) уменьшилась с 9,7 до 8,1% при незначительном уменьшении доли семей с тремя-четырьмя детьми⁹. Однако за среднесоюзными данными скрываются различия по республикам. Например, в Таджикской ССР — республике с самым высоким уровнем рождаемости — доля малодетных семей среди рабочих и служащих невелика — 51,7%, зато значительная доля трех-четырёхдетных семей — 28,2% и многодетных — 20,1% (среди семей колхозников — соответственно 32,8; 31,9; 35,3%). Для сравнения приведем аналогичные цифры по республике с самой низкой рождаемостью: в Украинской ССР среди рабочих и служащих семьи с тремя-четырьмя детьми составили 4,8%, а с пятью и более — лишь 0,2% (среди сельских семей — соответственно 13,4 и 1,3%)¹⁰.

Сглаживание региональной дифференциации рождаемости, начавшееся в 60-х годах, становится все более заметным, и факт снижения рождаемости в республиках Средней Азии становится несомненным. Например, узбеки, вступавшие в брак в 1965—1969 гг., собирались иметь 5,80 ребенка, а вступавшие в брак в 1975—1978 гг. — уже 4,40 ребенка¹¹. Видимо, в ближайшие 15 лет среднеазиатские республики повторят путь Армении и Азербайджана, где снижение рождаемости осуществляется быстрыми темпами.

По данным ЦСУ СССР, в целом по стране среднее ожидаемое женщинами число детей в семье составляет 2,45, в то время как необходимое число детей для обеспечения простого воспроизводства населения должно

⁴ См.: Вестник статистики. 1985. № 11. С. 77. В 1982 г. число родившихся на 1000 населения выросло на 0,4 и составило по сравнению с 1981 г. 18,9‰ (Народное хозяйство СССР в 1983 г. М., 1984. С. 31).

⁵ См.: Борисов В. А. Воспроизводство населения СССР: Тенденции и перспективы // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 35.

⁶ См.: Борисов В. А. Указ. соч. С. 36—37.

⁷ См. там же. С. 38.

⁸ См.: Вестник статистики. 1985. № 12. С. 73.

⁹ См. там же. С. 74.

¹⁰ См. там же. С. 73—74.

¹¹ Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 188.

составить 2,70. Горожане собираются иметь детей еще меньше — 2,05, а в крупных городах — 1,78¹².

Анализ данных, отражающих изменение интенсивности рождаемости, показывает, что за ростом общего коэффициента рождаемости в 70-х годах и в первой половине 80-х годов скрывается дальнейшее увеличение доли малодетных семей и уменьшение семей с тремя и более детьми. Этот процесс заметнее всего в семьях служащих и рабочих, среди городского населения и в семьях с более высоким образованием и доходом, с более высокой профессиональной квалификацией. В центральной части страны сформировалась потребность в двух детях, которая еще больше укрепляется и расширяется с ростом благосостояния и культуры, сближением социальных классов и групп, уменьшением различий между городом и селом, между умственным и физическим трудом. В наиболее мобильных слоях населения за годы брака существенно повысился уровень образования, социально-профессионального положения, дохода семьи и др. и наблюдается ориентация на одного ребенка.

Результаты выборочных исследований репродуктивного поведения городских семей с разным числом детей показывают, что распространение малодетности не вызвано какими-либо неблагоприятными материальными факторами — ведь рождение первого и даже второго ребенка в семье происходит вопреки материальной выгоде, так как снижает душевой доход семьи. Уменьшение доли семей с тремя и более детьми тем более не связано с ограничением рождаемости из-за материальных трудностей, поскольку расходы на третьего ребенка, например, значительно меньше, чем на второго и первого. Причина — в сокращении потребности в нескольких детях по сравнению с другими социальными благами, предоставляемыми индивиду его участием в деятельности внесемейных институтов и организаций, в отсутствии эффективных моральных, социально-психологических стимулов к раз-

¹² См. там же. С. 190. Во многих крупных городах ожидаемое число еще меньше. Например, в 1969 г. в Москве оно было 1,69, а в Ленинграде — 1,55 (см.: Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975. С. 109). Если учесть, что ожидаемое число реализуется не полностью (фактическое число на 0,2—0,3 меньше ожидаемого), то наличие 1,5 рождения на семью, уже наблюдающееся в ряде городов страны, означает уменьшение первоначальной численности населения вдвое через 53 года (см.: Борисов В. А. Указ. соч. С. 50).

витию общественно значимой ценности троих и более детей, к сохранению и укреплению прежде всего потребности семьи в трех-четыре детях. Снижение в городах среди рабочих и служащих потребности в трех-четыре детях — главная причина малодетности и низкой рождаемости.

Углубленное изучение установок детности среди замужних москвичек до 35 лет с двумя детьми показало, что только 7% из них остались с неудовлетворенной потребностью в детях и лишь 2% собираются иметь третьего ребенка независимо ни от каких условий жизни (повторный опрос, проведенный через четыре года, выявил, что из всех не удовлетворивших свою потребность имеющимися двумя детьми родила третьего лишь десятая часть женщин, а из числа желавших третьего ребенка независимо от условий — четвертая часть)¹³. Любопытно, что испытывавшие потребность в троих детях в сопоставлении с теми, у кого ее нет, считают наиболее важными для рождения третьего ребенка «расширение льгот работающим матерям с тремя детьми» и «резкое повышение престижа матерей и отцов с тремя детьми в быту и на производстве»¹⁴.

С точки зрения выяснения перспектив рождаемости в будущем важно знать, какими путями семьи на протяжении брака приходят к окончательному числу детей. По предварительным данным, можно считать, что семьи характеризуются различной «силой» потребности в детях. В городах, особенно крупных, половина семей — однодетные. Однако в регионах с низкой рождаемостью при заключении брака имеют потребность лишь в одном ребенке немногие — примерно 15—20%. Значительная часть однодетных москвичек — это те, кто имеет «слабую» потребность в двух детях и у кого откладывание рождения второго ребенка «на потом» затягивается до бесконечности. Вместе с тем среди двухдетных женщин лишь пятая часть имеет «сильную» потребность и рождает двоих детей в кратчайшие сроки без аборт и применения контрацепции. Остальная часть практикует откладывание деторождения. Женщины с «сильной» потребностью, как правило, менее мобильны в социально-профессиональном отношении, у них ниже образовательный уровень. Среди них высока доля переехавших в город из сельской местности и тех, кто воспитывался в родительских семьях с тремя и более детьми. В таких

¹³ См.: Семья и дети/Под ред. А. И. Антонова. М., 1982. С. 59—61.
¹⁴ Там же. С. 49.

семьях сильнее традиционные ценности семьи с несколькими детьми. Поэтому они в 2—4 раза реже отмечают наличие различных материальных помех к рождению второго ребенка в сравнении с остальными группами с ослабленной потребностью в двух детях, хотя денежный доход этих семей невысокий (доход до 50 руб. в месяц на душу перед рождением второго ребенка в этой группе семей встречается в 3—4 раза чаще, чем в остальных, тогда как доход свыше 150 руб. — в 4—5 раз реже)¹⁵.

В дальнейшем, как мы полагаем, следует ожидать уменьшения числа женщин с подобной потребностью в двух детях, а значит, увеличится число тех, которые будут переносить рождение второго ребенка на более поздний срок и, возможно, так и останутся одноклеточными. Здесь следует учитывать, что каждое новое поколение характеризуется уменьшением потребности в детях. Данные обследований показывают, что установки детности учеников 4—10-х классов меньше установок их матерей на 0,5—0,7, что обещает снижение числа детей в будущих браках¹⁶.

В условиях действия социального противоречия воспроизводства населения и с учетом тенденции урбанизации, научно-технической революции, роста образования населения и социальной мобильности есть основания считать, что установки детности при своем спонтанном развитии будут продолжать снижаться и составят в целом по СССР в 2000 г. не более 2,20 ребенка, что приведет к фактическому числу детей — 2,0 (1,7 — в городах и 2,8 — в селах). А это может означать снижение ежегодного числа рождений. Если в ближайшие 5—10 лет удастся с помощью ряда мер демографической политики сохранить неизменным число рождений, приходящихся на одну женщину, равное 2,29, то и тогда ежегодное число всех рождений к концу века окажется меньше 5 млн. Для того чтобы сохранялись в последующие годы 5,4 млн. рождений, имевшие место в 1983 г., среднее число рождений на одну женщину должно составлять не менее 2,5.

Проблема низкой рождаемости и малодетности как проявление противоречия между потребностью общества в числе детей, необходимом для воспроизводства населения, и желанием семьи к деторождению требует присталь-

ного к себе внимания. Ее изучение связано с рядом нерешенных вопросов, в частности в значительной мере остаются невыясненным механизм изменения установок на число детей, особенно в сторону их повышения. Однако сложившаяся демографическая ситуация и решения XXVII съезда КПСС по ее улучшению делают актуальными исследования нового типа, направленные на выяснение возможности целенаправленно воздействовать на повышение ценности семьи и детей, на упрочение семьи с детьми. Связанная с этим задача возвышения индивидуальной потребности в детях до уровня общественно значимой представляется крайне нелегкой. Опыт формирования потребности в труде как первой жизненной необходимости убеждает в том, что проблема формирования потребностей изменения их структуры — дело весьма сложное. Но лишь формирование и укрепление в регионах с низкой рождаемостью потребности родителей в трех-четырех детях, значительное увеличение доли семей с 3—4 детьми способны противостоять полному распространению малодетности, ликвидировать угрозу убыли численности населения и ухудшения половозрастной структуры населения.

Трудность проведения новых исследований рождаемости заключается в междисциплинарном характере множества возникающих вопросов, в преодолении привычки пассивно регистрировать факты малодетности, что предполагает перестройку организации работы исследовательских коллективов, выработку единой позиции у разных специалистов, ликвидацию существующей теоретической и административной разрозненности ученых.

В предлагаемом читателю сборнике статей анализируются исторические изменения детности, дана историческая панорама форм семьи, показана преемственность в развитии. Сегодняшнюю семью нельзя понять без уяснения сути прошлых форм семьи. Отсюда и связь с будущей — в перспективе детность семьи будет зависеть от общественной оценки нынешних тенденций, от сегодняшних усилий в рамках демографической политики, по созданию того образца семьи будущего, того демографического потенциала семьи, который в полной мере отвечает интересам личности, семьи и общества.

¹⁵ См. там же. С. 78—79.

¹⁶ См. об этом подробнее статью Г. Е. Цуладзе и Т. В. Чанкветадзе в данном сборнике.

Руководитель авторского коллектива,
доктор философских наук
А. И. Антонов

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ ДЕТНОСТИ И ТИПОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Общепризнанной теории, объясняющей повсеместное снижение числа детей в семье, пока еще нет, но она разрабатывается советскими демографами, социологами, историками и другими специалистами. «Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни, особенно плодотворна для общественных наук», — отмечал на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выражая надежду, «что она будет активно использована нашими экономистами и философами, юристами и социологами, историками и литературоведами для смелой, инициативной постановки новых проблем, для их творческой теоретической разработки»¹.

Как известно, обострение проблем народонаселения отмечалось на предшествующих съездах КПСС, и исследование демографического поведения семьи в последние годы сосредоточилось на причинах и последствиях уменьшения детности, на исторических тенденциях сокращения рождаемости. При этом возник целый ряд дискуссионных вопросов, из которых наиболее острым является вопрос о малодетности семьи. Действительно ли малодетность вызывается снижением ценности детей, а не материальными затруднениями семьи, каковы перспективы рождаемости и детности семьи в будущем, какие нормы детности преобладали в прошлом?

Отвечая на эти вопросы, советские ученые во многом опередили зарубежных демографов, своевременно не обративших внимания на распространение малодетности и низкой рождаемости. И лишь совсем недавно, в конце 70-х годов, начали раздаваться озабоченные голоса. Например, во Франции в некоторых случаях современный сверхнизкий уровень рождаемости стали оценивать как катастрофический². Американский демограф Чарльз

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

² Population and Development Review. Vol. 5. N 2. 1979. R. 379.

Уэстофф, проанализировав положение в экономически развитых странах, пришел к неутешительному выводу, что рождаемости суждено снижаться и дальше, если не будут приняты специальные меры, далеко выходящие за пределы традиционных денежных пособий на детей³. Предсказывая уменьшение численности населения в развивающихся странах после 2000 г. и резкое снижение рождаемости в экономически развитых странах, демографы оказались в растерянности, так как умение предсказывать не всегда означает умение объяснять причины ожидаемого.

На Западе ученые часто сетуют на недостаточную разработанность концепции снижения рождаемости, на противоречивость и неполноту знаний о детерминантах рождаемости, и это несмотря на обилие работ по социально-экономическим факторам демографических изменений, несмотря на множество статистических данных и результатов выборочных обследований. По-видимому, трудности создания общепризнанной теории проистекают из-за сложностей применения социологического подхода к изучению рождаемости.

Однако здесь имеются в виду не технические приемы опроса населения, а социологический анализ общественного развития и его демографических последствий. Научное объяснение снижения рождаемости зависит прежде всего от надежности общесоциологической теории, в рамках которой лишь и возможно понять исторические изменения репродуктивного поведения личности и семьи, а также от четкости представлений о социально-психологической регуляции поведения индивида.

Наиболее распространенной за рубежом интерпретацией демографических процессов прошлого, настоящего и будущего является теория демографического перехода, основоположниками которой следует считать (поскольку им удалось частично объяснить причины снижения рождаемости): в США — Ф. Нотштейна⁴, в Европе — А. Ландри⁵. В настоящее время эта теория представляет собой конгломерат зачастую противоречащих друг другу взглядов, идей, гипотез и концепций, объединяемых признанием трех или пяти стадий демографического перехода от вы-

³ Westoff Ch. The predictability of Fertility in developed countries// Population Bulletin of the United Nations. 1978. N 11. P. 1—5.

⁴ Notestein F. W. Population — the long view// Food for the world. Chicago, 1945.

⁵ Landry A. La révolution Démographique. P., 1974.

соких уровней смертности и рождаемости к низким их уровням, когда снижение смертности опережает падение рождаемости, вызывая период быстрого роста населения.

В теории демографического перехода не было ничего революционного, отмечает американский демограф Д. Ходжсон, и нет ничего удивительного в ее быстром распространении и повсеместной популярности⁶. Суть теории проста: в ходе «модернизации» растут уровень жизни и контроль над болезнями, в результате сначала уменьшается смертность, как более подверженная «модернизации», затем — рождаемость. Квинтэссенция данной теории в том, что высокая рождаемость присуща «традиционному обществу», трактуемому как отсталое, а низкая — передовому, «современному», «рациональному».

Апологетический характер этой теории налицо. Предпочтение заранее отдается обществу с низкой рождаемостью, и в этом нельзя не видеть, как тонко подметил Ч. Уэстофф, «обычное воспевание социально-экономических изменений...», объединяемых «под общим названием «модернизация»⁷. О мальтузианской направленности исходных предпосылок этой теории говорит австралийский демограф Дж. Колдуэлл, подвергший ее наиболее сокрушительной критике и, в частности, отметивший, что в основе массового движения за семейное планирование лежит «ошибочное мнение, что характер репродуктивного поведения в Третьем мире объясняется лишь невежеством»⁸.

Прогностическая ценность теории демографического перехода весьма относительна, ибо, предрекая снижение рождаемости во всех регионах мира, она утверждает переход к низкой рождаемости, которая тем самым оказывается окончательным итогом процесса демографического перехода, т. е. как бы его целью. В рамках подобной теоретической конструкции распространение низкой рождаемости и малодетности рассматривается буржуазными демографами как завершение перехода. Вопросы же о том, что будет с рождаемостью дальше, у них не возникает, и тем более остается неизвестным, как она «сбалансируется» на уровне простого воспроизводства, перестанут ли дей-

ствовать факторы, вызывающие ее снижение, или же появятся новые, «неизвестные факторы стабилизации». Хорошо сказал об этом Ч. Уэстофф: «Представление о том, что демографический переход исторически завершится установлением магического равновесия рождений и смертей на низком уровне, имеет скорее эстетический, чем реалистический характер»⁹.

Теория репродуктивного поведения, возникшая в СССР в начале 70-х годов (В. А. Борисов, Л. Е. Дарский, В. И. Козлов и др.)¹⁰, не может быть отнесена к разновидности теории демографического перехода по следующим соображениям. Во-первых, в теории репродуктивного поведения в центре внимания находится происхождение многодетности и ее сохранение на всем протяжении человеческой истории вплоть до XX в. В теории утверждается историческая неизбежность отмирания многодетной семьи и ослабления потребности в многодетности, причем ход событий сопровождается систематическим снижением рождаемости, а современная низкая рождаемость — это всего лишь момент продолжающегося отмирания многодетности.

Во-вторых, в отличие от всех вариантов буржуазной теории демографического перехода, где постулируется влияние «модернизации» общества на «рост рационализма» и тем самым на распространение контрацепции, в теории репродуктивного поведения исторические изменения общества не воздействуют на рождаемость и смертность через «демографическое сознание» людей, а опосредуются демографическим поведением населения.

В концепции отмирания многодетности в отличие от других концепций советских демографов изменение типов воспроизводства населения объясняется радикальным изменением функций семьи и типов демографического поведения.

Наконец, теория репродуктивного поведения в полном соответствии с марксистской традицией ищет объяснение распространению малодетности с целью применения полученных знаний на практике, во имя изменения наблюдаемых негативных тенденций. Только воздействие со стороны общества на спонтанное падение рождаемости способно

⁶ Hodgson D. Demography as social science and policy science// Population and Development Review. 1983. Vol. 9. N 1. P. 8.

⁷ Westoff Ch. Op. cit. P. 3.

⁸ Caldwell John C. Toward a Restatement of Demographic Transition Theory//Population and Development Review. Vol. 2. N 3—4. 1976. P. 327.

⁹ Westoff Ch. Op. cit. P. 3.

¹⁰ См.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976; Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977.

остановить наблюдающееся отмирание многодетности на том уровне, который соответствует долгосрочным интересам воспроизводства населения каждой отдельной страны.

В теории репродуктивного поведения основное внимание уделяется диалектике детерминации снижения рождаемости, диалектике исторического воздействия на сужение функций семьи и уменьшение норм детности, на усиление внесемейных ценностных ориентаций личности и ослабление потребности в нескольких детях.

Возникновение традиций многодетности диктовалось условиями высочайшей общей и детской смертности, грозившими вымиранию отдельных племен и общин. В связи с минимальными возможностями уменьшения смертности социальная организация в прошлом сосредоточивалась на воспроизводстве человеческих объединений. Как известно, биологические механизмы регуляции численности популяций могут и не выполнять защитных функций даже в животном мире¹¹. Единственный путь сохранения и воспроизводства человеческих племен состоял в социальном поддержании высокой рождаемости. Поэтому вся общественная организация прошлого была подчинена не только интересам обеспечения безопасности, но и интересам воспроизводства населения. Социальные нормы высокой рождаемости функционировали прежде всего в форме табу на всякое предупреждение и прерывание беременности, т. е. в форме запрета на вмешательство в репродуктивный цикл—физиологическую последовательность наступления беременности и родов после сексуальных отношений (схема 1). Подобные нормы удобнее, по нашему мнению, называть нормами многодетности, так как при их функционировании число живорождений у отдельных женщин находилось в зависимости от степени плодovitости и создавалась иллюзия цельности, соединенности брачно-сексуального поведения с репродуктивным на основе запрета абортов и контрацепции (нарушение табу могло караться смертью и, значит, противоречило потребности в индивидуальном самосохранении).

В ходе развития человеческого общества при смене общественно-экономических формаций невозможность непосредственного воздействия на высокую смертность сопровождалась запретом на непосредственное вмеша-

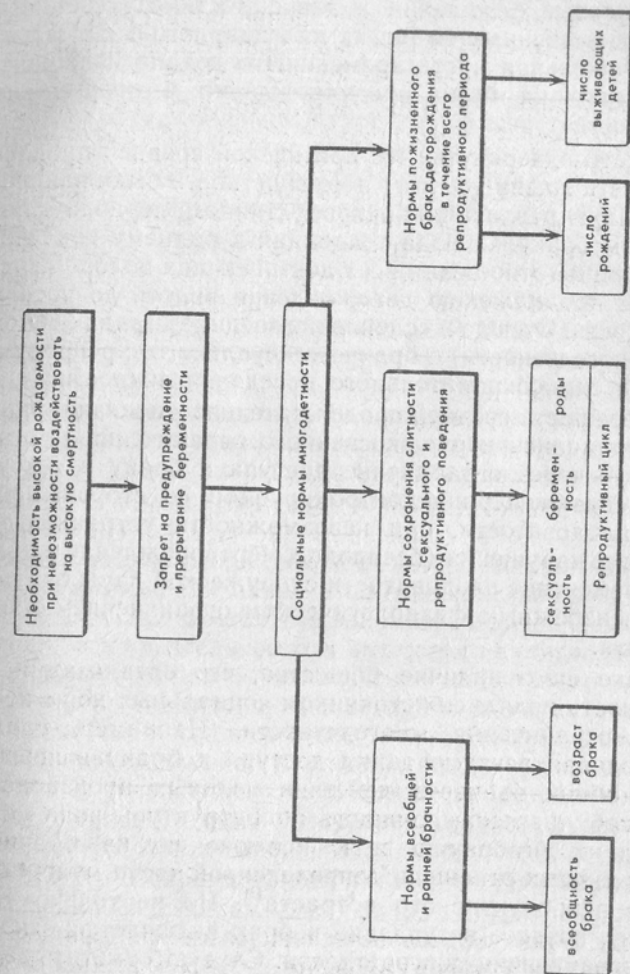

Схема 1. Система социальных норм многодетности

¹¹ См.: Реми-Шовен. Поведение животных. М., 1972. С. 153, 156, 163.

тельство в репродуктивные события, предшествующие родам (хотя средства предупреждения и прерывания беременности были известны издревле).

В процессе исторического развития и усложнения социальной организации запрет на контрацепцию остается в силе из-за высокой смертности. В связи с запретом на сексуальные отношения в зависимости от сезонного цикла хозяйственных работ из календарного года выпадала значительная часть времени, что делало излишним какое бы то ни было предупреждение и прерывание беременности.

Следует подчеркнуть, что при низкой средней продолжительности жизни (30 лет) нормы детности были нацелены на полную реализацию репродуктивного периода в половом браке. Отсюда тенденция к раннему вовлечению в брачные отношения всех достигающих половой зрелости и к продолжению деторождения вплоть до потери плодovitости. Отсюда и «сцепление воедино» (ради единой цели — многодетности) брачно-сексуального, репродуктивного и самосохранительного поведения личности.

По мере роста средней продолжительности жизни шире распространялись нормы косвенного ограничения многодетности — через ограничение доступа к браку и сексуальным связям. При неконтролируемой со стороны общества плодovitости, при невозможности устранить те или иные ее нарушения (бесплодие, мертворождение и др.) именно изменение плодovitости супружеской пары оказывалось неизбежным физиологическим ограничением многодетности.

Однако само наличие общества, его организация и деятельность являлись источником социальных норм косвенного ограничения многодетности. Например, социально-родовая регламентация доступа к браку в первобытном обществе через действие половых производственных табу и экзогамно-эндогамной структуры рода могла вести к безбрачию и к исключению из брачно-репродуктивных отношений определенной части мужчин и женщин репродуктивного возраста¹². Но не только это или более позднее вступление в брак включается в косвенное ограничение многодетности. Следует отметить также различные виды абстинентного поведения, лактацию, допустимость добрачных и внебрачных отношений.

¹² См.: Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976. С. 27.

В классовых формациях при жестких сословных различиях и действии запрета на прерывание беременности незаконнорожденные дети представляли собой проблему с точки зрения их социального положения, и это обстоятельство способствовало инфантициду и отказу от детей. Еще не исследована проблема, каким именно образом и в каких формах в различных обществах, поощрявших многодетность, функционировали нормы, направленные против рождаемости. Однако ясно, что, чем меньше были распространены эти нормы, тем выше была величина превышения гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР)¹³. Чем больше они распространялись, тем меньшим было это превышение минимальной границы потенциала рождаемости, образуемой при отсутствии контрацепции и абортот, т. е. средств прямого ограничения многодетности. Следует подчеркнуть, что наличие «косвенных норм» говорит о социальном характере потенциала рождаемости даже за пределами его минимума, т. е. о невозможности «стихийной многодетности», «неконтролируемой (социально) высокой рождаемости».

Точные оценки масштабов опосредованного и непосредственного регулирования рождаемости и их соотношения дать трудно, но несомненен факт косвенного ограничения многодетности при действии норм поощрения многодетности.

О социально-экономической детерминации многодетности и сохранении запрета на вмешательство в репродуктивный цикл можно судить, например, по семейному укладу жизнедеятельности в феодальном обществе. Так, если мы обратимся к расширенной семье патриархального типа, то в ней производственно-хозяйственная деятельность сочеталась с воспитательно-профессиональной передачей знаний и навыков подрастающим поколениям, с укреплением моральных ценностей и религиозных традиций. Семья была полифункциональна, но ядром широкого круга выполняемых ею функций оставалось обеспечение воспроизводства населения. Патриархальная семья была источником благополучия и здоровья, заботы о престарелых и детях, оплотом безопасности и социального контроля и т. д. В пределах имеющейся автономии семьи от прочих общественных институтов семейный образ жизни становился чуть ли не единственной формой бытия

¹³ О модели ГМЕР см.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 46.

личности (производство, обучение, отдых, игры и развлечения — все совершалось в семье). В значительной степени даже физически можно было уцелеть, лишь принадлежа к семейному клану. В этих условиях ориентация личности на семью определялась всем строем жизни, причем ценность семьи, благополучие семейного коллектива обуславливали и индивидуальное благополучие.

Подобная ориентация на семейно-родственный коллектив усиливала мотивы многодетности, так как увеличение численности семьи прямо определяло ее благосостояние и могущество с точки зрения интересов семейного производства. Установки личности на многодетность в этих условиях укреплялись так же благодаря авторитарной семейной структуре и обусловленности социального положения личности в общине родительским статусом. Краткий период социализации ребенка, участие детей в домашних делах, в производстве с ранних лет, поощряли потребность в многодетности, поскольку польза от детей явно перекрывала издержки.

Однако для феодальной России была характерна не только многодетность, но и среднедетность. Расширенная патриархальная семья, состоящая из нескольких поколений, стала распадаться в России с XV в. В конце XVII в. в районах Русского Севера, Сибири преобладающей стала семья из двух поколений (родители — дети). По писцовым книгам 1678 и 1717 гг. число двухпоколенных семей составляло примерно 65% от общего числа семей. При этом размер семьи не превышал 12 человек, а семья из 4—6 человек была самой типичной (50% от общего числа семей). По писцовым книгам Русского Севера в семьях монастырских и помещичьих крестьян насчитывалось трое и более детей — соответственно 32,2 и 38,7%, один-два ребенка — 53,1 и 47,6%, бездетных — 14,7 и 13,7%. Из тех же данных 1717 г. видно, что смертность детей была высокой, причем у помещичьих крестьян она выше, чем у монастырских, а смертность девочек превышала смертность мальчиков. Так, из общего числа крестьян доля 0—5-летних составляла у монастырских крестьян 12,6%, а 11—12-летних — 10,6%, тогда как у помещичьих крестьян — соответственно 14,2 и 8,4%¹⁴.

¹⁴ См.: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере: конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 27, 34; Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середины XIX в. М., 1981 С. 23, 33.

Для сравнения с приведенными данными рассмотрим структуру семьи и ее детности по крестьянским семьям Сибири. В конце XVII в. там также преобладали двухпоколенные семьи, а детность по «ревизским сказкам» 1764 г. в одном из уездов Западной Сибири выглядела так: семьи с одним-двумя детьми составляли 39%, с тремя-четырьмя детьми — 36, с пятью и более детьми — 23%. Примерно такая же детность наблюдалась и в семьях монастырских крестьян этого же уезда. Таким образом, в сибирских семьях по сравнению с семьями Севера, где издавна отмечалось позднее вступление в брак, многодетность и среднедетность выражены отчетливее.

Развитие капитализма вело к глубоким переменам образа жизни населения, и не только постоянно растущего городского, но и сельского. С демографической точки зрения прежде всего представляет интерес радикальная перестройка отношений между обществом — семьей — личностью. Прежняя роль семьи как посредника во взаимосвязи общества и личности, как основной производственной и социальной ячейки общества, способной к поддержанию норм многодетности и развитию многообразных стимулов к рождению большого числа детей, стала приходить в упадок под влиянием капиталистического производства, вытягивающего всех членов из ложа семейного производства в сферу наемного труда. Переход ряда функций семьи к другим социальным институтам превращает семью в хозяйственно-потребительскую ячейку, где каждый из ее членов вовлекается в такую деятельность, в которой семейные связи утрачивают свое прежнее значение посредника.

Рождение большого числа детей постепенно теряет свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усиливают экономическую зависимость детей от родителей и ослабляют репродуктивную мотивацию, прежде всего экономические и социальные мотивы многодетности. Спонтанному уменьшению норм многодетности, редуцированию их до нижней границы многодетности (5 детей) и ниже содействует постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных детей с числом доживающих до совершеннолетия. Последнее обстоятельство окончательно разрушает запрет на вмешательство в репродуктивный цикл. Улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, успехи медицины и здравоохранения

укрепляют здоровье личности, удлиняют срок жизни и непосредственно воздействуют на уменьшение смертности. А это означает, что самосохранение населения в условиях контроля над смертностью непосредственно зависит от сокращения смертности и не нуждается в какой-либо подстраховке через высокую рождаемость. Тем самым многодетность потеряла свою главную опору, а рождение детей, функционально никак не связанное с физическим самосохранением Я, теперь могло сокращаться беспредельно, точнее, до бездетности (см. схему 2).

Снятие запрета с применения контрацепции и аборт привело к дальнейшей переоценке ценностей, к углублению диссонанса между всеми элементами в прошлом сбалансированной системы социального поощрения высокой рождаемости. Возможность непосредственного вмешательства в репродуктивный цикл лишает смысла прежние ограничения на добрые и сексуальные отношения в браке, на процедуру развода и т. д. Улучшение здоровья населения, увеличение физиологических границ репродуктивного периода жизни способствуют развалу старого «механизма» социального контроля над рождаемостью. Однако при этом не создаются какие-либо новые социальные стимулы к рождению нескольких детей, но какое-то время инерционное действие норм многодетности в изменившихся обстоятельствах продолжает обеспечивать высокую рождаемость.

На рубеже XX в. разрушается создававшаяся веками сцепленность всех видов демографического поведения (самосохранительного, репродуктивного, сексуального, брачного) и как следствие снижается рождаемость.

Основным средством ограничения рождаемости становится прямое вторжение воли в естественную последовательность репродуктивного цикла, т. е. предупреждение и прерывание беременности. Социально санкционируемая возможность предохранения от зачатия и избавления от него на любом этапе формирования семьи несет с собой также и возможность удлинения интервалов между рождениями, но главное — возможность останавливаться на том числе детей, которое желает иметь семья. Отмена запрета на контрацепцию предполагает вариативность числа детей в семье не только под влиянием детской смертности, но и под влиянием репродуктивного поведения. Однако применение контрацепции начинается лишь при таком изменении социально-экономических условий, кото-

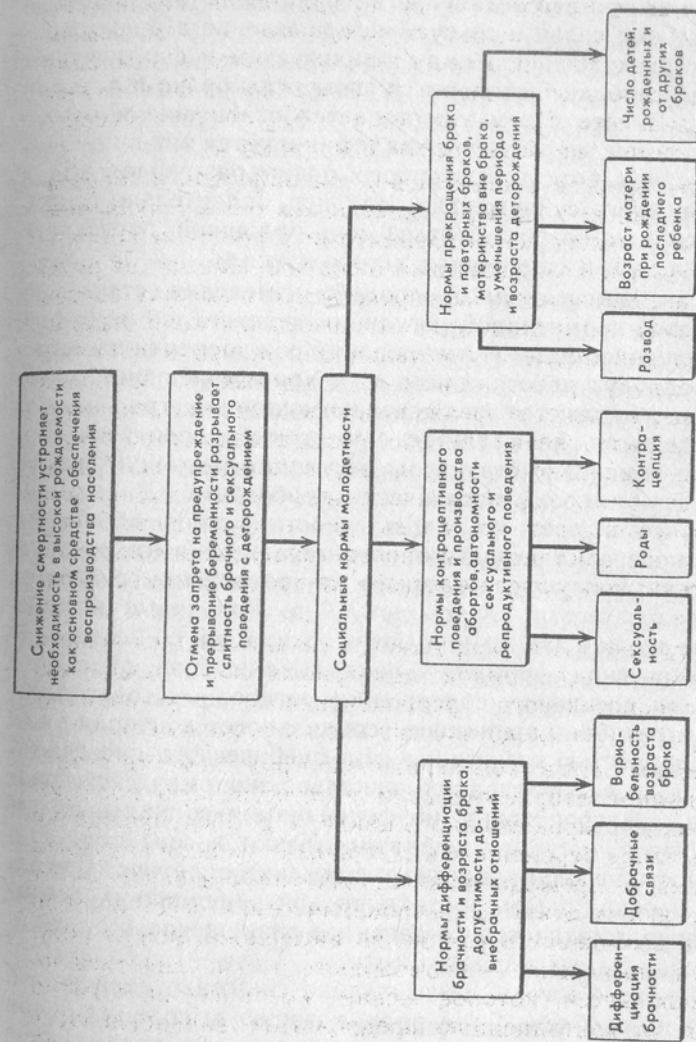

Схема 2. Разрушение системы социальных норм многодетности

рое ослабляет побуждения к многодетности. Таким образом, снижение рождаемости детерминировано факторами уменьшения числа детей, вызывающими необходимость в средствах внутрисемейного ограничения.

При этом резко ослабевают ограничения на добрачные сексуальные связи и сексуальное поведение в браке, возникает расхождение между юридическим и фактическим браком, свободнее становятся процедуры брака и развода и т. д. Вместе с тем ужесточается отношение к отвержению детей, инфантицид квалифицируется как вид убийства, приемлемость повторного брака разрушает идеал пожизненного супружества. Наконец, значительно сокращаются как возраст матери при рождении последнего ребенка, так и сам период деторождения.

Итак, эволюционный процесс изменения структуры социально-нормативной регуляции детности, связанный с перемещением норм регулирования рождаемости на события репродуктивного цикла и с «расщеплением» ранее созданного единства всех основных видов демографического поведения, не является сам по себе «плохим». Подобное изменение структуры регуляции репродуктивного процесса человека исторически необратимо. Важно понять, что в прежней «сцепленности» типов поведения таится разгадка регуляционного механизма высокой рождаемости, просуществовавшего на протяжении всей истории человечества вплоть до XX в. Различные исторические эпохи в зависимости от особенностей общественно-экономических формаций накладывали свой отпечаток лишь на специфику содержания мотивов многодетности, не затрагивая принципов социального контроля над соединенностью всех типов демографического поведения.

Только на тех стадиях социально-экономического развития, где происходит дифференциация социальных институтов и института здравоохранения и создается возможность целенаправленного снижения смертности, отпадает необходимость запрета на контрацепцию и, следовательно, начинается постепенное разрушение всего здания социальных норм детности.

Однако факторы, вызывающие снижение смертности, ведут к ослаблению той роли, которую выполняла семья по сочетанию интересов личности и общества. Такое ослабление посреднической роли семьи в разных странах мира происходит неравномерно в зависимости от дробления и обособления социальных институтов, и потому

снижение рождаемости (в пределах многодетности) может наблюдаться и в докапиталистических формациях. Но именно на стадии крупного капиталистического производства происходит устранение семейного производства — мощного фактора многодетности¹⁵.

В свою очередь это устранение развивает ценностные ориентации членов семьи на личные достижения во внесемейных сферах деятельности, что ведет к перевесу этих ориентаций над ценностью укрепления домашнего очага, наличия нескольких детей в семье. Городской образ жизни закрепляет всей массой мелочей повседневности и быта обесценивание семьи и дома, т. е. ослабляет потребность личности и семьи в нескольких детях. И поэтому нет ничего удивительного в массовом распространении малодетности — разрушение системы норм высокой рождаемости и активизация всех форм ограничения рождаемости не сопровождалась созданием какого-либо нового типа социального контроля над рождаемостью, хотя создание такого типа диктовалось объективной необходимостью простого воспроизводства населения. Вся необычность сложившегося положения дел заключается в самой задаче — в определении требующейся обществу модели семьи и во внедрении ее в жизнь.

Уяснению этого мешало то, что нормы многодетности, глубоко укоренившиеся в массовой психологии, общественном мнении, культуре, обладают огромной «живучестью». Уже более 100 лет снижается рождаемость в России, но лишь через три-четыре демографических поколения исчезают нормы многодетности и рождаемость падает до очень низкого уровня. Так, в СССР в 60-х годах быстрое снижение рождаемости показало, что активизация норм прямого и косвенного ограничения рождаемости оказалась связанной с таким «свободным выбором» личностью любого типа семьи по детности, который для подавляющего большинства горожан выражен в единственной альтернативе — «не иметь третьего ребенка», для двух третей из них — «не иметь второго», и лишь для трети сельских жителей характерен выбор среднететности.

Таким образом, созданная разрушением норм высокой рождаемости возможность выбора любого числа детей

¹⁵ См.: Антонов А. И., Борисов В. А. Семья как объект социально-демографического управления // Социально-демографические аспекты брака, семьи и репродуктивных установок. Ереван, 1983.

в семье при распространении малодетности просто-напросто не реализуется, так как стереотип отказа от трех и более детей ведет к предпочтению одно-двухдетной модели (выбор между однодетностью и двухдетностью не принципиален, поскольку и в том и в другом случае ведет к депопуляции, но при однодетности — более стремительно). Для того чтобы возможность выбора между тем или иным числом детей могла существовать реально, по-видимому, сначала надо устранить факторы, побуждающие людей к малодетности, а затем привести в действие факторы, поощряющие семьи с тремя и более детьми. Здесь возникает еще один вопрос: что предпочтительнее — противопоставить массовой малодетности в качестве компенсации многодетные семьи с пятью и более детьми или же перестроить весь образ жизни так, чтобы самой распространенной стала среднететная модель семьи, а малодетность и многодетность продолжали бы существовать как непреходящие проявления подлинной свободы индивидуального выбора между типами детности? Демографические дискуссии последних лет свидетельствуют, что второй вариант наиболее приемлем исходя из интересов личности, семьи и общества.

При социализме создаются широкие возможности для социального управления репродуктивным поведением населения, укрепления всей системы социальных норм рождаемости на основе укрепления норм среднететности и института семьи. Эта цель демографической политики не питается надеждой на реставрацию патриархального уклада, быта семьи, не означает возврата к прошлой «сцепленности» типов демографического поведения и вовсе не требует отказа от практики контрацепции.

На XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что прочная семья является одним из важнейших устоев общества. В центр внимания общественности поставлены проблемы укрепления семьи. На это должна быть направлена деятельность самых различных организаций, и «надо так поставить практическую работу государственных и общественных организаций, чтобы она всемерно способствовала укреплению семьи, ее устоев»¹⁶. В качестве предпосылки решения многих проблем семьи назван целый ряд

¹⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 51—52.

мер по улучшению условий труда и быта женщин, условий жизни семьи, и прежде всего молодой семьи, продление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, а также числа оплачиваемых дней при болезни ребенка, продление пособий на детей из малообеспеченных семей до достижения ребенком возраста 12 лет, полное удовлетворение потребности населения в детских дошкольных учреждениях¹⁷ — все это, безусловно, улучшит условия реализации имеющейся у населения потребности в детях.

Создание реальных возможностей для семьи по выбору любого числа детей может быть основано лишь на разнообразии средств стимулирования семьи с детьми, на поддержке в конечном счете тех особенностей репродуктивного поведения семьи, которые ведут к среднететности — как необходимому с точки зрения воспроизводства населения типу семьи — при сохранении здоровья, социально-психологического и экономического благополучия всех членов семьи.

Будущее семьи зависит от того, как скоро удастся повысить ценность наличия нескольких детей в семье, насколько эффективными окажутся разрабатываемые специалистами социальные стимулы рождаемости, как быстро смогут переориентироваться все социальные институты на учет интересов семьи с детьми. Принятые на XXVII съезде КПСС решения, нацеленные на укрепление семьи, являются залогом успешного осуществления задач демографической политики в нашей стране.

¹⁷ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 52.

СЕМЬЯ В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

Разработка методологических проблем исследования изменений семьи и демографических процессов в докапиталистических формациях не только дает основу для анализа социально-демографических тенденций развивающихся стран, где еще сильны пережитки докапиталистических хозяйственных укладов, но и помогает уяснить демографическую ситуацию в СССР. В. И. Ленин отмечал, что для понимания любого общественного явления необходимо знать, как это явление возникло, какие главные этапы в своем развитии проходило, и с точки зрения его развития смотреть, чем оно стало теперь¹.

В советской науке существует целый ряд исследований, посвященных изучению народонаселения и его воспроизводства в прошлом. Однако диалектика воздействия социально-экономических факторов на интенсивность демографических процессов остается еще недостаточно изученной, а широкая разработка методологии исследования народонаселения в историческом разрезе, можно сказать, только начинается.

В настоящее время в ходу тезис о существовании исходного «архетипа воспроизводства населения»², который характеризуется якобы «экологическим» и «демографическим» равновесием. Эти понятия, не будучи четко определены, требуют, по нашему мнению, уточнения. «Экологическое равновесие», если его рассматривать как данное статическое состояние, будет теоретическим отрицанием всякой эволюции, которая и заключается в нарушении «равновесия». В современном мире в связи с обострением проблем окружающей среды и попытками сохранить исчезающие виды животных биологи убедились, что «экологического равновесия» как такового в природе вообще нет³.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

² Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 24.

³ См.: Биология охраны природы/Под ред. М. Сулея и Б. Уилксоса. М., 1983.

Появление человека и даже его первобытных предков должно было существенным образом изменить поведение экосистемы. Человек в отличие от других видов не только приспосабливался к внешним условиям, но и самым активным образом приспосабливал к своим потребностям эти условия. Поэтому развитие человека в отличие от эволюции животного характеризуется не изменением физическо-го типа, а изменением форм поведения⁴. И шло оно, видимо, не по линии приспособления к внешним условиям, а в соответствии с предложенной Г. А. Шмидтом концепцией «общественно-трудоового отбора», т. е. «вместо приспособления — «адаптации» — появляется преодоление неблагоприятных внешних условий»⁵.

В новом отношении человека к среде на первое место вышел общественно-производственный фактор, от которого стало зависеть направленное выживание обладателей социальных и биологических особенностей: выживал тот, кто лучше нарушал «экологическое равновесие». Таким образом, уже в раннем первобытном обществе человек стал главной преобразующей и разрушающей силой в экосистемах.

Сказанное об «экологическом равновесии» в значительной мере относится и к «равновесию демографическому». Если рассматривать последнее как сохраняющееся постоянным в течение достаточно продолжительных периодов соотношение рождаемости и смертности, то это понятие не будет иметь теоретическую ценность. Если же предположить, что существует особый механизм, поддерживающий это соотношение рождаемости и смертности и по крайней мере стабильность численности населения, то с этой позиции трудно объяснить, почему в одном случае наблюдался значительный рост населения, приводящий к массовым переселениям и военной экспансии (например, у кочевых скотоводческих народов), а в другом — население убывало (например, в античных государствах).

Более плодотворной, на наш взгляд, является концепция относительной независимости рождаемости и смертности, репродуктивного и самосохранительного поведения,

⁴ См.: Рогинский Я. Я. Антропологические вопросы в проблеме происхождения человека//Труды Института этнографии (далее: ТИЭ) Т. XVI. М., 1951. С. 192.

⁵ См.: Шмидт Г. А. Проблемы отбора в антропогенезе//Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 115. С. 84.

регулируемых социальными нормами, которые складываются в конкретных социальных условиях, под определяющим влиянием одних и тех же социально-экономических отношений. С такой точки зрения рассогласование между рождаемостью и смертностью может иметь вполне закономерный характер, и задача исследователя будет заключаться в поиске социально-экономических причин этого явления, в изучении возможностей воздействия на рождаемость и смертность.

Можно предположить, что в древнейший период истории не заново возникали нормы, регулирующие демографическое поведение, в особенности репродуктивное поведение и рождаемость, а происходило развитие и качественное превращение форм регуляции воспроизводства популяции древних гоминид. Рассмотрение организации воспроизводства сообщества древних людей обнаруживает сходство со структурами воспроизводства популяций высших приматов⁶. Основное же отличие древнейших человеческих сообществ от популяций животных состоит в наличии системы социального управления, включающей нормы, обычаи и традиции, которые регулировали различные стороны жизни и могли быть восприняты каждым человеком только в процессе индивидуального обучения в рамках данного сообщества.

В истории первобытного общества можно выделить эпоху присваивающей экономики и соответствующую ей раннепервобытную общину и эпоху производящей экономики с позднепервобытной (протокрестьянской) общиной. Обе эти эпохи характеризуются высоким уровнем рождаемости, хотя системы социального управления демографическими процессами различались.

Организация воспроизводства численности раннепервобытной общины объективно была направлена на обеспечение естественной рождаемости. Это означает отсутствие практики волевого ограничения рождаемости (аборт и контрацепция) и вовлеченность всех женщин репродуктивного возраста (за редким исключением) в брачные или половые отношения. Интервалы между рождениями регулировались при помощи длительной лактации, что способствовало реабилитации женского организма после родов и укреплению здоровья потомства. Сезонные поло-

⁶ См.: Бутинов Н. А. Проблема экзогамии // ТИЭ. Т. XIV. М., 1951. С. 3—27; Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М., 1981.

вые табу упорядочивали рождение детей во времени. В этих условиях реализация потенциала рождаемости была неполной, а рождаемость относительно невелика. Если считать вслед за Дж. Бонгаартсом, что средний интервал между рождениями при регулярных половых отношениях, отсутствии лактации, контрацепции и искусственных абортов равен 18,5 месяца, и воспользоваться его же данными о продолжительности кормления грудью в некоторых современных развивающихся странах (от 11 до 19 месяцев), то можно считать, что средний интергенетический интервал был равен 35—36 месяцам⁷.

При продолжительности репродуктивного периода женщины той эпохи, равной примерно 14 годам (от 16 до 30 лет, что даже несколько завышено), на один год этого периода приходилось около 0,34 рождения, что составляло 4,73 рождения на одну женщину. Такая интенсивность рождаемости в условиях высокой смертности не обеспечивала высокого темпа роста населения.

Хотя средства контрацепции и искусственные аборты были известны даже первобытным племенам⁸, они, как правило, не использовались в качестве непосредственного средства регуляции рождаемости. Наиболее приемлемыми были формы косвенной регуляции рождаемости — вовлеченность в брачно-половые отношения (доля женщин репродуктивного возраста, состоящих в браке) и частота половых сношений, регулировавшаяся половыми табу.

При переходе к производящей экономике, основанной на земледелии и скотоводстве, семья становится основной производственной ячейкой. Система социального управления демографическим воспроизводством претерпевает значительные изменения, уходит в прошлое и организация общества на основе различия полов, принципиально меняется система родства. Возникает патриархальная, большая семья, состоящая из нескольких поколений родственников и свойственников.

Патриархальная семья представляет собой очень устойчивую социальную форму, которая будет играть важную роль и в условиях классового общества. Будучи

⁷ Bongarts J. Framework for Analyzing the Proximate Determinants of Fertility // Population and Development Review. 1978. Vol. 4. N 1. P. 116.

⁸ Seregely Gy. Contraception. Budapest, 1981. P. 15—34.

включены в систему хозяйственных связей и государственного управления, прежде самостоятельные общности людей сохраняли патриархальную организацию воспроизводства демографической структуры и в период рабовладения, и в период феодализма. Только при капитализме остатки патриархальной организации были сметены развитием товарного производства, оставаясь как пережитки в народных обычаях и обрядах.

Патриархальная семья, выступая как относительно автономное в хозяйственном отношении объединение, в целях обеспечения успеха своей хозяйственной деятельности нуждалась в постоянстве своей демографической структуры. Это обуславливалось спецификой половозрастного разделения труда в примитивном сельском хозяйстве. При патриархальной организации сельскохозяйственного производства период иждивения был весьма небольшим, и каждый член семьи выполнял работу, необходимую общему хозяйству. Потребление продукта происходило в соответствии с наличием последнего и пропорционально физиологическим потребностям, обусловленным полом и возрастом. Другими словами, осуществлялось примитивное распределение по труду.

Возможно, именно в патриархальной семье появилась индивидуальная потребность в детях. Это может быть связано с тем, что в данный период дети «принадлежат» своим родителям. Появление моногамных семей в рамках патриархальной и идентификационной системы родства является хотя и косвенным, но достаточно весомым аргументом в пользу возникновения именно в эту историческую эпоху индивидуальной потребности в детях и диспозиционной регуляции репродуктивного поведения. Специфика первобытной эпохи состояла в согласованности диспозиций и результатов репродуктивного поведения, что связано с относительной однородностью экономической и социокультурной среды. При этом идентификационная система родства превращала наличие детей и определенного их числа в символ социальной оценки индивида окружающими его людьми.

Прочетание патриархальной семьи зависело не только и не столько от ее численности, сколько от оптимальной с точки зрения организации процесса материального производства структуры. И дети и взрослые были одинаково необходимым условием успешного функционирования всего коллектива в целом. В некоторых слу-

чаях здесь появляется возможность для расширения действия социальных норм ограничения рождаемости. Рождение ребенка в тех случаях, когда это не разрешалось социальными нормами, превращало родителя в социально неполноценного человека. Например, рождение ребенка женщиной до брака или во вдовстве могло повлечь самые серьезные санкции. В то же время существовали обычаи и противоположного рода, например, левират, что, видимо, могло быть связано с зарождением отношений индивидуальной собственности и наследования имущества. Но здесь уже появляется возможность углубления противоречия между интересами отдельной семьи, стремящейся сохранить свою структуру, и интересами общества как объединения семей, имеющего самостоятельные функции, например оборонительную, которая требовала увеличения числа боеспособных мужчин.

Обязательность вступления в брак, возможно, была связана с особенностями распределения функций внутри семьи. Если взрослый мужчина мог своим трудом прокормить несколько человек, то женщина вряд ли могла своим трудом обеспечить несколько взрослых мужчин, да еще и маленьких детей. Каждый мужчина, достигнув определенного возраста, должен был жениться. В то же время, повзрослев, он должен был обеспечить себе замену детьми, чтобы не нарушить структуру семьи. Кроме того, ему необходимо было обеспечить замену и своей сестре, которая, повзрослев, вышла замуж и перешла в другой производственный коллектив. Жена же мужчины, придя из другой семьи, оказалась сразу в разряде взрослых, а сестра, уйдя в другую семью, никого не оставляла взамен себя в прежней семье. Выполнение требования обязательного вступления в брак должно было сочетаться с определенными репродуктивными обязательствами.

Учитывая, что патриархальная семья была ячейкой производства материальных благ, а моногамная — ячейкой демографического воспроизводства, бездетность должна была переживаться как невыполнение долга перед родственниками, как некоторое иждивенчество. Осознание роли детей в производстве, видимо, произошло на этапе выделения отдельных семей из родов. Как считает М. М. Ковалевский, здесь возникала некая конкуренция между кланами отца и матери за потомство, так как «каждая семья хотела иметь своих детей у себя

в хозяйстве»⁹ М. М. Ковалевский подобрал множество данных о конкуренции за потомство, а также выдержек из древних законодательств, свидетельствующих о том, что единственным предназначением брака считалось рождение множества детей¹⁰.

Потребность в детях в патриархальной семье переживалась индивидом как потребность в многодетности, и связано это было не только с высокой детской смертностью. Многодетность была элементом образа жизни, ориентиром, и обусловлено это было в первую очередь тем, что большая, многопоколенная, с развитой демографической структурой семья обладала рядом экономических преимуществ и, таким образом, ассоциировалась с процветанием, благоденствием и т. п.

В патриархальный период зарождается и противоречие между воспроизводством населения и социальной структурой. Социальные нормы, регулирующие репродуктивное поведение и формирующие индивидуальную потребность в многодетности, являются достаточно стабильными, фактически не зависящими от временных изменений обстановки. Известный «лаговый эффект», инерционность социальных норм репродуктивного поведения, является их своеобразным защитным механизмом. В наиболее благоприятные периоды непосредственно неограничиваемая рождаемость вызывала значительный рост населения, что могло вести к диспропорции половозрастной структуры патриархальной семьи, к ее численному росту. Это противоречие между стремлением к высокой рождаемости и ограниченностью организационных форм семейного производства преодолевалось в зависимости от его остроты, либо (или сначала) при помощи сегментации первоначальной семьи и образования патронимии¹¹, либо (или впоследствии) эмиграцией населения, освоением новых территорий. Именно миграции патриархальных племен мы наблюдаем в Европе до VI—VII вв., а в Азии до XIV в. С другой стороны, это противоречие, если оно не снималось интенсификацией производства и сменой социальных форм организации, могло вести к дроблению наделов, обезземеливанию части общинников и к их социальному

расслоению, т. е. все равно было катализатором возникновения классового общества.

С образованием классов и государства меняется, и весьма значительно, специфика социального управления демографическими процессами. Совершенно особое место в этом плане занимает классическое античное рабовладельческое государство. Здесь впервые осознается понятие оптимума населения и проводятся государственные мероприятия по установлению этого оптимума. Античное рабовладение дает нам отличный пример противоречия между индивидуальным и общественным интересами, между организацией воспроизводства социальной структуры и воспроизводства демографической структуры общества.

При рабовладении появляются необходимость и идея ограничения численности населения сверху и снизу: рабов в государстве должно быть столько, чтобы все свободные могли быть избавлены от недостойного их физического труда, а свободных должно быть столько, чтобы они могли подавлять рабов (ограничение снизу) и в то же время образовывали достаточно компактное, управляемое общество.

Если ограничение роста численности населения в рабовладельческих государствах легко достигалось при помощи эмиграции и образования колоний, то с предупреждением убыли населения дело обстояло гораздо сложнее. Здесь в действие вступали разного рода законодательства, поощрявшие многодетность и предоставлявшие гражданские права вольноотпущенникам и чужеземцам. Но эти законодательства были, видимо, недостаточно эффективными. Уменьшение рождаемости, наблюдавшееся, по свидетельству древних авторов, в период расцвета рабовладельческих государств, возможно, объясняется обострением противоречия между индивидуальным интересом, заключавшимся в уменьшении потребности в детях вплоть до одного ребенка — наследника частной собственности, и общественным интересом, требующим по крайней мере простого воспроизводства численности населения государства.

Анализ воспроизводства населения в феодальном обществе во многом возвращает нас к демографическим проблемам патриархального периода. Здесь опять на первый план выходит семья как важнейшая производственная ячейка. Относительная экономическая самостоятельность

⁹ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1934. С. 52.

¹⁰ См. там же. С. 81—82.

¹¹ См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 4.

семьи обеспечивает ее демографическое воспроизводство, но ситуация осложняется социальной неоднородностью и антагонистическим характером феодального общества.

В современной медиэвистике не существует определенного мнения о размере и структуре семьи крестьян, об уровне рождаемости, о детерминации репродуктивного поведения в средневековье. Считается, что в средневековой Европе преобладала малая семья, состоящая из родителей и несовершеннолетних детей, и размер семьи был невелик. Так, французские ученые Ж. Шапло и Р. Фосье обосновывают это мнение данными археологии жилища крестьян, предполагая, что крестьянский дом с конца IV в. представлял собой небольшую, площадью примерно 12 кв. м, постройку без каких-либо пристроек. Эти постройки были рассчитаны на малые семьи, хотя на побережье Северного моря строились «длинные» дома — шириной 3—4 м и длиной 10—20 м. Но жилое помещение с одним очагом было очень мало, а большую часть дома занимали стойла для скота, что обусловлено суровым климатом¹².

Иного мнения о размерах семьи придерживается археолог из ГДР П. Донат. Изучая археологические данные о структуре крестьянских поселений в Центральной Европе, он делает достаточно осторожный вывод, что в VII—XII вв. один крестьянский двор населяли 20—30 человек, а поселения состояли из 6—12 дворов и насчитывали 125—300 человек¹³.

М. Блок считает, что в каролингскую эпоху «крепкую и большую патриархальную семью заменяет в качестве ячейки общественной жизни супружеская семья, состоящая главным образом из потомков еще живущих супругов»¹⁴. Такого же мнения придерживается и Я. Д. Серовайский, полагающий, что во Франции X—XII вв. «каждый манс находился во владении одной семьи современного типа»¹⁵ (манс — надел, облагавшийся фиксированными повинностями). Ж. Фуркан также считает, что «мансы Сен-Жерменского аббатства, расположенные вокруг Па-

¹² Chaffelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. P., 1980.

¹³ Donat P. Haus, Hof und Dorf im Mitteleuropa vom 7—12. Jahrhundert. Berlin, 1980.

¹⁴ Блок М. Характерные черты французской аграрной экономики. М., 1957. С. 223.

¹⁵ Серовайский Я. Д. Манс и надел в зависимости крестьянина во Франции по материалам Ключинских грамот (X—XII вв.) // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1960. Т. 47. Вып. 6. С. 80.

рижа, держались не расширенной семьей, а супружеской парой с детьми»¹⁶, причем размеры семьи были небольшими. Разными исследователями называются цифры от 1,5 до 2,0 ребенка в семье. Подобные данные заставляют предположить: либо смертность была так велика, что из множества рождавшихся детей в живых оставались только один-два ребенка, либо крестьяне по каким-то причинам ограничивали рождаемость. Но в любом случае такое число детей не обеспечивало простого воспроизводства населения, и потому достоверность таких оценок вызывает сомнения.

Для средневековой Европы был характерен значительный рост населения. Именно в средневековье фактически вся территория была освоена и заселена. Особенно быстро росло население в XII—XIII вв. М. Барг, критикуя Б. Ц. Урланиса за рассчитанный им для Англии этого периода слишком низкий темп прироста населения, показывает на материалах по Южному Кембриджу (данные, представительные для всей Англии), что темп был значительно выше. Сравнивая данные книги «Страшного суда» 1086 г. и так называемых «Сотенных свитков» 1279 г., М. Барг показывает, что количество очагов (или семей как переписных единиц) увеличилось с 2688 до 6756, или в 2,54 раза¹⁷. Даже если предположить, что общая численность населения росла пропорционально количеству семей, то это дает среднегодовой темп прироста 0,48%. Данные М. Барга подтверждаются и позднейшими исследованиями, показавшими, что при росте населения в целом по Англии в 2—2,5 раза, в некоторых районах, возможно, за счет территориального перераспределения население выросло в 6,5—43 раза¹⁸. На основании этих данных мы можем оценить рождаемость в средневековой крестьянской семье в Англии.

Если мы будем брать минимальные значения, т. е. рост населения в 200% за 200 лет, то среднегодовой темп прироста будет равен примерно 0,0035. Это при длине поколения в 30 лет дает нетто-коэффициент воспроизводства около 1,11, что при средней продолжительности жизни, предстоящей при рождении, около 30 лет дает брутто-

¹⁶ Fourquin G. Le premier moyen age // Histoire de la France rural. P., 1975. Т. 1. Р. 348.

¹⁷ См.: Блок М. Указ. соч. С. 89.

¹⁸ См.: Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация в Англии в XII—XIII вв. // Средние века. М., 1977. № 41. С. 5—33.

коэффициент примерно 2,31 и суммарный коэффициент рождаемости около 4,8 рождения на одну женщину за репродуктивный период в среднем.

Подобная картина наблюдалась и в средневековой Франции. Л. Ю. Бессмертный на основе антропонимического анализа полиптика (описи) Сен-Жерменского аббатства выдвинул гипотезу о преобладании не малой, а большой, многопоколенной семьи в средневековом феодальном хозяйстве. В полиптике аббата Ирминона помимо основного держателя манса довольно часто упоминается несколько содержателей, причем общие повинности с манса не увеличиваются. Антропонимический анализ показал, что эти содержатели были, вероятнее всего, детьми основного держателя. «Малая семья, — пишет Л. Ю. Бессмертный, — существовала здесь либо как часть большой семейно-хозяйственной группы, либо как часть соседского сообщества»¹⁹. Экономически это было вполне объяснимо. Если молодая крестьянская семья обзаводилась собственным хозяйством (недостатка в земле тогда не было), то, получив от сеньора отдельное держание, она брала на себя и все связанные с ним поземельные повинности, включая полевые барщины. Если же молодая семья оставалась в хозяйстве родителей, то участвовала лишь в выполнении прежних служб и оброков, так как объем повинности зависел от надела, а не от размера семьи. Конечно, семья не могла разрастаться до бесконечности, оставаясь на том же участке, в какой-то момент необходимо было деление. Но выделявшаяся группа представляла собой не брачную пару, а окрепшую и развивавшуюся в рамках отцовской семьи новую хозяйственно-самостоятельную семью, которая очень скоро должна была превратиться в большую семейную группу.

Открытие многопоколенной семьи вносит значительный вклад в решение вопроса о потребности в детях при феодализме и о рождаемости в крестьянской семье. По данным полиптика, отдельно упоминавшего детей, среднее их число в семье было 1,81 и варьировало по главам от 1,3 до 2,6²⁰. Очевидно, что такое число детей в семье не обеспечивало даже простого воспроизводства населения. Проблема разрешается с учетом того, что содержате-

ли мансов были, как правило, детьми основных держателей, и потому реальное число детей в семьях было большим, чем это получается при формальном анализе данных полиптика.

Фиксация статуса старших детей (мужского пола) как содержателей, а не как детей, видимо, происходила, когда они были еще в достаточно молодом возрасте. В Северной Франции браки для мальчиков разрешались с 12—13,5 года, а для девочек — с 10—11,5 года²¹. Таким образом, семья получала дополнительные рабочие руки, а сеньор — дополнительный поочажный налог. По-видимому, среднее число детей в семье намного превышало двоих, а если учесть, что при небольшой продолжительности жизни одновременно жило не более трех поколений одной семьи и что семейные группы состояли из 8—10 человек, а иногда и из 25—29 человек²², то можно предположить, что число детей в семье достигало 4—5 человек.

Репродуктивное поведение крестьян при феодализме определялось потребностью в многодетности, обусловленной прежде всего семейным производством. Но здесь возникало противоречие между стремлением к многодетности и ограниченностью поля применения труда. Это противоречие вело к дроблению крестьянского землевладения. Так, если надел крестьянина-керла в Англии VII—VIII вв., называвшийся гайда, составлял 120 акров, то уже в IX—X вв. он составлял $\frac{1}{4}$ гайды. Этот же процесс вел к широкой внутренней колонизации Западной Европы в XI—XII вв. Колонистами были свободные крестьяне, так называемые госпиты.

Некоторые моменты оказывали негативное влияние на репродуктивное поведение крестьян. Это была в первую очередь личная зависимость крестьян и ее следствие — поголовное обложение, так называемая талия.

В XIII в. происходит бурное развитие торговли шерстью в Англии и во Фландрии, а также развитие денежного хозяйства и разложение феодального поместья. Повсеместно происходит коммутация (замена барщины оброком), что в условиях сохраняющегося семейного произ-

¹⁹ Бессмертный Л. Ю. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX века: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. М., 1980. № 43. С. 46.

²⁰ См.: Бессмертный Л. Ю. Указ. соч. С. 43.

²¹ Riché R. Problèmes de démographie historique du Haut Moyen Age (V—VIII s.) // Annales de démographie historique. 1966. P. 37—57; Idem. L'enfant et la société. P., 1973. P. 95—97; Flaxman J. L. Famille, Paranté, Maison et Sexualité dans ancienne société. P., 1976. P. 129.

²² См.: Бессмертный Л. Ю. Указ. соч. С. 51.

водства ведет к укреплению потребности в многодетности.

Не останавливая внимания на рождаемости горожан и феодалов, составлявших меньшинство населения феодального государства, отметим только, что в наиболее типичных случаях цеховые регламенты поощряли рождаемость у средневековых ремесленников. Они, например, ограничивали число учеников, если те не были сыновьями мастера, рожденными в законном браке, как у парижских сукновалов в XII в. Статут парижских ткачей шерсти разрешал заниматься ремеслом и иметь до трех больших станков только кровным родственникам цехового мастера, свойственники же таких прав не имели²³. Получалось, что для цеховых мастеров высокая рождаемость и большое число детей в семье, причем в основном мальчиков, были единственным средством расширения производства и обогащения.

Таким образом, средневековое семейное производство стимулировало многодетность и закрепляло высокую потребность в детях социальными нормами и обычаями, выступавшими основными регуляторами поведения всех социальных групп населения. Именно господство семейного производства создает впечатление автоматичности управления демографическим воспроизводством в средние века. Но это далеко не так. В средние века существовало явление дифференциальной рождаемости: чем самостоятельнее был крестьянин, тем больше был размер его семьи, у крепостных же семья была меньше²⁴.

Обусловленность высокой рождаемости по преимуществу экономическими причинами и сильной экономической мотивацией являлась всеобщей. Как только в ходе общественного развития семейное производство разрушается, так, как следствие, понижается рождаемость. Связь между семейным производством и высокой рождаемостью в определенной мере прослеживается и в настоящее время.

²³ См.: Хрестоматия по истории средних веков/Под ред. Н. Грацинского и С. Сказкина. Т. I. М., 1938. С. 335.

²⁴ См.: Бессмертный Л. Ю. Указ. соч. С. 42.

ВЗАИМОСВЯЗИ БРАЧНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В изучении воспроизводства населения все большее внимание уделяется брачному поведению. При этом основные усилия пока традиционно направлены на выявление его количественных параметров, характеризующих возраст вступления в первый брак, частоту разводов и повторных браков, распространенность окончательного безбрачия, длительность пребывания в браке. Отдельно изучается влияние названных факторов брачности на рождаемость при рассмотрении репродуктивного поведения.

Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «формирование новой семьи — непростое дело. Это сложный процесс, и тут есть свои проблемы»¹. Брачное поведение и поведение репродуктивное, определяющее его, не являются независимыми друг от друга. Конечно, каждое из них имеет свои особенности. Однако их самостоятельность относительна, и демографическое значение имеют именно те аспекты брачного поведения, которые связаны с поведением репродуктивным. В прошлом при высоком уровне рождаемости тесное сцепление брачного и репродуктивного поведения принимало достаточно простые формы². В наше время при низком уровне рождаемости, распространенности разводов и повторных браков их взаимозависимость не исчезает, а происходит процесс перестройки структуры связей репродуктивного поведения с поведением брачным³.

В настоящее время взаимозависимость брачного и репродуктивного поведения настолько усложнилась, что ей должно быть уделено соответствующее внимание. При современном типе рождаемости актуальной задачей является определение характера взаимосвязи брачного и ре-

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 51.

² См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 114—118.

³ См.: Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980. С. 87.

продуктивного поведения, нахождение методических подходов к комплексному рассмотрению проблемы. При этом важно оценить там, где возможно, количественные проявления такой взаимосвязи.

Материалы переписи населения 1979 г., последних специальных обследований населения и разработок данных о его естественном движении позволяют предпринять попытку решения поставленной задачи. Рассмотрение проблемы следует начать с анализа влияния характера предбрачного периода на величину протогенетического интервала (срока между заключением брака и рождением первенца), который является важнейшей характеристикой репродуктивного поведения, отражающей его взаимосвязь с брачным поведением, причем от времени первого рождения зависит дальнейшее развитие семьи. В последние годы величина протогенетического интервала все более определяется не физиологическими факторами, а характером предбрачных отношений будущих супругов и степенью намеренного откладывания появления первенца. Известно, что этот интервал постепенно сокращается. Так, по оценке М. В. Курмана, величина среднего протогенетического интервала снизилась в СССР с 1,93 года в 1935—1940 гг. до 1,49 года в 1955—1959 гг. и до 1,25 года в 1975—1979 гг.⁴ Происходит это, несмотря на некоторое распространение применения средств контрацепции до первой беременности⁵.

Если раньше регистрация брака, как правило, предшествовала зачатию и рождению ребенка, то сейчас она часто следует за ними. Таким образом, эти события взаимосвязаны, а процесс вступления в брак становится растянутым во времени.

Как показало исследование, впервые выполненное автором на основе сплошной разработки актов о рождениях за 1966 г. по Перми, нередки случаи, когда перспектива рождения ребенка стимулирует оформление брака⁶. Материалы этого исследования получили призна-

ние как достаточно репрезентативные для современной демографической ситуации и были использованы в анализе брачности в СССР⁷. Позднее подобная тенденция была зафиксирована и для населения других больших городов, в частности крупнейших — Москвы и Ленинграда⁸.

Возможность проследить динамику данного явления на аналогичных материалах и теми же методами дала проведенная под нашим руководством повторная разработка актов о первых рождениях, выполненная по Перми за 1981 г. Одновременно с этим для расширения возможностей анализа была проведена специальная разработка данных об абортах у нерожавших женщин за соответствующий период, что позволило комплексно рассмотреть различные аспекты проблемы. В результате были получены сведения о более чем 12 тыс. исходах беременностей у нерожавших женщин по Перми за 1980—1981 гг., которые могли реализоваться рождением в 1981 г.⁹

При исследовании взаимосвязи времени вступления в брак и темпов формирования семьи заслуживают внимания не все исходы беременностей, а лишь связанные с целенаправленным репродуктивным поведением. Поэтому из рассмотрения были исключены те зачатия, которые кончились спонтанным абортom, мертворождением и абортom по медицинским показаниям. В разработку не вошли и данные о беременностях, прерванных во внебольничных условиях без последующей госпитализации.

Наибольший интерес при комплексном рассмотрении взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения (с учетом абортов) представляют данные, распределенные по возрасту женщин на момент зачатия. Материалы обследования свидетельствуют о том, что большинство

⁷ См.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд. М., 1979. С. 206—208.

⁸ См.: Антонов А. И. и др. Двухдетная семья в Москве: Образ жизни и репродуктивное поведение//Семья и дети. М., 1982. С. 49; Голод С. И. Трансформация семьи: Суть проблемы//Современные проблемы воспроизводства населения. Рига, 1980. С. 135.

⁹ Подробно о программе разработки и ее результатах см.: Тольц М. С., Оберг Л. Я. Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи//Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 118—122; Тольц М. С., Оберг Л. Я., Шишко О. А. Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщин//Здоровье Российской Федерации. 1984. № 7. С. 13—15.

⁴ См.: Курман М. В. Динамика среднего числа детей в семье в СССР//Подрастающее поколение. М., 1981. С. 16.

⁵ См.: Антонов А. И. Эволюция рождаемости и репродуктивного поведения населения в СССР//Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 63.

⁶ См.: Тольц М. С. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе//Демографический анализ рождаемости. М., 1974. С. 45—55.

беременностей у нерожавших женщин во всех возрастах возникает вне брака. На их долю приходится 61,7% общего числа учтенных зачатий, причем если в возрасте 16—17 лет — 95,6%, то в возрасте 25—29 лет — 54,9%. В более старших возрастах доля этой группы вновь возрастает и достигает после 35 лет 63,6%.

При этом среди женщин, состоявших в зарегистрированном браке на момент зачатия, значительно больше беременностей кончается рождением по сравнению с не состоявшими в браке. Доля аборт у не состоявших в браке почти в 2 раза выше, чем у состоявших в зарегистрированном браке на момент зачатия, среди которых она, однако, не так уж и мала — 17,2%.

Вместе с тем и у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке на момент зачатия, во всех возрастах большинство беременностей заканчивается рождением (табл. 1). В $\frac{2}{3}$ случаев такие рождения стимулировали заключение брака, причем наиболее часто в возрасте 18—24 лет. Только в возрастах старше 30 лет большинство первенцев, которые были зачаты вне брака, родились вне брака. Многие из этих рождений, вероятно, планировались самими женщинами.

Распределение первых рождений по величине протогенетического интервала (табл. 2) показывает, что почти $\frac{2}{3}$ из них происходят на первом году брака, причем в основном у женщин моложе 25 лет. Напротив, в более старших возрастах свыше половины рождений падает на второй и последующие годы брака. В течение первых 9 месяцев брака родилось 45,6% детей и до регистрации брака — 0,7%. Таким образом, доля рождений, явившихся результатом добрачного зачатия, среди рассматриваемых рождений составила в общей сложности 46,3%. Эти данные позволяют полагать, что свыше 40% женщин детородных возрастов регистрировали свой брак, уже будучи беременными; а в возрасте 20—24 лет — даже более половины.

Полученное распределение показывает, что, чем моложе женщина при рождении ребенка, тем чаще рождения происходят в первые месяцы брака. Некоторые особенности характерны для женщин старше 35 лет, у которых доля рождений в первые месяцы брака несколько выше по сравнению с более молодыми возрастными, что также говорит о затягивании регистрации брака.

Поскольку между подачей заявления о вступлении в брак и его регистрацией в РСФСР может пройти

Таблица 1

Распределение исходов беременностей у не рожавших ранее женщин, которые не состояли в зарегистрированном браке на момент зачатия (Пермь, 1980—1981 гг.)

Возраст при зачатии, лет	Исход беременности в % к учтенному числу зачатий в данном возрасте			
	Рождение	В том числе		Аборт
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака	
16—17	72,7	37,1	35,6	27,3
18—19	68,5	49,6	18,9	31,5
20—24	65,8	49,0	16,8	34,2
25—29	61,6	31,4	30,2	38,4
30—34	71,5	26,4	45,1	28,5
35 и более	64,7	11,8	52,9	35,3
Все возрасты	66,7	43,9	22,8	33,3

Таблица 2

Распределение первых рождений по величине протогенетического интервала (Пермь, 1981 г.)

Возраст матери, лет	Доля рождений к числу рождений у матерей данного возраста, %					
	до регистрации брака	после регистрации брака через, месяцев				
		0—2	3—5	6—8	9—11	12 и более
16—17	7,4	41,8	41,8	3,0	3,0	3,0
18—19	1,5	15,1	35,4	21,6	15,9	10,5
20—24	0,6	3,7	19,0	21,5	22,1	33,1
25—29	0,4	3,0	13,0	16,7	15,2	51,7
30—34	0,3	6,2	15,4	13,5	11,7	52,9
35 и более	—	10,0	8,0	16,0	12,0	54,0
Все возрасты	0,7	5,5	20,0	20,1	19,4	34,3

три месяца, представляет особый интерес определение доли рождений в первые шесть месяцев брака, т. е. всех тех случаев, когда зачатие произошло обязательно до принятия решения о вступлении в брак (до подачи заявления в ЗАГС). Удельный вес таких первых рождений равен 25,5%. Особенно высока их доля в самой младшей возрастной группе. Однако и в следующей, более старшей возрастной группе такие рождения составляют более 50%, что говорит о широком распространении стимулированных беременностью браков и в этом возрасте.

Таблица 3

Доля зачатых до брака среди первенцев, родившихся в браке (Пермь, 1966 и 1981 гг., %)

Возраст матери, лет	Рождения в первые 8 месяцев брака		Рождения до регистрации брака	
	1966	1981	1966	1981
18—19	46,5	65,5	9,5	1,5
20—24	28,0	36,7	4,4	0,6
25—29	19,7	26,1	6,1	0,4
30—34	20,4	28,6	12,6	0,3
35 и более	25,9	24,0	16,7	—

Рассмотрение явления в динамике (табл. 3) свидетельствует о повышении доли рождений в первые 8 месяцев брака¹⁰ и об одновременном снижении доли рождений до регистрации брака. Следует иметь в виду, что в 1968—1969 гг. было принято новое законодательство, регламентирующее брачно-семейные отношения, что не могло не повлиять на характер и сроки регистрации как браков, так и рождений. Именно в результате этого произошло столь значительное сокращение частоты рождений до регистрации брака. Вместе с тем можно констатировать, что сейчас значительная часть пар откладывает регистрацию брака и только перспектива появления ребенка побуждает их к его оформлению. Распространение добрачных зачатий снижает возраст вступления в первый брак.

Возраст вступления в первый брак при высокой рождаемости традиционного типа, характерной для прошлого, был важнейшим фактором, который определял число детей в семье. При отсутствии намеренного ограничения рождаемости, чем раньше заключался брак (исключение, как известно, составляли сверххранние браки в возрастах с пониженной плодовитостью), тем больше в среднем было общее число рожденных детей¹¹.

¹⁰ При разработке данных за 1966 г. принимались во внимание только рождения в первые 8 месяцев брака. Отметим, что в первой публикации материалов за этот год рождения до регистрации брака не были включены в общее число брачных рождений и рассматривались отдельно. Как показал дальнейший анализ, их следует рассматривать в совокупности. Поэтому приводимые в табл. 2 и 3 показатели отличаются от первоначально опубликованных (см. сноску 6).

¹¹ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. 1. Ч. 2. ООН. Нью-Йорк, 1973. С. 214.

Рамки возможных колебаний этого фактора воспроизводства населения в определенной степени ограничены уровнем смертности. Если при средней продолжительности жизни до 20 лет никакой возраст вступления в брак не может обеспечить условий для воспроизводства населения, то уже повышение средней продолжительности жизни до 30 лет создает достаточные предпосылки для увеличения возраста вступления в брак до 25 лет без ущерба для возобновления поколений¹².

Такие показатели продолжительности жизни были достигнуты в Европейской России только к концу XIX в. Однако в некоторых странах Западной Европы они были достигнуты значительно раньше. Таким образом, были созданы объективные возможности для возникновения уникального «европейского» типа брачности, для которого характерно прежде всего позднее вступление в первый брак. Это была достаточно эффективная попытка регулирования рождаемости через брачность.

Другой фактор, влияющий на рождаемость, — это распространение окончательного безбрачия. Однако вследствие того что среди остающихся вне брака лиц немало таких, кто имеет определенные физические и психические недостатки, потери в рождаемости оказываются меньшими. К тому же некоторая часть детей рождается вне брака.

Как показывает мировая статистика, оба рассматриваемых параметра брачности могут изменяться в весьма широких пределах.

Важное значение имеет такой показатель, как среднее число лет жизни в плодотворном периоде после вступления в первый брак. Он учитывает кроме продолжительности жизни в браке пребывание в разводе и вдовстве и может существенно варьировать в зависимости от характеристик заключения брака (табл. 4). Это надо обязательно иметь в виду, сравнивая разные уровни брачности.

В нашей стране безбрачие не получило широкого распространения. По данным переписи населения 1979 г., в СССР в возрасте 40—49 лет никогда не состояли в браке только 2% мужчин и 4% женщин¹³. В конце XIX в.

¹² См.: Дарский Л. Е. Демографические факторы режима воспроизводства населения // Проблемы народонаселения. М., 1970. С. 340.

¹³ См.: Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89.

Таблица 4

Среднее число лет жизни для женщин в плодovитом периоде (15—49 лет) после вступления в первый брак

Расчетный средний возраст заключения первого брака, лет	Уровень окончательного безбрачия (доля никогда не вступавших в брак, %)			
	0	5	10	20
15	35,0	33,3	31,5	28,0
20	30,0	28,5	27,0	24,0
25	25,0	23,8	22,5	20,0
30	20,0	19,0	18,0	16,0

в Европейской России эти показатели были соответственно равны 4 и 5%¹⁴. В 1979 г. в СССР расчетный средний возраст вступления в первый брак составлял 24,2 года для мужчин и 21,7 года для женщин и был почти таким же, как в конце XIX в. в Европейской России¹⁵.

При неконтролируемой рождаемости традиционного типа понижающее влияние на нее может оказывать большая разница в возрасте супругов, поскольку на плодovитость брака влияет и возраст мужа. В прошлом это было отмечено по материалам обследований, проведенных в Средней Азии и Закавказье¹⁶.

Поскольку в Европейской России вдовцы более чем в половине случаев вступали в брак с женщинами, никогда ранее не состоявшими в нем, а повторных браков среди всех браков мужчин, например, в 1867—1870 гг. было 19%, то можно предполагать, что это отрицательно сказывалось на рождаемости. И хотя нет прямых данных о комбинации возрастов супругов для того времени, ясно, что в таких браках мужчины могли быть нередко намного старше своих жен, так как вдовцы обычно имеют более высокий возраст при вступлении в брак по сравнению с мужчинами, вступающими в брак впервые.

Более подробно рассмотреть сдвиги в брачном поведении, связанные с заключением браков, позволяют данные таблиц брачности (см. табл. 5). Судя по ним, наиболее характерным было то, что почти в 2 раза повысилась

¹⁴ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. I. СПб., 1905. С. 80—81.

¹⁵ См.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 143.

¹⁶ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 77.

Таблица 5

Вероятности вступления в брак на протяжении жизни для женщин, ранее не состоявших в нем, в Европейской России и СССР, %

Годы	Возраст, лет			
	15	20	25	30
1897	95,1	92,7	73,3	32,0
1975—1978	96,8	95,1	82,8	61,4

Источники: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР М., 1977 С. 142; Воспроизводство населения СССР С. 206.

вероятность вступления в брак в СССР к 1975—1978 гг. в возрастах старше 30 лет по сравнению с положением в Европейской России в конце XIX в.

В современных условиях при регулируемой рождаемости зависимость числа рождений от возраста вступления в первый брак не исчезает. На это указывают данные обследования ЦСУ СССР об ожидаемом числе детей в семьях (табл. 6). У женщин, вступивших в брак

Таблица 6

Влияние возраста вступления в брак на ожидаемое число детей среди основных национальностей союзных республик с низким уровнем рождаемости

Годы вступления в первый брак	Среднее ожидаемое число детей в 1978 г				
	у всех женщин	у женщин, вступивших в брак в возрасте			
		до 21 года	21—24 года	25—29 лет	30 лет и старше
1945—1949	2,46	2,61	2,44	2,23	1,50
1950—1954	2,19	2,41	2,22	2,00	1,68
1955—1959	2,10	2,33	2,12	1,91	1,55
1960—1964	1,99	2,22	2,02	1,86	1,29
1965—1969	1,92	2,08	1,97	1,78	1,21
1970—1974	1,86	1,95	1,88	1,75	1,06
1975—1978	1,81	1,89	1,81	1,72	0,98

Источник: Белова В. А., Бондарская Г. А., Дарский Л. Е. Динамика и дифференциация рождаемости (по данным обследования)/Вестник статистики. 1983. № 12. С. 23.

после 30 лет, в среднем рождалось значительно меньше детей, чем у вступивших в брак в более молодых возрастах. Между тем вероятность вступления в первый брак для тех, кому 30 и более лет, сейчас намного выше по сравнению с прошлым.

В настоящее время взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения определяется несколькими факторами.

Прежде всего не могут исчезнуть объективные факторы, действовавшие и раньше. Так, чем старше женщина, тем больше снижается ее способность к оплодотворению и вынашиванию плода. Это усугубляется распространением аборт до вступления в брак, которые часто ведут к вторичному бесплодию. По данным выборочного обследования, проведенного в Латвийской ССР, где рождаемость уже давно находится на низком уровне, частота бесплодия среди женщин, вступивших в брак после 25 лет, была почти в 3 раза выше, чем среди тех, кто вступил в брак в более молодом возрасте¹⁷.

В результате действия названного объективного фактора частота инфертильности оказывается существенно большей среди тех, кто поздно вступает в брак. Другой объективный фактор при низкой рождаемости — различие в возрасте супругов на 10 и более лет — также оказывает отрицательное влияние на рождаемость.

Представляется, что именно вследствие действия объективных факторов различия в ожидаемом числе детей в зависимости от возраста вступления в брак больше в тех брачных когортах, которые уже практически реализовали рождения, тогда как в более молодых когортах эти различия меньше.

Конечно, действуют и субъективные факторы, в немалой степени определяющие зависимость числа рождений от возраста вступления в брак. Так, существуют определенные представления о возрастных границах репродуктивного периода. По данным одного из опросов, проведенных в Москве, в качестве оптимального возраста для последнего деторождения 22% женщин назвали цифру ниже 30 лет и только менее 4% женщин — 35 и более лет¹⁸. Поэтому позднее вступление в брак может препятствовать появлению второго ребенка, не говоря уже о третьем. Возможно, что лица, вступающие в брак в различном возрасте, изначально имеют разную потребность в детях. Проверить эту гипотезу не позволяет отсутствие данных о желаемом числе детей на момент вступления в брак в одних и тех же поколениях, дифференцированных по возрасту.

¹⁷ См.: Шлиндман Ш. И., Звидринш П. П. Изучение рождаемости. М., 1973. С. 99—100.

¹⁸ См.: Родзинская И. Ю. Влияние возраста женщин на их репродуктивные установки // Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М., 1982. С. 48.

Одна из характерных особенностей современной демографической ситуации — высокая частота разводов.

Известно, что существуют определенные различия в показателях разводимости у вступающих в первый брак в разном возрасте. Например, более часто распадаются браки, заключенные в самых младших возрастах. Поэтому нельзя — получить полного представления о проблеме взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения, не учитывая влияния расторжения браков.

Если в конце XIX в. на долю разводов не приходилось и 1% от общего числа прекращения браков, то в последние годы развод более част, чем две другие причины распада брака — смерть мужа и смерть жены.

Показатели для реальных брачных когорт свидетельствуют о том, что во всех из них при сохранении современного уровня разводимости возможно увеличение конечной частоты разводов до 2000 г. (табл. 7). Ввиду

Показатели разводимости в брачных когортах в СССР

Таблица 7

Год заключения брака	Доля браков (%) распавшихся из-за развода через					
	1 год	3 года	5 лет	10 лет	20 лет	30 лет*
1960	0,4	2,2	4,3	11,6	19,5	24,9
1965	0,6	4,3	8,7	17,7		33,1
1970	1,2	5,5	10,7	21,1		36,5
1975	1,3	6,3	12,3		...	...

* Экстраполированные данные.

Источники: Воспроизводство населения СССР с 208; Проблемы воспроизводства и занятости населения. М., 1984 С 20

этой неблагоприятной тенденции в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии было указано на необходимость «так поставить практическую работу государственных и общественных организаций, чтобы она всемерно способствовала укреплению семьи, ее устоев»¹⁹. Такие меры должны привести к изменению тенденции разводимости.

Высокая распространенность разводов выдвинула в качестве специальной задачи проблему оценки их влияния на уровень рождаемости. Во взглядах на нее нет

¹⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 51—52.

единства среди специалистов, мнения которых разделились.

Одни исследователи считают, что в современных условиях расторжение браков стало фактором, способствующим формированию более низкого уровня рождаемости²⁰. Некоторые из них даже полагают, что возможности деторождения разведенных женщин остаются не реализованными настолько, что это «крайне отрицательно влияет на процессы расширенного воспроизводства населения»²¹.

Напротив, по другой точке зрения, «в нашей стране рост числа разводов, который происходит в основном как раз в районах низкой рождаемости, вряд ли оказывает на нее существенное влияние»²².

Подобные различия во мнениях свидетельствуют о том, что необходимо продолжить исследование проблемы, причем методически важно четко отграничить развод от конфликтных отношений в браке, следствием которых он является. Влияние напряженных отношений в браке между супругами на рождаемость — важная проблема. Однако ее рассмотрение выходит за рамки поставленных нами задач.

Таблица 8

Распределение числа лет, прожитых женщинами в плодovitом возрасте, по брачному состоянию в Европейской России и СССР (по данным переписей населения)

Год	Замужем	В разводе	Во вдовстве	До вступления в брак	Никогда не вступая в брак	Всего
В возрасте 15—29 лет						
1897	8,2	0,0	0,2	5,9	0,7	15,0
1979	7,4	0,5	0,1	6,3	0,7	15,0
В возрасте 15—39 лет						
1897	17,0	0,0	0,7	6,1	1,2	25,0
1979	15,7	1,5	0,4	6,2	1,2	25,0
В возрасте 15—49 лет						
1897	25,0	0,1	2,1	6,1	1,7	35,0
1979	23,6	2,5	1,1	6,2	1,6	35,0

Источники: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. I СПб., 1905. С. 80—81; Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 89.

²⁰ См.: Звидринш П. П. Стабильность браков и рождаемость // Рождаемость: Известное и неизвестное. М., 1983. С. 65—66.

²¹ Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М., 1983. С. 9.

²² Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 94.

Развод возвращает бывшим супругам бракоспособность. Поэтому, анализируя проблему, необходимо рассмотреть степень ее реализации в повторных браках, длительность периода жизни в разводе до вступления в новый брак и время пребывания в разводе в плодovitом периоде для тех, кто повторно в брак не вступает.

Сопоставление данных, рассчитанных для 1897 и 1979 гг. (табл. 8), показывает, что пребывание в браке женщин в плодovitом периоде несколько снизилось за счет распространения разводимости, тогда как частота вдовства существенно сократилась, а общее число лет жизни до вступления в брак и тех, кто никогда не вступает в брак, не изменилось в возрасте 15—49 лет.

Если сравнить эти материалы с данными о зависимости среднего числа лет жизни в плодovitом периоде после вступления в первый брак от возраста вступления в него и уровня окончательного безбрачия (табл. 4), то можно увидеть, что ни высокая частота овдовения в конце XIX в. в Европейской России, ни пришедшая ей на смену распространенность разводов в настоящее время в СССР не могут оказать такое сильное влияние на уровень брачности, как параметры брачного поведения, характеризующие вступление в брак.

Даже в Латвийской ССР, где разводимость более высокая, чем в других союзных республиках, средняя длительность пребывания в браке для женщин в плодovitом возрасте, по данным переписи 1979 г., составила 22,0 года, в том числе в возрасте до 30 лет — 6,8 года, в возрасте до 40 лет — 14,6 года²³.

Если учесть снижение смертности, то можно утверждать, что, несмотря на рост частоты разводов, уровень брачности женщин в плодovitом возрасте в настоящее время выше, чем во все более ранние периоды, включая дореволюционный, и характеристики брачной структуры наиболее благоприятны для воспроизводства населения. Уже к началу 70-х годов в СССР ожидаемая продолжительность жизни женщин плодovitого возраста в браке (с учетом смертности) была на 1,4 года выше, чем в конце XIX в. в Европейской России²⁴.

²³ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1979 г. Рига, 1980. С. 15.

²⁴ См.: Тольц М. С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 58.

По данным переписи 1979 г., на период пребывания в разводе приходится 7% от общего числа лет жизни в плодovитом возрасте²⁵. Более $\frac{2}{5}$ этого времени падает на возраст старше 40 лет, когда рождения обычно весьма редки при современном типе репродуктивного поведения.

При отсутствии намеренного ограничения рождаемости даже такая длительность пребывания в разводе могла бы вести к существенным потерям. Если воспользоваться результатами расчета Л. Е. Дарского, то число нерожденных детей в этом случае можно принять равным 0,82 в среднем на одну женщину²⁶. Приведенная цифра, конечно, имеет чисто условный характер, поскольку степень ограничения рождаемости в настоящее время весьма значительна.

Более реальное представление о влиянии времени пребывания в разводе на уровень рождаемости можно получить на основе средних существующих показателей рождаемости. Полученную таким образом оценку, очевидно, следует рассматривать как верхний предел возможных потерь, поскольку имеются факторы, им противодействующие. Однако бесспорно, что величина потерь от пребывания в разводе существенно выше, чем от современного распространения вдовства (табл. 9).

Взаимосвязь таких процессов, как пребывание в разводе, повторные браки и рождаемость, при современной демографической ситуации сложна.

Таблица 9

Оценки числа нерожденных детей из-за пребывания в разводе и вдовстве в среднем на одну женщину в Европейской России и СССР

Годы	Всего	В том числе вследствие пребывания	
		в разводе	во вдовстве
1896—1897	0,41	0,00	0,41
1978—1979	0,21	0,18	0,03

Источники: Воспроизводство населения СССР. С. 282; Синельников А. Б. Среднее число детей в семье и проблема роста населения // Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М., 1982. С. 61.

²⁵ Полученная по материалам переписи оценка в определенной степени завышена, поскольку в зрелых возрастах женщины не склонны сообщать о себе, что они никогда не состояли в браке, и нередко относят себя к разведенным, особенно если у них имеются дети (см.: Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972. С. 48).

²⁶ См.: Воспроизводство населения СССР. С. 282.

Конечное число рождений для женщин, переживших развод, зависит от количества детей, рожденных в первом браке, частоты и времени вступления во второй брак, репродуктивного поведения в нем.

Построенные по данным обследования для периода 1975—1978 гг. таблицы брачности показывают, что половина женщин могла вступить во второй брак в течение девятнадцати лет после прекращения первого. При этом средний интервал между прекращением первого брака и вступлением во второй не был очень большим — 5,5 года²⁷. Приведенные показатели относятся в совокупности к вдовым и разведенным. У последних частота повторного вступления в брак больше, а среднее время пребывания в разводе до повторного замужества менее продолжительно. К тому же сокрытие случаев повторного вступления в брак, известное по практике его регистрации²⁸, вероятно, в определенной степени занижает и оценки, даваемые обследованиями, причем во многих случаях этому способствует присутствие при опросе третьих лиц, столь частое при его проведении. Женщины в возрасте до 25 лет значительно чаще, чем остальные, повторно вступают в брак, в результате чего в определенной мере нейтрализуется воздействие последний развод на рождаемость.

Известно, что вероятность вступления в повторный брак разнится в зависимости от имеющегося числа детей. Чаще остаются в разводе по сравнению с нерожавшими и однодетными женщины, имеющие двоих и более детей. При этом определенная часть женщин, остающихся вне брака после развода, ранее уже реализовала свои репродуктивные намерения. И напротив, стремление к удовлетворению нереализованной потребности в детях может побуждать к повторному вступлению в брак. Возможно также, что попасть в число разведенных имеют большие шансы те, у кого ниже потребность в детях. Вероятная зависимость между репродуктивными установками и брачным поведением заслуживает тщательного рассмотрения, для чего необходимо накопление соответствующих данных.

²⁷ См.: Белова В. А. Повторные браки и рождаемость // Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 13—14.

²⁸ См.: Пархомовский Э. Находчивые женихи // Известия. 1982. 28 марта.

ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОЙ СЕМЬЕ

Об уровне рождаемости в стране можно судить по разным показателям: числу родившихся (абсолютному или в расчете на 1000 населения, т. е. в промилле), распределению новорожденных по очередности ребенка у матери, среднему числу детей в семьях, закончивших свое формирование, и некоторым другим цифрам. Проблема выбора наиболее адекватного из этих показателей весьма актуальна.

Известно, что число родившихся в СССР увеличилось с 4,85 млн. в 1980 г. до 5,4 млн. человек в 1985 г., или с 18,5 до 19,8‰¹. Важно выяснить, за счет каких факторов произошел такой рост и какова здесь роль демографической политики, проводимой в стране.

Например, увеличение числа родившихся (абсолютно и относительно) может вызываться улучшением половозрастной и брачной структуры населения, т. е. ростом численности молодых супружеских пар и доли их среди всех семей в стране. Но здесь важно, чтобы такой рост сопровождался повышением среднего числа детей в расчете на одну пару, при котором бы происходило расширенное замещение поколений. Представляется, что только в этом случае демографическая политика достигнет своей цели.

Демографам нужны показатели, характеризующие репродуктивное поведение семей в конкретных условиях, когда стоит вопрос о появлении очередного ребенка. Как оценить вероятность того, что бездетная женщина родит первенца, однопородного — второго ребенка, двухдетная — третьего и т. д.? Для этого можно было бы привлечь данные о распределении новорожденных по очередности, сопоставляя число первенцев с числом женщин,

впервые вступивших в брак (в предыдущем году), число вторых детей с числом первенцев, число третьих детей с числом вторых и т. д.

Однако первый шаг при изучении данной проблемы вызывает определенные трудности. В отдельные годы в некоторых регионах число первенцев превышает число женщин детородных возрастов, впервые вступивших в брак в предыдущем году. Это расхождение связано с рождением части детей вне зарегистрированного брака: число их в целом по стране составляет около 500 тыс. в год², т. е. около 10% от общей численности новорожденных. Большую часть «внебрачных» детей составляют первенцы, но есть среди них и вторые, и третьи, и последующие дети — в основном они рождаются в фактическом браке, который по каким-то причинам не регистрируется. Исключать «внебрачных» детей из нашего расчета было бы тоже неправильно, поскольку часть их матерей впоследствии все же оформляет брак с отцом своего ребенка или выходит замуж за другого человека. Поэтому мы не сопоставляем числа браков и рождений между собой — дети могут появляться не только после брака, но и до него, а также у женщин, которые вообще не выходят замуж.

По данным переписи населения 1979 г., среди женщин 40—49 лет, т. е. 1929—1938 гг. рождения, лишь 3,8% указали, что никогда не состояли в браке, а среди 50—59-летних (1919—1928 гг. рождения) — 5,5%³. Последнюю цифру надо признать весьма низкой, учитывая, что значительная часть потенциальных женихов женщин этого поколения погибла на войне⁴. Видимо, многие из этих женщин, не имея возможности выйти замуж, родили детей без мужа. Известно, что одинокие матери при переписях и обследованиях, когда все ответы фиксируются со слов опрашиваемых без предъявления документов, почти всегда называют себя замужними, вдовыми, разведенными и лишь в редких случаях — никогда не состоявшими в браке. Поэтому 4—5% являются минимальной оценкой окончательного безбрачия в стране, она относится к женщинам, которые не только не были замужем, но и не имеют «внебрачных» детей. Приблизительно такая же часть женщин, вступивших в

¹ См. Вестник статистики 1981 № 11 С 70; 1986. № 4. С 57; 1985. № 11 С 76, Правда 1986. 25 янв.

² См.: Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М., 1984. С. 94.
³ См.: Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 89.
⁴ Оценка по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. М., 1972. С. 12—13.

брак, так и остаются бездетными до конца детородного возраста⁵.

Таким образом, вероятность появления хотя бы одного ребенка за всю жизнь у всех женщин составляет примерно 90—92%, а у замужних — 95—96%. Данные цифры мало меняются от поколения к поколению, поскольку стремление вступить в первый брак и родить хотя бы одного ребенка имеет почти всеобщий характер. Поэтому повышение рождаемости за счет первенцев невелико.

В наше время в условиях регулируемой рождаемости вероятность увеличения семьи во многом зависит от числа уже имеющихся в ней детей. Поэтому данные о рождаемости необходимо рассматривать дифференцированно по очередности ребенка у матери, причем число вторых, третьих и последующих рождений надо сопоставлять с числом новорожденных предыдущего порядка, учитывая промежутки между рожденьями. Чтобы рассчитать вероятность рождения второго ребенка, надо разделить число вторых детей, родившихся в данном году, на «средневзвешенное число» первенцев, родившихся за 10 предшествующих лет. Число первых детей за каждый год из этих лет учитывается не в равной степени, а с учетом «веса», зависящего от относительной частоты разности лет рождения первого и второго ребенка. Какую часть из всех вторых детей составляют те, которые родились через два года после первенца, такая же часть первенцев, родившихся за два года до второго ребенка, включается в «средневзвешенное число» первенцев, причем первенцев, родившихся более чем за 10 лет до рождения второго ребенка, можно не учитывать, поскольку лишь в 3% случаев промежутки между рождением детей более 10 лет.

Согласно нашим расчетам, в СССР в 1982 г. вероятность второго рождения у женщин, родивших ранее первенца, составляла 0,781. Это значит, что из каждой 1000 матерей 219 ограничиваются одним ребенком. Вероятность рождения третьего ребенка (у двухдетных) составила 0,381. Следовательно, из числа двухдетных 298 матерей станут трехдетными ($781 \cdot 0,381$), а 483 женщины ограничатся двумя детьми. Вероятность четвертого рождения (у трехдетных) равнялась 0,511. Следовательно,

⁵ См. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 55. 91, Шахотко Л. П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985. С. 37, 50; Всесоюзная перепись населения 1979 года. М., 1984. С. 212.

из них 152 женщины ($298 \cdot 0,511$) родят четвертого ребенка, а 146 останутся на трех детях. Вероятность пятого рождения (у четырехдетных) равна 0,650, откуда видно, что 99 четырехдетных матерей ($152 \cdot 0,650$) родят пятого ребенка, а 43 ограничатся четырьмя детьми. Отсюда можно подсчитать, что в итоге всего на 1000 матерей приходится 2330 детей первых пяти очередностей, которые в 1982 г. составляли 95,5% новорожденных. Следовательно, общее число детей на 1000 матерей можно определить так: $2330 : 0,955 = 2440$ детей.

Показатели «вероятностей увеличения семьи» (табл. 1) характеризуют динамику результатов репродуктивного поведения советских семей за целое поколение (1958—1984 гг.) независимо от брачной и возрастной структуры населения⁶. Определенное влияние на них имеет разводимость, но ее нельзя считать просто структурным фактором, который можно элиминировать, поскольку она связана с рождаемостью четкой обратной зависимостью. В РСФСР и других республиках европейской части СССР рождаемость низкая, а разводимость высокая; в республиках Средней Азии и Азербайджане, напротив, и детность, и прочность семей заметно выше, чем на остальной территории страны.

Разводятся в основном малодетные (главным образом однодетные) и бездетные пары⁷. Разводы уменьшают число супружеских пар в детородном возрасте. В нашей стране в последние годы на три брака приходится один развод (средний возраст разводящихся мужчин 35 лет, женщин — 33 года)⁸. Весьма важно учитывать влияние потенциальной непрочности брака на снижение детности в тех конфликтных семьях, где до развода дело и не доходит⁹.

Помимо взаимовлияния таких факторов, как прочность и детность семей, еще более существенное воздействие на то и на другое оказывают такие факторы, как вовлечение женщин в общественное производство, развитие внесемейных ориентаций, изменение положения семьи в обществе.

Из табл. 1 видно, что уже в конце 50-х годов в нашей

⁶ См.: Пресса Р. Народонаселение и его изучение. М., 1966. С. 222—236.

⁷ См.: Звидриный П. П. Стабильность браков и рождаемость//Рождаемость: Известное и неизвестное. М., 1983. С. 63.

⁸ Рассчитано по: Вестник статистики 1984. № 11. С. 78—79.

⁹ См.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 94, 183—186.

Таблица 1

Вероятности увеличения семьи и структура семей
по детности в СССР за 1958—1984 гг., %

Год	Вероятность увеличения семьи в расчете на 100 женщин, родивших ранее				Условное распределение по числу рожденных детей (в расчете на 100 матерей)					Число детей на 100 мате- рей
	одного	двоих	троих	четыре- рых	один	два	три	четыре	пять и более	
1958	76	57	58	59	24	33	18	10	15	276
1959	75	56	57	60	25	33	18	10	14	273
1960	75	57	59	64	25	32	18	9	16	278
1961	72	54	56	62	28	34	18	8	13	264
1962	69	50	54	60	31	34	16	8	11	251
1963	67	49	53	61	33	34	15	7	11	248
1964	64	46	52	59	36	35	14	6	9	238
1965	63	44	53	63	37	35	13	6	9	237
1966	66	44	53	65	34	37	13	6	10	244
1967	66	41	51	64	34	39	13	5	9	240
1968	67	40	51	66	33	40	13	5	9	242
1969	70	39	48	62	30	43	14	5	8	243
1970	71	39	47	62	29	44	15	5	8	244
1971	73	40	49	63	27	44	15	5	9	249
1972	73	39	48	62	27	44	15	5	9	247
1973	71	38	48	63	29	44	14	5	8	240
1974	72	39	49	64	28	44	14	5	9	243
1975	72	38	50	66	28	44	14	5	9	241
1976	72	38	50	67	28	45	13	5	9	241
1977	72	37	48	64	28	46	13	5	8	235
1978	71	36	48	64	29	46	13	4	8	231
1979	71	35	48	63	29	47	13	4	7	227
1980	71	34	47	62	29	47	13	4	7	226
1981	75	36	50	64	25	48	14	5	8	235
1982	78	38	51	65	22	48	15	5	10	244
1983	87	41	53	65	13	51	17	7	12	264
1984	85	41	51	65	15	50	17	7	11	258

Таблица составлена по: Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962. С. 20—35; Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985. С. 28—33, а также по журналам «Вестник статистики» за ряд лет; Женщины в СССР: Справочник. М., 1975. С. 97—99; Население СССР: Справочник М., 1975. С. 69—70; Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. С. 162.

стране заметно преобладали малодетные семьи (т. е. с одним-двумя детьми), составлявшие 57% от общего числа семей, имеющих детей и закончивших деторождение. В то же время среднететные семьи (с тремя-четырьмя детьми) составляли лишь 28%, а многодетные¹⁰ (с пятью детьми и более) — 15%, причем среди

¹⁰ Обоснование подобной типизации семей по детности см.: Борисов В. А. Указ. соч. С. 73.

малодетных двухдетные составляли большинство, а среди среднететных преобладали трехдетные, которых было в 1,8 раза больше, чем семей с четырьмя детьми. В среднем на одну семью с детьми приходилось 2,76 ребенка, что заметно превышало критический уровень в расчете на одну мать, необходимый для простого замещения поколений (с учетом уровня детской смертности, наблюдаемого в конце 50-х годов, эта цифра составила 2,45 ребенка), причем превышение обеспечивалось лишь за счет многодетных семей. Число малодетных было так велико, что для простого и тем более расширенного замещения поколений одних среднететных было совершенно недостаточно.

В первой половине 60-х годов наблюдается сокращение вероятностей рождения второго, третьего и, в меньшей степени, четвертого ребенка. Уже в 1965 г. малодетные семьи составили почти три четверти (72%) всех семей с детьми, среднететные — лишь пятую часть (19%) и многодетные — менее одной десятой (9%), причем среди самих малодетных стали преобладать уже однодетные семьи, доля которых составила 37% против 35% двухдетных. В группе среднететных стал преобладать также минимальный вариант семьи — число трехдетных превысило число четырехдетных более чем вдвое. Среднее критическое число рожденных детей на одну мать вследствие сокращения детской смертности уменьшилось в 1965 г. до 2,4 ребенка¹¹ (и остается примерно таким же до настоящего времени). Однако фактическое среднее число детей стало еще меньше — 2,37 ребенка, что не обеспечивает даже простого замещения поколений.

Начиная с 1966 г. вероятность рождения второго ребенка вновь стала увеличиваться и в 1970 г. достигла 71% против 63% в 1965 г. Затем она стабилизировалась вплоть до 1980 г. Но вероятность рождения третьего ребенка продолжала снижаться. В 1958 г. в расчете на 100 женщин, родивших ранее хотя бы двоих детей, она составляла все же больше половины — 57%, в 1965 г. — 44, в 1970 г. — 39, в 1975 г. — 38 и в 1980 г. — 34%. Одновременно, хотя и не столь быстрыми темпами, снижалась также и вероятность появления четвертых

¹¹ Эта цифра в расчете на одну замужнюю мать выше — 2,6 (см. Синельников А. Б. Сколько детей нужно иметь, чтобы население не стало уменьшаться? // Рождаемость: Известное и неизвестное С. 50—60)

детей у трехдетных матерей. В те же годы вероятность рождения пятого и последующих детей лишь незначительно колебалась в ту или другую сторону.

В результате рассматриваемых процессов к 1980 г. условное распределение матерей по числу рожденных детей заметно изменилось. Доля малодетных семей достигла уже 76%, но среди них резко преобладали двухдетные — 47% против 29% однодетных. Только 17%, т. е. $\frac{1}{6}$ семей, приходилось на среднететные семьи, в том числе 13% — на трехдетные. Доля многодетных семей уменьшилась до 7% и стала в 2 раза ниже, чем в 1958 г. Среднее же число детей, приходящихся на одну мать, после небольшого подъема в 1966—1971 гг., главным образом из-за сокращения однодетности, вновь уменьшилось и в 1980 г. составило 2,26 ребенка, что ниже критической черты простого замещения поколений.

Следует отметить, что какое-то время население может расти и в условиях низкой рождаемости. Дети, как поколение, замещают в возрастной структуре населения своих родителей, когда сами достигают того среднего возраста, в котором матери (отцы) произвели их на свет. Для матери это 27 лет, для отца — 29 лет. При этом родительское поколение превращается в прародительское, но большая часть его еще остается в живых.

Однако те же дети, как компонент роста населения, в год своего рождения замещают тех, кто умер в том же году. Большей частью это пожилые люди (средняя продолжительность жизни мужчин — около 64 лет, женщин — около 74 лет)¹², т. е. поколению родившихся детей они приходится не родителями, а дедушками и бабушками, прадедушками и прабабушками. Уходящие из жизни поколения в свое время оставили себе на смену довольно многочисленное потомство (см. табл. 1). И вплоть до 1963 г. среднее число детей на одну женщину было достаточным для обеспечения простой смены поколений.

Если рассматривать население как совокупность трех поколений — прародителей, родителей и детей, то младшее из них было меньше среднего, но среднее и младшее поколения, каждое в отдельности, были больше старшего, уходящего поколения. В такой ситуации возможен инерционный рост населения на протяжении нескольких десятков лет. Доказательством такого роста

может служить то, что если бы в конце 50-х и начале 60-х годов в каждой семье рождались только первенцы, то их число все же превышало бы число умерших. Так, в 1958 г. в расчете на 1000 населения родилось 25,3 ребенка, в том числе 10,0 первенцев, а умерло 7,2 человека. Ясно, что при однодетной системе население должно убывать, но не сразу. Постепенно в результате неполного замещения поколений сокращаются численность и доля в населении сначала детей, затем также и молодежи, что означает уменьшение детородных континентов, влекущее за собой снижение общего коэффициента рождаемости даже при неизменной детности семей. Одновременно по той же причине в населении увеличивается удельный вес пожилых возрастов, что влечет за собой повышение общего коэффициента смертности даже при неизменной средней продолжительности жизни.

За период с 1959 по 1975 г. доля населения от 20 до 29 лет, т. е. в наиболее активных детородных возрастах, уменьшилась с 18,5 до 15,3%, а доля возрастов от 60 лет и старше, дающих основную массу смертных случаев, напротив, возросла с 9,4 до 13,3%. При этом общий коэффициент рождаемости уменьшился до 18,3% в 1980 г., в том числе 8,6% первенцев¹³, т. е. он стал значительно ниже, чем поколением раньше. Последнее само по себе может служить показателем ухудшения возрастной структуры. Одновременно из-за старения населения общий коэффициент смертности увеличился с 7,2% в 1958 г. до 10,3% в 1980 г., что уже существенно превышало коэффициент первых рождений. Но если рассчитать за 1980 г. сумму коэффициентов первых и вторых рождений ($8,6 + 5,7 = 14,3$)¹⁴, то она существенно (на 4%) превышала общий коэффициент смертности. Это положение сохранилось до последнего времени. Таким образом, ясно, что если бы в стране имела место только однодетная и двухдетная семья и совсем не было бы среднететных и многодетных семей, население все же некоторое время продолжало бы расти.

Как долго может продолжаться этот инерционный рост населения, связанный с его относительно еще молодым возрастным составом, который в свою очередь

¹³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 г. С. 20—35; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975. С. 33; Вестник статистики. 1981. № 11. С. 70—72.

¹⁴ Рассчитано по: Вестник статистики. 1981. № 11. С. 70—72.

¹² См.: Вестник статистики. 1974. № 2. С. 94—95.

объясняется относительно высокой рождаемостью в прошлом? Теоретически, если режим суженного воспроизводства держится на протяжении двух-трех поколений и состав населения при этом не омолаживается за счет притока мигрантов, то поколение «детей» будет уступать числом не только «отцам», но и «дедам» и «прадедам», а в этих условиях убыль населения уже неизбежна. Практически период инерционного роста может быть и гораздо короче. Демограф В. Н. Архангельский считал, что если бы начиная с 1969—1970 гг. в нашей стране установился уровень рождаемости, характерный для ее городского населения — 1,9 ребенка в среднем на одну женщину, включая бездетных, то инерционный рост продолжался бы 35 лет — до 2005 г., а затем сменился бы убылью населения¹⁵.

Тревога советских демографов по поводу перспективы депопуляции вызвана тем, что социалистическое общество на современном этапе развития заинтересовано в росте населения и не может допустить его убыли. Советское государство с первых лет своего существования проявляло заботу о семье, оказывало помощь многодетным и одиноким матерям, стремилось создать условия для сочетания материнства с работой женщин в общественном производстве. Система мер помощи семьям была существенно расширена в одиннадцатой пятилетке.

22 января 1981 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление (№ 235) «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Одной из этих мер была частичная оплата отпуска по уходу за ребенком до одного года (в размере 50 руб. в северных районах страны, в Сибири и на Дальнем Востоке и 35 руб. на остальной территории СССР) для работающих матерей с общим трудовым стажем не менее одного года и для учащихся с отрывом от производства. Кроме того, работающим женщинам было разрешено брать дополнительный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора лет. Предусмотрен также ряд других льгот семьям с детьми и молодоженам — в предоставлении жилья, в праве на вступление в ЖСК, в режиме работы и т. д.¹⁶

¹⁵ См.: Антонов А. И. Социология рождаемости. С. 265.

¹⁶ См.: Правда. 1981. 6 сент

Хотя данные меры демографической политики вводились поэтапно (в течение 1981—1983 гг.), но уже в последние месяцы 1981 г. началось заметное повышение абсолютных чисел родившихся. В 1980 г. родилось 4 851 тыс. детей, в 1981 г. — 4 961 тыс., в 1982 г. — 5 100 тыс. и в 1983 г. — 5 392 тыс., т. е. на 541 тыс. больше (или на 11%), чем в 1980 г. Общий коэффициент рождаемости за эти же три года возрос с 18,3 до 19,8‰, т. е. на 1,5‰, а в относительном выражении — на 8,2%. Это увеличение не было вызвано повышением числа браков, наоборот, оно в расчете на 1000 населения даже уменьшилось — с 10,9‰ в 1979 г. до 10,3‰ в 1982 г. Соответственно и число первых рождений на фоне повышения общего коэффициента рождаемости не только не выросло, но даже несколько уменьшилось — с 8,6‰ в 1980 г. до 8,3‰ в 1983 г. Снижение числа браков и первых рождений объясняется тем, что начиная с 1979 г. стали достигать 18-летнего возраста все меньшие по численности поколения женщин, родившихся в период сильного сокращения рождаемости, которое в нашей стране началось в 1961 г. Таким образом, упомянутые меры демографической политики начали проводиться в неблагоприятных условиях — на фоне сокращения молодых детородных континентов, на которые в основном они рассчитаны.

В 1980—1983 гг. увеличилось число вторых рождений — с 5,7 до 7,0 на 1000 человек, или на 1,3‰, что составило 87% прироста общего коэффициента рождаемости. Гораздо меньший прирост дали третьи дети (с 1,7 до 2,3) и четвертые (с 0,8 до 0,9). Показатель пятых рождений не изменился (0,5), а шестых и последующих даже уменьшился — с 1,0 до 0,8‰¹⁷. Поскольку эти показатели в расчете на 1000 населения могут служить только приблизительной оценкой эффекта демографической политики в отношении рождений той или иной очередности, обратимся снова к вероятностям увеличения семьи (табл. 1).

В 1983 г. по сравнению с 1980 г. сильнее всего возросла вероятность рождения второго ребенка — с 71 до

¹⁷ Рассчитано по: Вестник статистики. 1980. № 11. С. 77—80; 1981. № 11. С. 70—72; 1982. № 11. С. 64—66; 1983. № 12. С. 52—54; 1984. № 11. С. 75—78; 1985. № 3. С. 80.

87%, т. е. на 16%. Вероятность появления третьего ребенка увеличилась гораздо меньше — с 34 до 41%, т. е. на 7%. Еще меньше возросла вероятность рождения четвертого (с 47 до 53%) и пятого ребенка — с 62 до 65% (в расчете на 100 женщин, родивших ранее четверых детей). Изменения в вероятностях увеличения семьи повлекли за собой значительные сдвиги в условном распределении матерей по числу рожденных детей. Очень сильно сократилась доля однопородных семей — с 29 до 13%, за счет чего возросла доля двухдетных — с 47 до 51%, трехдетных — с 13 до 17%, четырехдетных — с 4 до 7%, пятидетных и более — с 7 до 12%. Среднее число рожденных детей в расчете на одну мать вновь увеличилось — с 2,26 до 2,64 и стало достаточным для расширенного воспроизводства населения.

Таким образом, демографическая политика привела к заметному увеличению среднего числа детей в семьях, способствовала сокращению однопородности и увеличению двухдетности. Однако в отношении третьих и четвертых рождений она оказалась менее эффективной. Большинство семей в стране остались малодетными.

Чем же можно объяснить различное воздействие мер демографической политики на семьи, уже имеющие то или иное число детей, на вероятность появления у них детей разной очередности?

Мы уже упоминали, что на вероятность рождения первенца трудно повлиять — он появляется практически во всех семьях, за исключением бесплодных. Правда, часть семей им и ограничиваются. Однопородность распространена очень широко, но это еще не доказывает, что однопородные супруги считают свой вариант семьи идеальным. Даже в городах и регионах с самой низкой рождаемостью (Москва, Киев, Рига) и др., где проводились специальные обследования по этому вопросу, идеальным и желаемым числом детей в семье, как правило, называют двоих детей, а одного — значительно реже.

В 1983 г. ИСИ АН СССР было проведено обследование более 200 семей в Москве. Опрашивались оба супруга в семьях, имеющих одного или двоих детей, причем возраст женщин не превышал 35 лет. Средняя продолжительность брака составляла 7 лет. Однопородных пар было 64,4%, двухдетных — лишь 35,6%. Среднее число детей равнялось 1,36. Но среднее желаемое число детей по ответам на вопрос: «Сколько всего детей

(включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?» — составило 2,32 ребенка у женщин и 2,59 — у мужчин. Первая цифра меньше необходимой для простого замещения поколений (2,6), вторая почти достигает ее. Однако, судя по данным того же исследования, решающий голос в вопросе о числе детей в семье в большинстве случаев принадлежит жене. Ожидаемое же число детей (с учетом наличных условий) значительно ниже желаемого: 1,75 — у жен и 2,05 — у мужей, в том числе 1,55 и 2,21 — у однопородных, 2,13 и 2,11 — у двухдетных. Из этих данных видно, что большинство молодых семей в столице имеют одного ребенка, но оптимальной считают двухдетную семью. Большая часть однопородных намерена иметь двоих детей, в то время как большинство двухдетных третьего ребенка иметь не хотят.

При вступлении в брак только немногие пары заранее планируют однопородную семью. Однако планы относительно второго ребенка далеко не всегда сбываются. Так, опрос замужних женщин в городах Латвии, проведенный в 1978—1979 гг., показал, что при заключении брака бездетная семья планировалась в 6,2% случаев, с одним ребенком — в 19,9, с двумя детьми — в 55,4, с тремя и более — в 18,5% случаев. Среднее планируемое число детей составляло 1,9. Однако к моменту опроса бездетные пары составляли 14,8%, однопородные — 40,2, двухдетные — 38,9, с тремя и более детьми — лишь 6,1%. Правда, часть семей еще может увеличиться, но женщины, практически закончившие деторождение (возраст на момент опроса — 40—49 лет), планировали при вступлении в брак 2,1 ребенка, а фактически родили 1,6 ребенка. Женщины, планировавшие при заключении брака двухдетную семью, только в 48% случаев действительно родили двоих детей и лишь в 5% случаев — троих и более. Почти половина из них (47%) ограничилась одним ребенком или вовсе остались бездетными¹⁸.

Сходные результаты были получены при опросе более 1300 двухдетных замужних женщин в Москве, проведенном в 1978 г. Центром по изучению проблем народо-

¹⁸ См.: Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984. С. 107—109; Сходные результаты относительно репродуктивных планов молодоженов были получены в Киеве и Москве, где уровень рождаемости близок к латвийскому (см.: Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975. С. 93; Борусяк Л. Ф. Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР. Дис канд. экон. наук. М., 1982. С. 199).

населения экономического факультета МГУ. Среднее число детей, которое эти женщины планировали иметь при вступлении в брак, составляло 1,93, причем лишь 11,6% хотели иметь семью с тремя и более детьми. Впоследствии, видимо в связи с трудностями ухода за первыми двумя детьми, эти семейные планы были изменены в меньшую сторону. На момент опроса лишь 4,9% двухдетных женщин не изменили своего желания иметь третьего ребенка¹⁹. Близость этих результатов к данным латвийского обследования, несомненно, объясняется тем, что уровень рождаемости в Москве и в Риге почти одинаков.

Таким образом, среди городского населения европейской части нашей страны, несмотря на широкое распространение однодетности, преобладает установка на двухдетную семью. Именно такую семью чаще всего собираются иметь молодожены. Однако действительные трудности ухода за первым ребенком, а также связанное с его появлением некоторое ухудшение материальных и жилищных условий молодой семьи побуждают многие пары откладывать рождение второго ребенка или даже вовсе отказываться от него. Улучшение жизненных условий (заработная плата, жилье, режим работы женщин, имеющих маленьких детей) может способствовать улучшению условий реализации потребности в двух детях. Повышение жизненного уровня населения нашей страны, рост заработной платы, товарооборота, жилищной обеспеченности могли повлиять на рост вторых рождений, который начался еще в 1966 г.

Однако рождаемость третьих и четвертых детей по-прежнему снижалась. Рост жизненного уровня населения несколько ослабляет «помехи» к рождению второго ребенка, поскольку большинство населения имеет потребность в этом ребенке. Точнее же говоря, речь идет не о «помехах», а о конкуренции потребности во втором ребенке с потребностями его родителей в материальных благах, в жилье и т. д., причем если условия жизни улучшаются не у всех семей в равной степени, а дифференцированно, в основном у семей с несколькими детьми, то влияние такого улучшения на рождаемость гораздо сильнее. Если за 15 лет (1965—1980 гг.) ве-

роятность рождения второго ребенка увеличилась всего на 8%, то за последующие три года (1980—1983 гг.) — уже на 16% (табл. 1).

Для обеспечения простого и тем более расширенного замещения поколений нужны не только вторые, но и третьи, и четвертые, и даже (вследствие распространенности однодетности и бездетности) пятые и последующие дети. Между тем на очередности рождения этих детей меры демографической политики сказались в гораздо меньшей степени, хотя, как видно из приведенных данных выборочных исследований, у части двухдетных семей при существенном улучшении условий жизни, видимо, мог бы быть и третий ребенок.

По данным латвийского обследования, только 40% женщин могли бы иметь троих и более детей даже при наличии всех необходимых, с их точки зрения, условий. Сходные результаты получены и в других обследованиях, проведенных в регионах с низкой рождаемостью²⁰. Это, конечно, завышенная оценка, тем более что список «условий» все время растет по мере развития потребностей семьи, конкурирующих с ослабевающей потребностью в троих детях. Например, важной стала потребность в свободном времени, проводимом вне дома и без детей.

Некоторый рост вероятностей третьих и четвертых рождений, а также абсолютного их числа произошел за счет тех семей, которые и ранее испытывали потребность в троих-четверых детях. В республиках с низкой рождаемостью таких семей относительно немного, особенно в городах. Так, в РСФСР при увеличении общего числа рождений с 2 203 тыс. в 1980 г. до 2 478 тыс. в 1983 г., или на 12,5%, число третьих и последующих рождений возросло с 263 до 358 тыс., т. е. на 36,1%. Последняя цифра может показаться существенной. Однако из этих же данных видно, что доля третьих и более детей среди всех новорожденных изменилась незначительно: с 11,9 до 14,4%.

Отсюда следует, что подавляющее большинство семей в республике остались малодетными, а замещение поколений по-прежнему носит суженный характер. В целом по СССР доля третьих и последующих детей увеличилась в еще меньшей степени — с 22,1 до 23,1%²¹. При критичес-

²⁰ См.: Факторы и мотивы демографического поведения. С. 116; См. также статью И. Ю. Родзинской в настоящем сборнике.

²¹ Народное хозяйство РСФСР в 1984 г. М., 1985. С. 16; Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 33.

¹⁹ См.: Семья и дети. С. 39 и др. О репродуктивных планах молодоженов см. также статью В. М. Медкова в настоящем сборнике.

ком показателе среднего числа детей на одну мать (2,4 ребенка) необходимо, чтобы не менее 40% матерей имели троих-четверых детей. Эта цифра получается при снижении масштабов одноплодности до 10%. Однако такой процент мало реален, поскольку здесь надо учитывать наличие среди одноплодных немалого числа больных, вторично бесплодных после тяжелых родов или аборт, живущих в конфликтных семьях, а также вдов, разведенных и матерей-одиночек. Если же одним ребенком будут ограничиваться 20% матерей, что ближе к истине, то надо, чтобы не менее 50% матерей имели троих и более детей, а доля третьих и последующих детей среди родившихся не должна быть ниже 25%.

Фактически же даже в 1983 г., т. е. в момент наивысшего подъема рождаемости, доля женщин, родивших троих и более детей, достигла лишь 36% (табл. 1). В таких условиях расширенное воспроизводство населения достигалось лишь за счет пятых и последующих детей.

Повышение рождаемости было более заметным в селах, чем в городах. Коэффициент суммарной рождаемости у городского населения страны увеличился с 1,86 в 1980—1981 гг. до 1,96 в 1982—1983 гг., а у сельского населения — соответственно с 3,23 до 3,44²². В городах рост показателя произошел в основном за счет вторых детей, в селах также за счет третьих и четвертых. Но на селе среднедетные семьи и ранее были широко распространены, в городах же они достаточно редкое исключение. Характер воспроизводства городского населения остался, как и ранее, суженным.

В 1984 и 1985 гг. абсолютное число родившихся в стране осталось примерно на уровне 1983 г. (5,4 млн.). Однако вследствие роста численности населения общий коэффициент рождаемости несколько уменьшился — с 19,8‰ в 1984 г. до 19,5‰ в 1985 г.²³ При этом числа родившихся (абсолютно и относительно) заметно сократились в РСФСР, Украинской, Белорусской и Молдавской ССР, где основные меры помощи семьям, предусмотренные постановлением от 22 января 1981 г., были введены в действие в 1981—1982 гг., а подъем рождаемости произошел в 1982—1983 гг. и оказался кратко-

временным. С другой стороны, в республиках Закавказья, Средней Азии и в Казахской ССР данные меры были введены с ноября 1983 г., и соответственно подъем рождаемости в этих республиках начался лишь в 1984—1985 гг. Только благодаря этому общее число родившихся по стране в целом осталось на стабильном уровне. Трудно предсказать, сколько времени продлится повышение рождаемости в республиках, где ее уровень был и раньше относительно высок, но быстро снижался.

Принятые XXVII съездом КПСС Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусматривают «увеличение продолжительности частично оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, с одновременным предоставлением права на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком до 6 месяцев»²⁴. Эта и другие меры помощи семьям вводятся своевременно, поскольку на большей части территории страны обозначилась тенденция к снижению рождаемости. Они, несомненно, будут способствовать стабилизации рождаемости, а может быть, и ее повышению. Когда две трети населения живет в городах, а большинство горожан считает оптимальной двухдетную семью, необходимо повлиять и на саму потребность в детях, т. е. сделать престижной среднедетную семью в глазах общественного мнения, добиться того, чтобы не занятая в общественном производстве мать троих детей пользовалась в глазах окружающих не меньшим уважением, чем сделавшая служебную карьеру одноплодная женщина. Меры материальной помощи семьям можно и должно увеличивать, причем с преимуществами для семей с тремя и более детьми, исходя из того, что воспитание детей — общественно полезный труд. Однако не менее важно всячески пропагандировать через средства массовой информации и идеал среднедетной семьи.

²⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 312.

²² Рассчитано по: Вестник статистики. 1982. № 11. С. 64; 1984. № 11. С. 64.

²³ Народное хозяйство СССР в 1984 г. С. 35; СССР в цифрах в 1985 г. М., 1986. С. 19.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СУПРУГОВ

Научное обоснование мер демографической политики в области рождаемости должно опираться на данные исследований репродуктивного поведения семей. Отдел демографии ИСИ АН СССР в 1982 г. проводил пилотажный опрос семей в одном из районов Москвы. Основной проблемой выборочного обследования являлось изучение репродуктивных установок супругов и факторов, влияющих на их формирование. Было опрошено 160 супружеских пар с одним и двумя детьми (средний возраст женщин составил 27,8 года, мужчин — 29,3 года).

Для определения репродуктивной установки опрашиваемого использовалось пять показателей: а) идеальное, б) желаемое, в) ожидаемое число детей, г) при каких условиях планируется рождение еще одного ребенка, д) число детей, отмеченное респондентом и необходимое для удовлетворения основных потребностей индивида и семьи, тесты-суждения о предпочтительности одного, двоих и троих детей.

В соответствии с репродуктивными установками супругов среди однопородных семей были выделены три группы семей, а среди двухдетных — две группы. В I группу однопородных семей вошли супруги с твердой установкой на одного ребенка. Их доля составила среди однопородных 35% (I группа). Во II группе оба супруга были ориентированы на рождение второго ребенка, но только при определенных благоприятных условиях, их доля — 30%. И III группа семей характеризовалась «твердой» установкой на рождение второго ребенка у супругов в «ближайшие пять лет», причем оба супруга (или один из них) хотели его иметь «при любых условиях». Они составили 35% выборки.

Семьи с двумя детьми были разделены на две группы (IV и V). Это семьи, где оба супруга ни при каких обстоятельствах не собираются иметь третьего ребенка

(55%), и семьи, где оба супруга (или один из них) при определенных условиях не отказались бы от третьего (45%). В целом установка на третьего ребенка в этих семьях оценена нами как слабая.

Сравнивая выделенные группы семей по ряду признаков, мы попытались выявить факторы, влияющие на формирование установок детности. Для анализа всего было взято 50 переменных, сгруппированных в три группы факторов: 1) условия жизни семьи; 2) ее социально-демографические характеристики; 3) социально-психологические характеристики супругов и семейный климат.

Анализируя взаимосвязь этих групп факторов с репродуктивными установками семей, можно увидеть определенную тенденцию: наиболее значимые корреляции наблюдаются с социально-психологическими характеристиками супругов (системой их ценностей) и теми социально-демографическими характеристиками супругов, которые непосредственно связаны с их системой ценностей. Это образование, число детей в семье родителей, место проживания до совершеннолетия и пр. Многие из условий жизни семьи не связаны с репродуктивными установками прямой зависимостью.

Среди факторов, определяющих объективные условия жизни семей, были рассмотрены такие переменные, как доход семьи (душевой и совокупный); жилищные условия (тип квартиры, число квадратных метров на человека, число комнат, занимаемых семьей); ожидаемые изменения материальных и жилищных условий; помощь, получаемая семьей в воспитании детей; условия труда женщины. Одновременно были изучены субъективные оценки, которые давали супруги условиям жизни своей семьи, и значение этих условий в отказе от желаемого числа детей.

Анализ условий жизни семей с различными репродуктивными установками выявил обратную зависимость: чем лучше материальные и жилищные условия, тем чаще установки на одного ребенка. Так, в I группе семей с установкой на одного ребенка средний душевой доход составляет 90 руб., 80% этих семей имеют совокупный доход семьи 300 руб. и выше; доля семей, проживающих в отдельных квартирах без родителей, составила 47%, в коммунальных — 23%. В семьях же III группы с «твердой» установкой на рождение следующего ребенка средний душевой доход составляет

84 руб., доля семей с совокупным доходом семьи 300 руб. и выше — 60%. Жилищные условия в этой группе семей хуже: в отдельных квартирах проживает 30%, в коммунальных — 40% семей. В обратной зависимости с доходом семьи находится даже такой показатель репродуктивной установки респондента, как желаемое при самых благоприятных условиях число детей. Среди лиц с семейным душевым доходом до 50 руб. желали бы иметь троих и более детей 65% (студенческие семьи), с доходом 51—75 и 75—100 руб. — соответственно 53 и 56%, а в группе с душевым доходом более 100 руб. — всего 34%.

Неблагоприятные условия, недостатки в материальном положении, отсутствие необходимой жилой площади, значительно тормозят реализацию имеющейся установки на рождение следующего ребенка, особенно если она не очень «твердая». Так, в однодетных семьях условия жизни у семей II группы хуже, чем у семей I и III группы. Средний душевой доход у них составляет 80 руб., средний совокупный доход — 298 руб. Только 20% семей имеют отдельные квартиры, остальные проживают либо в квартире родителей, либо в коммунальных квартирах. Для этой группы семей благоприятная демографическая политика в области улучшения условий жизни молодых семей имеет очень важное значение и во многом должна способствовать реализации репродуктивной установки на второго ребенка.

Двухдетные семьи в нашем обследовании имели в целом худшие материальные, но лучшие жилищные условия, чем однодетные. У них ниже не только душевой доход (что естественно при большей численности семьи), но и средний совокупный доход: в однодетных — 328 руб., в двухдетных — 314 руб. С одной стороны, это может подтверждать мысль о том, что при «твердой» установке на второго ребенка он появляется независимо от условий жизни семьи. С другой стороны, совокупный доход семьи может уменьшиться из-за перехода женщины на менее оплачиваемую работу. Чтобы уточнить это, требуются дополнительные сведения. В пользу первой гипотезы говорит тот факт, что двухдетные семьи, ориентированные на третьего ребенка (V группа), имеют средний совокупный и душевой доходы меньше, чем те семьи, где «ни при каких условиях» иметь третьего ребенка не собираются (IV группа). У первых совокупный сред-

ний доход — 303 руб., а душевой — 72 руб., у вторых — соответственно 323 и 78 руб. Семьи V группы имеют и худшие, чем в IV группе, жилищные условия. По-видимому, улучшение у первых материального положения семьи и ее жилищных условий во многом способствовало бы рождению третьего ребенка хотя бы в тех семьях данной группы (37%), где у обоих супругов есть установка на него.

Не только реальный доход семьи, но и ожидаемое его увеличение не влияет, по данным нашего обследования, на репродуктивные установки семьи. Так, среди однодетных семей, доходы которых, по свидетельству супругов, должны возрасти, семьи I группы составляют 39%, II группы — 35, III группы — 30%. Основная масса семей с установкой на второго (77%) и третьего ребенка (82%) не ожидают увеличения дохода. В остальных семьях эта доля колеблется от 62 до 66%.

Репродуктивная установка семьи в значительно большей мере связана с субъективной оценкой супругами материального положения их семьи, чем с реальным доходом. В III группе семей оценка ее материальных условий более высокая, чем в других группах; только 7% супругов (или один из них) считают материальные условия семьи плохими. В тех семьях, где оба супруга планируют второго ребенка при любых условиях, ни один из супругов не оценил материальное положение семьи как плохое.

В I группе треть супругов (чаще муж) считают материальные условия семьи плохими, хотя, как уже отмечалось, это наиболее обеспеченные семьи. В ней же наиболее велика доля супругов (77%), считающих материальные условия семьи препятствием к рождению второго ребенка. Во II группе отметили материальные условия как препятствие к рождению 71% супругов, в III группе — 57%.

Каков бы ни был доход семьи, удовлетворенность им может быть различной. В значительной мере она определяется тем, какое место занимают материальные блага в системе ценностей индивида. Это подтверждают и наши исследования (табл. 1).

Как видим, наибольшая доля супругов, у которых материальные блага заняли низкое место в системе ценностей, — в III группе семей, наименьшая — в I группе. Таким образом, место материальных благ в системе

Таблица 1

Ценность материальных благ у супругов с разными репродуктивными установками (в % от численности групп)

Группы семей с разными репродуктивными установками	Ценность материальных благ у супругов*		
	Высокая	Средняя	Низкая
Однодетные семьи:			
I группа	34,6	46,2	18,2
II »	42,1	36,8	21,0
III »	4,2	41,6	54,2
Двухдетные семьи:			
IV группа	37,8	27,0	35,2
V »	43,3	16,7	40,0

* «Высокой» считалась такая ценность материальных благ, если среди других ценностей она занимала 1—3-е место, «средней» — если стояла на 4—6-м месте, и «низкой» — на 7—10-м месте

ценностей супругов определяет в значительной мере и удовлетворенность материальным положением семьи, что, по-видимому, оказывает влияние на установку супругов, иметь ли им одного или более детей, рождение которых ухудшает материальное положение семьи.

Дети вступают в конкуренцию с удовлетворением материальных потребностей их родителей. Если материальные потребности высоки, второй ребенок конкуренции не выдерживает независимо от обеспеченности семьи; если умеренные, то установка на рождение следующего ребенка и ее реализация встречаются чаще при условии, что дети не конкурируют с какими-либо другими потребностями родителей.

Среди других потребностей, вступающих в конкуренцию с расширением семьи, необходимо отметить наличие у молодых супругов потребности в разнообразном досуге. В группе семей с установкой на одного ребенка значительно чаще, чем в других группах, встречаются супруги, придающие большое значение величине времени досуга, возможности проводить его по своему усмотрению. В их системе ценностей досуг занимает высокое место (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что как в семьях III группы, так и в особенности в V группе высока доля супругов, в чьей системе ценностей досуг занимает низкое место. В целом же супруги, имеющие второго ребенка, придают свободному времени меньшее значение, чем однопородные родители.

Таблица 2

Ценность досуга у супругов с разными репродуктивными установками (в % от численности групп)

Группы семей с разными репродуктивными установками	Ценность досуга у супругов		
	Высокая	Средняя	Низкая
Однодетные семьи:			
I группа	30,6	25,9	43,5
II »	40,0	23,9	36,7
III »	28,0	32,0	40,0
Двухдетные семьи:			
IV группа	23,3	23,3	53,3
V »	20,9	20,9	58,2
	24,3	32,4	43,2
	16,7	—	76,7

В настоящее время возможность иметь свободное от домашних дел время, интересно его проводить вступает подчас в неразрешимое противоречие с появлением второго (не говоря уж о третьем) ребенка. Социологические исследования неоднократно отмечали значительное сокращение свободного времени у двухдетных молодых супругов, их малую мобильность, отсутствие в досуге таких форм проведения свободного времени, как посещение театров, выставок и даже кинотеатров. Особенно остро ощущают эту «связанность детьми» супруги, проживающие отдельно от родителей. Если возможность иметь свободное время и проводить его по своему усмотрению оценивается супругами высоко, то это, по всей видимости, как и ценность материальных благ, ведет к однопородной установке. Меры помощи семье должны включать как всемерное развитие форм общесемейного досуга, так и введение помощи молодым семьям, обеспечивающей молодым родителям возможность оставлять по их желанию детей на несколько часов в выходные дни.

Ценность детей высока у супругов во всех группах семей — как однопородных, так и двухдетных. У женщин она выше, чем у мужчин: 73—76% женщин ставят детей на первое место среди прочих жизненных ценностей, среди мужчин — 65—69%. Только в 14% однопородных и 8% двухдетных семей у одного из супругов дети занимают низкие места в системе ценностей родителей. В то же время среди семей с однопородной установкой таких родителей 20%, с двухдетной — 6%, а с трехдетной — ни одной семьи. Это говорит о наличии прямой корреляции ценности

детей и репродуктивных установок супругов. Однако из-за ограниченной совокупности обследованных корреляция не очень значима.

Теперь рассмотрим, какова связь в оценке *профессионального труда женщины* с репродуктивными установками супругов. Первоначально нами была выдвинута гипотеза об обратной зависимости между этими переменными, особенно у женщин. Но данные обследования такого рода зависимости не подтвердили (табл. 3).

Таблица 3

Ценность профессионального труда женщины у супругов с различными репродуктивными установками (в % от численности групп)

Группы семей с различными репродуктивными установками	Ценность профессионального труда женщины у супругов		
	Высокая	Средняя	Низкая
Однодетные семьи:	36,1	38,6	25,3
I группа	30,0	36,7	33,3
II »	36,0	40,0	24,0
III »	42,8	39,3	17,9
Двухдетные семьи:	35,8	35,8	28,4
IV группа	40,6	37,8	21,6
V »	30,0	33,3	36,7

Не наблюдается зависимости между ценностью профессионального труда женщины и ценностью детей не только у мужчин, но и у женщин. В частности, нет корреляции между профессиональной активностью женщины и ее репродуктивными установками. В группе семей с отсутствием установки на рождение следующего ребенка (I группа) и в группе с установкой на рождение третьего ребенка (V группа) была одинакова доля женщин с разным уровнем профессиональной активности. Следовательно, трудовая деятельность женщин не вступает в конкуренцию с установками супругов на рождение следующего ребенка.

Среди *социально-психологических факторов*, влияющих на репродуктивные установки супругов, большое значение имеет удовлетворенность браком. Наибольшая доля не удовлетворенных браком супругов среди семей I группы (27%), наименьшая — среди семей V группы (3%). В семьях V группы удовлетворенность браком отметили 83% обоих супругов, в I группе — 60, в III группе — 67%.

Удовлетворенность или неудовлетворенность браком влияет в большей мере на репродуктивные установки мужчин, чем женщин.

Материалы обследований показывают связь *между социальной принадлежностью, образованием и репродуктивными установками* респондентов. Такая связь была обнаружена и в нашем обследовании. В однодетных семьях с «твердой» установкой на рождение второго ребенка и в двухдетных семьях с установкой на рождение третьего ребенка доля семей рабочих (где оба супруга рабочие или жена — служащая с низкой квалификацией, а муж — рабочий) значительно выше (43%), чем в семьях, не ориентированных на рождение следующего ребенка (28%). В V группе высока доля семей, где у обоих супругов среднее общее или неполное среднее образование (40%), в I и во II группе их 12—13%, в III и IV группе — 24—27%. Доля имеющих высшее образование во всех пяти группах существенно не различается и колеблется от 48 до 54%. В то же время, выделив из совокупности супругов с высшим образованием семьи, где оба супруга заняты умственным трудом в непроизводственной сфере, было установлено, что они преобладают в группе семей с установкой на однодетность.

На репродуктивные установки супругов существенное влияние оказывает *место проживания* супругов до совершеннолетия и длительность их проживания в Москве (табл. 4). Из таблицы видно, что между этими переменными существует прямая зависимость. После десяти лет проживания в Москве обоих супругов или жены их репродуктивные установки меняются, сближаясь с установками москвичей. Тем не менее различия, вызванные нормами, усвоенными в детстве, сохраняются. Доля коренных москвичей с установкой на двоих детей составляет 32%, у супругов, живущих в Москве более 10 лет, с такой же установкой — 58%, у недавних жителей столицы — 64%. Такая же зависимость наблюдается, если рассмотреть состав групп. В I группе 63% составляют семьи, живущие в Москве более 15 лет, причем 57% супругов — коренные москвичи; в III группе — соответственно 43 и 27%. В I группе совсем нет семей, где бы оба супруга были приезжими. В каждой второй семье II и III группы или оба супруга, или один из них живет в Москве менее 10 лет. В семьях, где оба супруга

Таблица 4

Длительность проживания в Москве у супругов с различными репродуктивными установками среди однодетных семей (в % от численности групп)

Длительность проживания супругов в Москве	Группа семей с различными репродуктивными установками		
	I	II	III
Оба супруга коренные москвичи	67,7	9,7	22,6
Жена — коренная москвичка, муж живет в Москве менее 10 лет	63,6	9,1	27,3
Оба приезжие, живут в Москве более 10 лет	42,1	36,8	21,1
Муж — коренной москвич, жена живет в Москве менее 10 лет	19,0	42,9	38,1
Оба супруга живут в Москве менее 10 лет	—	36,4	63,6

планируют второго ребенка при любых условиях, москвичей только 18%. Среди ориентированных на третьего ребенка москвичи составляют уже 6%.

На репродуктивные установки супругов значительное влияние оказывает наличие у них братьев или сестер: среди супругов с установкой на одного только ребенка значительно чаще, чем в других группах семей, встречаются супруги, выросшие в однодетных семьях (табл. 5).

Из данных табл. 5 видно, что от I к V группе уменьшается доля семей, где оба супруга росли в однодетных семьях: от 46,7% в I группе к 12,5% в V группе. Соответственно возрастает и доля семей, где оба супруга

Таблица 5

Наличие братьев или сестер у супругов с различными репродуктивными установками (в % от численности групп)

Группы семей с различными репродуктивными установками	Оба супруга из однодетной семьи	Оба супруга из двухдетной семьи	Оба супруга из трехдетной семьи
Однодетные семьи:	37,6	14,1	48,2
I группа	46,7	16,7	36,7
II »	36,0	8,0	56,0
III »	30,0	16,7	53,5
Двухдетные семьи:	19,7	16,4	63,9
IV группа	24,3	10,8	64,8
V »	12,5	25,0	62,5

росли в трехдетной семье: от 36,7 до 64,8%. Надо также отметить, что супруги, сами выросшие без братьев и сестер, реже имеют второго ребенка, чем супруги, имеющие братьев или сестер.

Рассмотрение взаимосвязей создает определенную картину зависимости между социально-демографическими и социально-психологическими факторами и репродуктивными установками супругов. На этом основании была сделана попытка создать некоторый социальный портрет групп семей с различными репродуктивными установками, и прежде всего тех групп семей, где установки супругов совпадают.

Первая группа — однодетные семьи с установкой на одного ребенка. В семьях данного типа преобладают москвичи (60%); велика доля супругов, выросших в однодетных семьях (47%); интеллигенция составляет около 40%; лица с высшим образованием — более половины супругов. Семьи рабочих встречаются реже, чем в других группах (29%). Материальные и жилищные условия семей весьма благополучны: средний совокупный доход — 350 руб., причем у 35% семей он должен возрасти; каждая вторая семья живет в отдельной квартире; каждая третья — в квартире родителей. У супругов данной группы выше, чем у других, ценность материальных благ (42%) и ценность свободного времени (47%) и меньше, чем в других группах, ценность семьи. Для 40% семей характерна неудовлетворенность супругов браком.

Вторую группу составляют семьи, где оба супруга планируют рождение второго ребенка при любых условиях, а некоторые хотели бы иметь и третьего ребенка. В этой группе существенно преобладают приезжие: или оба супруга, или один из них проживает в Москве менее 10 лет. Большинство супругов выросли в двух-трехдетных семьях (63%). Интеллигенция представлена почти так же, как и в первой группе, причем среди нее преобладают инженерно-технические работники. Во второй группе каждая вторая семья — семья рабочих. И душевой, и совокупный доход семей мало отличается от дохода семей первой группы, но жилищные условия хуже: здесь вдвое больше семей, проживающих в коммунальных квартирах. Выше доля нуклеарных семей (82%). В системе ценностей 62% супругов не считают материальные блага важным фактором, а 82% суп-

БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

ругов невысоко оценивают и фактор свободного времени. В этом семьи данной группы существенно отличаются от семей предыдущего типа. Ценность семейной жизни у супругов также более высокая: в 82% семей супруги удовлетворены браком.

Третья группа — семьи, где оба супруга склонны иметь второго ребенка, если улучшатся условия (главным образом материальные и жилищные) жизни семьи. Эти семьи почти по всем показателям занимают промежуточное положение между семьями первого и второго типа. По социальному статусу, образовательному уровню супругов данные семьи мало отличаются от семей первой группы, по факторам же, оказывающим влияние на установку детности (продолжительность проживания в Москве, число детей в семье родителей), они ближе к семьям второй группы. Отличительная особенность данной группы семей — худшие, чем в других семьях, условия жизни на момент обследования, как материальные, так и жилищные. В то же время 36% семей ожидают увеличения дохода и 84% — улучшения жилищных условий (из них 56% семей надеются получить квартиру). По ряду ценностных ориентаций семьи третья группа ближе к первой. Однако для нее характерна такая же высокая, как и во второй группе, ценность семьи, удовлетворенность супругов браком.

Четвертая группа немногочисленна. В ней представлены двухдетные семьи, в которых оба супруга собираются иметь третьего ребенка при определенных условиях. Здесь высока доля приезжих лиц, но и москвичи составляют 36%. Невелика доля супругов, выросших в однодетных семьях (18%). Рабочие, лица со средним и неполным средним образованием составляют, как и во второй группе, значительную часть — 45%. Материальные и жилищные условия семей хуже, чем у других семей с двумя детьми. Совокупный доход двухдетных семей, не ориентированных на третьего ребенка, — 323 руб., у ориентированных — 295 руб. По социально-психологическим факторам (удовлетворенность браком, ценности семьи, ценности досуга и т. д.) семьи IV и II групп очень близки.

Изучение типов семей по их репродуктивным установкам дает ключ к разработке дифференцированных мер демографической политики.

Влиянию благосостояния на уровень рождаемости уделялось большое внимание в советской демографической науке. Однако до сих пор еще не выработано единых теоретических позиций, разделяемых всеми или хотя бы большинством авторов.

Р. И. Сифман еще в 1976 г. писала: «.. изучение связи между числом рождений у женщины и материальным благосостоянием семьи не потеряло своего значения. Если раньше проблема эта представляла интерес больше в теоретическом аспекте, то в связи с разработкой мероприятий материального стимулирования рождаемости решение вопроса о том, где же все-таки выше рождаемость — в лучше или менее обеспеченных семьях, приобрело существенное практическое значение».

Одним из основных направлений социально-экономической политики партии по отношению к семье является улучшение материальных условий ее жизни. В докладе XXVII съезду КПСС «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» Н. И. Рыжков сказал: «В двенадцатой пятилетке линия на усиление государственной помощи семьям с детьми получит еще большее развитие»². Оценка демографического эффекта таких мер требует совершенствования методик оценки взаимосвязи условий жизни семьи и ее репродуктивного поведения.

Для этого необходимо расширение имеющихся представлений о диалектике взаимосвязи рождаемости и благосостояния, детальное описание механизма этой взаимосвязи. Представляется, что в общих чертах в теории репродуктивного поведения разработаны теоретические

¹ Сифман Р. И. Рождаемость и материальная обеспеченность // Рождаемость. М., 1976. С. 77.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 260.

представления о двойственном влиянии материального благосостояния на внесемейные ценности, на реализацию потребности в детях и дана соответствующая критика односторонней «концепции прямой связи»³. Между тем в литературе этот вопрос все еще достаточно часто трактуется как нерешенный на том основании, что якобы имеются противоречивые данные эмпирических исследований. Представляется, что в условиях, когда весьма остро стоит вопрос о разработке комплекса мер стимулирования роста населения, сохранение такого положения нежелательно. Поскольку основным аргументом в длительной полемике являются данные конкретных обследований, то, на наш взгляд, необходимо перенести акцент с критики методологических подходов на рассмотрение методической базы этих обследований.

Проведенный нами анализ методики и результатов отечественных исследований влияния благосостояния на рождаемость показал, что полученные результаты лишь на первый взгляд представляются взаимоисключающими. Если же отбросить случаи явных методических ошибок, то выявится, что кажущаяся противоречивость данных связана, во-первых, с неоднозначностью уровня благосостояния как характеристики образа жизни семьи, а во-вторых, с особенностями используемых показателей благосостояния — совокупного и среднедушевого дохода семей.

Повышение уровня благосостояния — это совершенно особая ценность, а сам этот уровень — важная характеристика благополучия семьи. Улучшение материальных условий жизни, вообще говоря, повышает возможности для реализации потребности в детях и может рассматриваться как ценность внутрисемейная. Однако деятельность по улучшению благосостояния осуществляется, как правило, вне семьи и предполагает достижение ряда целей, не имеющих прямого отношения к семье и приобретающих постепенно самостоятельную ценность (например, повышение уровня образования, квалификации и т. п.). К тому же повышение уровня благосостояния семьи существенно меняет ее образ жизни и создает новые возможности для развития внесемейных ориентаций.

Поэтому нельзя традиционно применяемый показа-

тель дохода семьи рассматривать как формализованную характеристику какой-либо одной, строго определенной стороны жизни семьи, например материальных условий.

От дохода зависят благоустройство быта, отчасти — распределение свободного времени, возможности для организации содержательного досуга и другие условия. Все эти условия в определенной мере влияют на полноту реализации потребности в детях. При этом нужно иметь в виду, что заработная плата работника, как правило, сильно коррелирует с другими его характеристиками, или, иначе говоря, обозначает достигнутый им социальный статус, оценку его деятельности обществом. Поэтому более высокий уровень дохода обычно сочетается и с лучшими жилищными условиями, с большими возможностями приобретения товаров повышенного спроса и т. д. А повышение дохода означает расширение возможностей для реализации всего комплекса потребностей семьи и ее членов. Динамика дохода имеет здесь не меньшее значение, чем его абсолютная величина. Улучшение условий жизни как бы открывает перед семьей новые перспективы, способствует более оптимистичной оценке ситуации и стимулирует активность, направленную на реализацию насущных потребностей данной семьи. Если среди них оказывается потребность в детях, она реализуется полностью.

Однако есть все основания считать, что при полностью удовлетворенной потребности в детях или слабой потребности в следующем ребенке даже весьма существенное улучшение материальных условий будет использовано для удовлетворения других, более значимых для данного индивидуума потребностей. Экономическая помощь семье, не сопровождаемая значительным повышением ценности детей для семьи и личности, влияет главным образом на сокращение сроков появления детей, рождения которых большей частью все равно имели бы место, но были бы «растянуты» во времени.

Именно это качество показателя дохода семьи (как индикатора условий реализации имеющихся потребностей) проявляется прежде всего при рассмотрении числа детей в группах, однородных по репродуктивным ориентациям, но сравниваемых по совокупному доходу. В таких случаях обычно фиксируется прямая связь уровня рождаемости с уровнем дохода, причем размах вариации

³ См.: Антонов А. И. Социология рождаемости. С. 249—259; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 127—149.

редко превышает одно рождение на семью⁴. Возможность статистической регистрации этого явления связана с особенностями показателя совокупного дохода, который чутко (значительно тоньше, чем показатель дохода на душу) улавливает динамику материальной обеспеченности. Но это справедливо лишь для тех семей, которые испытывают реальные затруднения в удовлетворении имеющейся у них потребности в детях. При достаточно высоком уровне жизни обнаруживается обратная связь показателей детности как с душевым, так и с совокупным доходом⁵.

Определенный уровень дохода является результатом целенаправленных усилий, а потому хотя и косвенно, но достаточно определенно характеризует значимость внесемейных ценностей. Развитие же внесемейных ориентаций часто происходит в ущерб внутрисемейным, в частности репродуктивным. Статистически это проявляется в обратной зависимости показателей рождаемости от размера душевого дохода.

Случаи выявления так называемой V-образной зависимости рождаемости от дохода, когда наиболее высокая рождаемость отмечается в крайних по доходу группах, объясняются следующим образом. Группы с наименьшим доходом (если речь не идет о студентах) — это в основном люди с невысоким образованием и профессиональным статусом. Они, как правило, не ориентированы на достижение этих ценностей и имеют меньшую социальную мобильность. Для них характерна ориентация на семью и соответственно на более высокую потребность в детях. Даже если материальные затруднения препятствуют полному удовлетворению этого уровня потребности, число детей здесь все же выше, чем в других группах.

Наиболее неблагоприятны с точки зрения рождаемости группы семей со средним доходом, численность которых велика. Супруги здесь стараются повысить свой социальный и материальный статус. Поэтому растет доля внесемейных ориентаций. В то же время материальные трудности, как и далеко не всегда положительная оценка достигнутого уровня благосостояния, существенно

снижают вероятность полной реализации имеющейся у них потребности в детях.

В группах, где семьи имеют самый высокий доход, потребность в детях невысока, но условия для ее удовлетворения лучше, поэтому конечные показатели рождаемости могут быть выше, чем в средних группах. Разумеется, это возможно лишь в условиях широкого распространения норм малодетности.

Следует отметить еще одну сторону показателя дохода семьи, которая не проявляется в корреляционном анализе, но должна учитываться при прогнозировании тенденций рождаемости. Доход и другие показатели уровня благосостояния семьи характеризуют также условия формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Важно иметь в виду, что получаемые в обследованиях данные и особенности их интерпретации будут существенно различаться в зависимости от того, каким образом изменяется уровень благосостояния. В нашей литературе появился целый ряд оригинальных предложений по методам оценки благосостояния семей, отвечающим конкретным целям эмпирических исследований⁶. Поиски в этом направлении в настоящее время составляют самостоятельную задачу.

На наш взгляд, наиболее плодотворны в практическом применении методы, позволяющие оценить не только достигнутый семьей уровень благосостояния, но и особенности его изменения за годы брака. Такого рода методика была использована для анализа результатов выборочного обследования «Москва-1978», проведенного Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. Группировка респондентов проводилась таким образом, чтобы можно было одновременно оценить влияние на репродуктивное поведение и абсолютного уровня благосостояния, и его динамики. Поскольку опрашивались только двухдетные семьи, были выделены три периода их жизни: 1) с момента заключения брака до рождения первого ребенка; 2) между рождениями детей; 3) после рождения второго ре-

⁴ См.: Сифман Р. И. Указ. соч. С. 89.

⁵ См.: Фертильность и регулирование размера семьи в Европе в 1970-е годы: Сравнительный анализ двенадцати национальных обзоров. Нью-Йорк, 1976. С. 146.

⁶ См.: Наруск А. Х. Семья с детьми: Материальные условия (по данным Эстонской ССР) // О формировании социальной однородности. Таллин, 1981; Сикс Ю. П. Материальная обеспеченность семьи и детность // Личное потребление в механизме воспроизводства населения. Рига, 1983.

бенка Было выделено шесть групп семей.

В 1-ю и во 2-ю группу вошли семьи с низкой динамикой доходов, в которых рост доходов на всех этапах не превышал среднего уровня, определяемого общей закономерностью повышения благосостояния. Семьи, в которых на одном из этапов их формирования отмечался «скачок» в росте доходов по сравнению с остальными, были отнесены к 3-й и 4-й группе (средний уровень динамики). Если же на двух или на всех трех этапах доходы семьи росли быстрее, чем у остальных семей, динамика доходов считалась высокой (5-я и 6-я группы). В свою очередь различия между 1-й и 2-й, 3-й и 4-й, 5-й и 6-й группами определялись абсолютным уровнем достигнутого благосостояния: в 1-й, 3-й, 5-й группах он был ниже среднего для семей с соответствующей мобильностью по доходу, а во 2-й, 4-й, 6-й — выше или равен среднему уровню.

Абсолютный уровень благосостояния тесно связан с его динамикой. Высокого уровня дохода, как правило, достигали семьи, характеризующиеся высокой мобильностью по этому признаку. В нашем обследовании это выразилось в том, что медианный совокупный доход семей с низкой динамикой доходов составил около 250 руб., семей со средней динамикой — около 300 руб. и семей с высокой динамикой — около 350 руб.

С другой стороны, для отдельно взятой семьи каждый момент роста дохода означает улучшение условий жизни и, что еще важнее, изменение оценки этих условий. Поэтому однозначная трактовка динамики и уровня благосостояния семей была бы, по нашему мнению, ошибочной.

Однако при рассмотрении репродуктивного поведения выделенных групп семей правомерно считать, что более высокая динамика доходов семей означает их большую активность, направленную на рост благосостояния, большую мобильность по этому признаку (понимаемую как одна из форм социальной мобильности), а значит, и больший удельный вес внесемейных ориентаций. Именно с этим прежде всего могут быть связаны различия в показателях репродуктивного поведения между парами групп (1-й и 2-й; 3-й и 4-й; 5-й и 6-й), причем важно, что ориентированность на повышение благосостояния в данном случае оценивается не по высказываемым мнениям (что потребовало бы тонких социально-психологи-

ческих методик, применение которых на больших выборках затруднительно), а по фактическим результатам поведения.

Различия же внутри пар групп (между 1-й и 2-й; 3-й и 4-й; 5-й и 6-й) отражают главным образом различия в уровне благосостояния как показателе условий реализации потребности в детях. Попытка условно разделить влияние благосостояния на рождаемость через систему ценностных ориентаций и через условия жизни позволяет, на наш взгляд, уловить более тонкие различия в репродуктивном поведении семей, чем при оценке лишь уровня их доходов. А это, по нашему мнению, очень важно при исследовании совокупностей населения, однородных по итоговому числу детей в семье.

Для проверки данной гипотезы рассмотрим прежде всего уровень среднедушевого дохода в выделенных нами шести группах (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доходов семей
и среднедушевой доход, % семей

Группы по динамике доходов	Число семей	Среднедушевой доход, руб. в месяц				
		до 75	76 100	101 150	151 и выше	
1	133	100,00	—	—	—	
2	183	77,60	22,40	—	—	
3	339	100,00	—	—	—	
4	295	21,36	70,85	7,46	0,34	
5	209	46,89	53,11	—	—	
6	160	—	66,25	29,38	4,38	
Итого:						
число семей	1 319	775	467	69	8	
процент семей		58,76	35,41	5,23	0,61	

Интересно следующее: распределение семей по уровню среднедушевого дохода, например, 6-й группы значительно ближе к тому, что отмечено для 4-й группы, чем для 5-й. Поэтому рассмотрение репродуктивного поведения семей из названных групп не только даст общую картину его зависимости от благосостояния, но и поможет ответить на вопрос о целесообразности применения подобных методик. Если и по репродуктивному поведению 4-я группа окажется ближе к 6-й, чем 5-я, значит, традиционные методы дают более

надежные результаты. В противном случае будет ясно, что влияние самой по себе динамики доходов немаловажно и что необходим ее учет.

Поскольку исследовались только двухдетные семьи, сопоставление их по предпочитаемым числам детей не дает особых результатов, из-за того что подавляющее большинство респондентов называет фактическое число детей, которое равно двум. И все же для первичной оценки воспользуемся данными об ожидаемом числе детей (табл. 2).

Динамика доходов семей
и ожидаемое число детей, % семей

Группы по динамике доходов	Число семей	Ожидаемое число детей				
		2	3	4	5 и более	Трудно сказать
1	133	86,47	7,52	1,50	—	4,51
2	183	91,80	2,73	—	—	5,46
3	339	86,43	6,49	0,29	—	6,78
4	295	91,53	3,73	—	—	4,75
5	209	93,78	3,83	—	—	2,39
6	160	94,38	3,75	—	—	1,88
Итого:						
число семей	1 319	1 193	62	3	—	61
процент семей		90,45	4,70	0,23	—	4,62

Данные табл. 2 показывают, что различия в ответах очень невелики. В первых четырех группах практически нет различий, связанных с динамикой доходов, зато заметна разница в зависимости от их абсолютного уровня, причем разница, соответствующая представлениям об обратной зависимости рождаемости от благосостояния. Это объясняется тем, что именно в группы с низкой и средней динамикой доходов, т. е. меньшей ориентацией на внесемейные ценности, должны были попасть те немногочисленные в нашей выборке семьи, которые испытывают потребность в третьем ребенке, причем доля их выше там, где ниже абсолютный уровень благосостояния, т. е. где есть реальные помехи к полной реализации потребности в детях. То, что во 2-й и 4-й группах таких семей меньше, на наш взгляд, может быть связано с тем, что часть из них просто вышла за пределы исследуемой совокупности, реализовав благода-

Таблица 2

ря лучшим условиям жизни потребность в третьем ребенке, а не с тем, что уровень динамики доходов не выполняет здесь своей роли как показатель структуры ценностных ориентаций.

Группы с самой высокой динамикой доходов (5-я и 6-я), видимо, объединяют семьи, где преобладают внесемейные ориентации. Поэтому нельзя говорить о «давлении» условий жизни на потребность в детях: здесь и потребность ниже, и уровень жизни выше. Различий, зависящих от абсолютного уровня благосостояния, здесь нет. Это же косвенно подтверждается и меньшим числом ответов «трудно сказать» в 5-й и 6-й группах. Эти семьи ориентированы на малодетность.

Отметим также, что по распределению ответов 5-я группа, которую мы выбрали для контроля обоснованности нашей методики, не отличается от 4-й и 6-й, хотя уровень среднедушевого дохода в них существенно выше.

Аналогичная картина наблюдается и по ожидаемому через 5—10 лет числу детей (табл. 3).

Динамика доходов семей и ожидаемое
через 5—10 лет число детей, % семей

Группы по динамике доходов	Сколько собираетесь иметь еще детей в ближайшие 5—10 лет							
	0	1	2	3	Это не имеет значения	Трудно сказать	Нет ответа	Итого
1	60,90	6,77	3,01	0,75	0,75	27,82	—	100
2	67,76	5,46	2,19	0,55	2,19	21,31	0,55	100
3	58,41	6,78	1,77	1,18	0,88	30,97	—	100
4	67,12	4,07	1,69	0,68	1,69	24,75	—	100
5	66,03	3,35	3,35	1,48	1,44	25,36	—	100
6	75,63	3,13	0,63	—	1,25	18,75	0,63	100

Таблица 3

Более интересную картину дает рассмотрение доли семей с разной степенью удовлетворения потребности в детях в зависимости от динамики доходов (табл. 4).

Для респондентов, уже удовлетворивших свою потребность в детях (3-я колонка табл. 4), показатели благосостояния играют роль прежде всего индикаторов значимости внесемейных ценностей, поскольку условия жизни в данном случае не повлияли на полноту реализации потребности в детях. Доля таких семей зависит как от абсо-

Таблица 4

Динамика доходов семей и степень удовлетворения потребности в детях, % семей

Группы по динамике доходов	Число семей	Потребность в детях		
		удовлетворенная	неудовлетворенная	неопределенная
1	2	3	4	5
1	133	54,13	11,28	34,59
2	183	57,38	5,46	37,16
3	339	53,10	10,91	35,99
4	295	61,69	5,77	32,54
5	209	60,76	5,26	33,97
6	160	73,13	5,00	21,88
Итого:				
число семей	1 319	783	98	438
процент семей		59,36	7,43	33,21

лютного уровня благосостояния, так и от его динамики за годы брака, причем, чем более активно семья стремится к повышению своих доходов, тем большее влияние на ее репродуктивное поведение оказывает абсолютный уровень благосостояния (разница в доле удовлетворивших потребность в детях между 1-й и 2-й группами составляет около трех пунктов, а между 5-й и 6-й группами — почти 13 пунктов). В самом деле, повышение благосостояния, по-видимому, желательно для всех семей. Однако в действительности его достигают те, чья система ценностей и определяемый ею образ жизни соответствуют этой цели. Поэтому семьи, чья активность в повышении материального статуса наиболее высока и результативна, быстрее всего достигают своей цели и в репродуктивной сфере.

Для респондентов, имеющих потребность более чем в двоих детях и не удовлетворивших свою потребность в них (4-я колонка), показатели благосостояния характеризуют главным образом роль материальных условий как фактора полноты удовлетворения потребности в детях. Динамика доходов здесь практически не имеет значения. Примечательно, что и разница в абсолютном уровне благосостояния между 5-й и 6-й группами, где сам этот уровень достаточно высок, тоже не играет роли. Зато в 1-й и 3-й группах, где возникновение материальных затруднений наиболее вероятно, доля не удовлетворивших свою

потребность в детях приблизительно в 2 раза превышает их долю среди респондентов с аналогичной динамикой доходов, но с более высоким их абсолютным уровнем. Следовательно, в группах, где динамика доходов относительно невысока, абсолютный уровень благосостояния приобретает особую роль в оценке ситуации как благоприятной или неблагоприятной для рождения ребенка.

Как видим, данные по 4, 5 и 6-й группам подтверждают, что учет динамики доходов семей дает не менее интересные результаты, чем сопоставление абсолютного уровня их доходов.

Наши выводы подтвердились и при рассмотрении линий репродуктивного поведения семей в группировке по динамике доходов⁷. Различий по доле семей, репродуктивное поведение которых отражает высокую интенсивность потребности в двоих детях, между выделенными нами группами не отмечено. Доля же семей, имеющих ослабленную потребность в детях (отмечены искусственные аборты до рождений или между рожденьями) составила: для 1-й группы — 34,6%, для 2-й — 35,0, для 3-й — 35,7, для 4-й — 37,7, для 5-й — 41,6 и для 6-й группы — 46,2%.

Часть респондентов вообще не указала ни одного аборта за годы брака (модальная продолжительность брака в исследовании — 10 лет). Ответы тех, кто состоит в браке свыше 5 лет и не имеет нарушений плодовитости, были условно отнесены нами к неискренним. При сравнении уровней душевого дохода доля таких семей колебалась, не обнаруживая какой-либо определенной тенденции. В группах же по динамике доходов она неуклонно снижалась: от 36,1% в 1-й группе до 23,8% в 6-й группе. Это можно объяснить тем, что группы с различным благосостоянием отличаются и по господствующим в них социальным нормам, в том числе нормам, регламентирующим возможность обсуждения интимных вопросов. Поэтому люди, в большей мере ориентированные на повышение благосостояния, в то же время менее склонны скрывать такие события, как аборт. Однако вполне вероятно, что к числу неискренних были отнесены и ответы той небольшой части женщин, которые еще не удовлетворили своей потребности в троих детях, а потому действительно ни разу не прибегали к абортam. В этом слу-

⁷ О методике определения линий репродуктивного поведения см.: Антонов А. И. и др. Двухдетная семья в Москве: Образ жизни и репродуктивное поведение // Семья и дети. М., 1982.

Таблица 5

Динамика доходов семей и мнения женщин о мерах стимулирования рождения третьего ребенка, % семей

Группы по динамике доходов	Что, по Вашему мнению, сильнее всего может повлиять на рождение третьего ребенка			Нет ответа
	Предоставление многокомнатной квартиры	Введение весомых семейных надбавок	Значительное сокращение рабочего дня матери при сохранении заработной платы	
1	36,09	27,82	36,09	—
2	31,15	27,87	40,44	0,55
3	30,97	27,73	41,30	—
4	26,44	17,29	55,93	0,34
5	18,66	22,49	58,37	0,48
6	19,38	19,38	60,63	0,63
Итого	27,14	23,58	48,98	0,30

Таблица 6

Динамика доходов семей и мнения женщин о возможности изменения режима работы, % семей

Группы по динамике доходов	Если бы позволило материальное положение, то согласились бы Вы ради воспитания детей					Нет ответа
	совсем оставить работу	не работать, пока ребенку не исполнится		работать рабочий день		
		3 года	7 лет	полный	неполный	
1	13,53	21,05	4,51	10,53	47,62	0,75
2	9,84	18,58	6,01	6,01	59,56	—
3	10,32	19,17	3,54	7,37	59,29	0,29
4	6,78	16,27	5,42	7,12	63,39	1,02
5	5,74	14,35	8,61	4,78	66,51	—
6	9,38	15,00	3,13	6,25	66,25	—
Итого	8,95	17,36	5,16	6,90	61,26	0,38

Интересно, что при выяснении мнений о возможности совсем оставить работу ради воспитания детей (табл. 6) наиболее существенные различия по динамике доходов наблюдаются в группах 1-й и 5-й. Так, желание совсем оставить работу выразили в два с лишним раза меньше женщин с высокой мобильностью по доходу, чем с низкой. И наоборот, высокомобильные по этому показателю женщины в 2 раза больше имеют тенденцию к работе полный рабочий день.

Приведенные данные, на наш взгляд, не только дают новую информацию об особенностях действия уровня благосостояния как фактора рождаемости, но и подтверждают плодотворность использования в эмпирических обследованиях методик, основанных на учете динамики характеристик образа жизни семей. Освоение и совершенствование таких методик являются сегодня важной задачей конкретного исследования рождаемости.

чае неудивительно, что их доля оказалась выше в группах с низкой динамикой и низким уровнем доходов.

Преимущественное влияние динамики по доходам (в сравнении с влиянием уровня доходов) особенно наглядно при изучении мнений женщин о тех или иных мерах стимулирования рождения третьего ребенка (табл. 5). Так, предоставление квартиры для женщин, входящих в 5-ю и 6-ю группы, примерно в 2 раза менее значимо, чем для женщин 1-й и 2-й групп. Значимость же сокращения рабочего дня при сохранении заработной платы в 5-й и 6-й группах больше почти в 1,5 раза.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУПРУГОВ И ИХ УСТАНОВКИ НА ДЕТНОСТЬ

Предметом нашего исследования является изучение социально-экономических аспектов гомогенности брака, репродуктивных ориентаций вступающих в брак, а также молодых супругов в начальный период существования семьи. В статье использованы результаты социолого-демографического обследования двухдетной московской семьи («Москва-1978») и опроса вступающих в первый брак («Новобрачные-1983»), проведенных Центром по изучению проблем народонаселения МГУ.

Основные социально-демографические характеристики двухдетных московских семей приводились и ранее¹. Здесь же даются их возраст, уровень образования жен и мужей и т. д., т. е. характеризуется семья в целом, раскрывается прежде всего уровень гомогенности и гетерогенности браков. Интерес к проблеме гомогенности браков связан не только с тем, что ее анализ может помочь раскрыть конкретные механизмы формирования брачных пар, его социально-экономической обусловленности и, следовательно, полнее показать закономерности изменения социальной структуры социалистического общества. С социолого-демографической точки зрения гораздо важнее то, что анализ проблемы гомогенности браков дает возможность понять особенности формирования репродуктивных ориентаций семьи в целом, механизм согласования репродуктивных установок мужа и жены, выбор ими конкретной линии репродуктивного поведения.

Одной из важнейших демографических характеристик является возраст, причем соотношение возрастов женихов и невест помогает понять тенденции в изменении сущности и мотивов брака, механизм выбора брачного партнера. По мнению А. Г. Харчева, «средний брачный возраст дает представление о том, насколько естественная необходимость гармонизирует в данном случае с социаль-

ными условиями или же искажается ими. Соотношение брачных возрастов в какой-то мере говорит также о степени свободы брака от утилитарных расчетов и соображений»².

По данным статистики брачности (которые относятся примерно к тому же времени, когда в брак вступали опрошенные в ходе исследования «Москва-1978» женщины), доля браков, в которых муж и жена находились в одном и том же пятилетнем возрастном интервале, составляла несколько менее половины всех заключенных в то время браков. В остальных браках разница в возрасте мужа и жены превышала 5 лет, причем в 85% этих браков старше был муж, а в остальных — жена. Аналогичную картину дали и результаты исследования «Москва-1978» (табл. 1).

Таблица 1

Возраст мужа и жены в двухдетных московских семьях на момент вступления в брак, «Москва-1978», %

Возраст мужа, лет Возраст жены, лет	До 20	20—24	25—29	30 и более	Всего*
	(89 человек)	(747 человек)	(344 человек)	(114 человек)	(1319 человек)
До 20 (444 человека)	14,6 ** 2,17	60,6 1,07	21,6 0,83	2,9 0,34	100
20—24 (758 человек)	2,9 0,43	59,6 1,05	28,6 1,10	8,7 1,01	100,0
25—29 (83 человека)	1,2 0,18	31,3 0,55	33,7 1,29	33,7 3,90	100,0
30 и более (9 человек)	— —	— —	22,2 0,85	77,8 8,90	100,0
Всего (1319 человек)	6,7	56,6	26,1	8,6	100,0

* Сумма по строке может быть менее 100% из-за небольшого числа, не давших ответа на вопрос о возрасте вступления в брак.

** В знаменателе приведены так называемые коэффициенты возрастной ассоциации браков.

Опрос показал, что двухдетные семьи характеризуются довольно значительным уровнем гетерогенности в возрастном отношении. Доля семей, в которых муж и жена имеют различный возраст, составляет 56,1%, причем в 52,2% семей муж был старше жены и в 3,9% — наоборот. В 41,8% семей возраст мужа и жены находится в одном

¹ См.. Семья и дети. С 35—39.

² Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 204.

и том же пятилетнем возрастном интервале. При общем преобладании семей, где муж старше, обращает на себя внимание то, что наиболее предпочтительна разница в возрасте супругов в один пятилетний интервал. Это видно из приведенных в той же табл. 1 значений так называемых коэффициентов возрастной ассоциации браков. Последние показывают, во сколько раз вероятность данного сочетания возрастов больше (если коэффициент больше 1) или меньше (в противном случае) того, которое получалось бы, если бы пары соединялись в случайном порядке, в соответствии лишь с возрастной структурой совокупности.

Величины коэффициентов возрастной ассоциации браков во всех случаях (кроме одного) наибольшие, когда возраст мужа превышает возраст жены на один пятилетний интервал. Это характерно даже для возрастной группы жен 20—24 лет, в которой уровень возрастной гомогенности является самым большим (доля браков с ровесниками составляет почти 60%). Однако и для этой группы самое большое значение коэффициента мы находим в той клетке таблицы, которая соответствует возрасту мужа 25—29 лет.

Предпочтение, отдаваемое тому, чтобы муж был ненамного старше жены, объясняется, видимо, тем, что снимаются негативные моменты, которые обычно принято связывать со слишком большой разницей в возрасте супругов или с браками ровесников. В первом случае «обычно предполагается наличие, по крайней мере с одной из сторон, того или иного утилитарного интереса», во втором — то, что «ровесники современных невест не всегда оказываются способными выполнять по отношению к ним функции «сильного пола» в сфере знаний, интеллекта, вкуса и т. д.»³. Такое соотношение возрастов, когда жених ненамного старше невесты, является, видимо, как раз тем, которое «не только согласуется с нравственными требованиями к браку, но и идет навстречу этим требованиям»⁴.

Можно предположить, что и с точки зрения формирования линий репродуктивного поведения семьи, и с точки зрения реализации репродуктивных ориентаций такое соотношение возрастов супругов является наиболее благоприятным. Видимо, для значительной части семей их

двухдетность могла быть связана именно с этим обстоятельством. Однако утвердительно на данный вопрос ответить нельзя, поскольку в ходе обследования «Москва-1978» опрашивались только жены, а репродуктивные ориентации мужей напрямую не выявлялись. Однако остается фактом, что около 17% опрошенных женщин собирались при вступлении в брак иметь лишь одного ребенка. Можно предположить, что в какой-то степени расхождение ретроспективно выраженного планировавшегося числа детей в семье с реальным объясняется доминированием репродуктивных ориентаций семейного лидера, имевшего к тому же более старший возраст. Точный ответ на этот вопрос трудно дать из-за того, что в основном массиве опрошенных тип лидерства не выявлялся. Вместе с тем результаты одновременного опроса мужей и жен, проведенного на микровыборке в 100 семей в ходе исследования «Москва-1978», наводят на мысль о том, что при различии репродуктивных ориентаций супругов более вероятной является реализация установок семейного лидера, которым в большинстве случаев был муж⁵. В других случаях, когда репродуктивные установки мужей и жен совпадали, близость их возрастов содействовала тому, что возникающие репродуктивные ситуации оценивались как более благоприятные для рождения второго ребенка. Разумеется, этот фактор не был, да и не мог быть единственным, повлиявшим на такую благоприятную оценку, но и сбрасывать его со счетов, по нашему мнению, тоже не следует.

Данные о возрасте невесты и жениха, полученные в ходе исследования «Новобрачные-1983», показали, что брак «омолодился». Так, 8,5% женихов и 30,2% невест были моложе 20 лет; 64,8% женихов и 54,8% невест имели возраст 20—24 года; 26,7% женихов и 15,8% невест были старше 25 лет. Достаточно четко прослеживается превышение возраста женихов над возрастом невест.

Другой важнейшей социально-демографической характеристикой супругов и семьи является уровень образования мужа и жены и его соотношение (табл. 2).

Как видно из данных табл. 2, около 55% всех семей являются гетерогенными в отношении образования, т. е. муж и жена при вступлении в брак имели разный уровень образования. При этом примерно в четвертой части всех

³ Харчев А. Г. Указ. соч. С. 209.

⁴ Там же С. 209—210.

⁵ См.: Семья и дети. С. 67—74.

Таблица 2

Уровень образования мужа и жены в двухдетных московских семьях на момент вступления в брак, «Москва-1978», %

Образование жены	Образование мужа						Всего*
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее	
Начальное	52,9	23,5	23,5	—	—	—	100,0
	22,5	0,9	0,8	—	—	—	
Неполное среднее	4,3	57,0	22,3	9,8	3,9	2,7	100,0
	1,8	2,3	0,7	0,6	0,3	0,2	
Среднее	1,5	25,3	43,4	16,4	6,7	6,5	100,0
	0,6	1,0	1,4	1,0	0,5	0,6	
Среднее специальное	1,7	17,1	34,1	27,2	6,6	13,2	100,0
	0,6	0,7	1,1	1,7	0,5	1,1	
Незаконченное высшее	—	5,3	13,4	10,7	54,5	16,0	100,0
	—	0,2	0,4	0,7	4,1	1,4	
Высшее	—	5,3	19,1	10,6	12,8	52,1	100,0
	—	0,2	0,6	0,7	1,0	4,4	

* Сумма может быть несколько менее 100% из-за наличия некоторого числа лиц, не давших ответа на вопрос об образовании. В знаменателе приведены коэффициенты ассоциации браков по уровню образования мужа и жены.

семей более высокий уровень образования имели мужья и примерно в 30% семей — жены. В целом же уровень образования жен несколько превышает уровень образования мужей, хотя доля мужей с высшим образованием больше соответствующей доли для женщин (25,0 и 21,3%). Такой уровень гетерогенности браков по образованию говорит о значительных успехах, достигнутых в нашей стране в деле ликвидации трудно преодолимых в прошлом барьеров между различными социальными группами. Данные нашего обследования подтверждают сделанный рядом исследователей вывод о том, что рост числа гетерогенных браков является одной из закономерностей изменения социальной структуры социалистического общества⁶.

Вместе с тем эти же данные говорят и о том, что еще сохраняющиеся социальные различия (а различия в уровне образования являются социальными) продолжают оказывать заметное влияние на процесс формирования брач-

ных пар. В этой связи следует обратить внимание на то, что если в целом по всей выборке доля гомогенных по образованию браков равняется 45%, то для самых высоких и самых низких уровней образования эта доля существенно выше. Например, для начального, неполного среднего образования, с одной стороны, незаконченного высшего и высшего — с другой, вероятности выбора партнера с таким же образованием значительно выше, чем вероятности вступления в брак с лицами, имеющими иное образование. Это свидетельствует о том, что для вступающих в брак как с высоким, так и со сравнительно низким образованием продолжают сохраняться определенные границы, в какой-то мере сужающие возможности вступления в брак лицам с разным уровнем образования.

Каковы же репродуктивные намерения супругов в момент возникновения новой семьи? В исследовании «Москва-1978» этот вопрос выяснялся ретроспективно. Опрошенным женщинам задавался вопрос о том, сколько детей они собирались иметь при вступлении в брак. Такая процедура, конечно, снижает надежность полученных данных о планировавшемся в момент вступления в брак числе детей в семье. Однако и в данном случае полученная информация может использоваться для характеристики репродуктивных намерений вступающих в брак⁷.

Распределение ответов опрошенных женщин на вопрос «Сколько детей Вы собирались иметь при вступлении в брак?» показывает, что наиболее предпочтительной опрошенным женщинам представлялась двухдетная семья. Распределение ответов о планировавшемся на момент вступления в брак числе детей было следующим: не собирались иметь детей 2,8% опрошенных, 17,1% хотели одного ребенка, 47,5% — двоих, 9,1% — троих и 2,5% — четверых и более детей. Около пятой части женщин затруднились ответить на этот вопрос. Среднее же планировавшееся ими число детей оказалось равным 1,91. Интересно, что выявленное косвенным путем мнение мужчин (через мнение об этом жен) о числе детей оказалось большим. По мнению жен, вообще не собирались иметь детей 2% мужей, 13,7% хотели иметь одного ребенка, 35,2% — двоих, 10,2% — троих и 7,3 — четверых и более детей. Около трети жен не знали, сколько детей собирались иметь их мужья при вступлении в брак. Среднее же

⁶ См.: Слесарев Г. А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978. С. 189.

⁷ См.: Семья и дети. С. 62.

Таблица 3

Ожидаемое и желаемое число детей в семье,
«Новобрачные-1983», %

Число детей	Невесты		Женихи	
	Ожидаемое* число детей	Желаемое* число детей	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей
1	13,5	5,4	9,3	1,7
2	63,7	49,0	59,2	41,4
3	12,7	19,0	13,9	24,4
4 и более	1,1	9,1	2,3	12,5
Трудно сказать	8,8	17,6	15,3	20,1
В среднем	2,02	2,55	2,11	2,86

* Выявлялось с помощью следующего вопроса: «Сколько всего детей Вы собираетесь иметь в семье?»

** Выявлялось с помощью следующего вопроса: «Сколько детей Вам хотелось бы иметь в семье, если создать для этого все необходимые условия?»

планировавшееся мужьями число детей оказалось равным 2,17.

В приведенных данных обращает на себя внимание то, что примерно пятая часть опрошенных женщин планировала иметь менее двоих детей. Однако они обзавелись двумя детьми, что, как отмечалось, ранее могло быть связано с принятием женщиной (и семьей в целом) репродуктивных установок мужа⁸.

Интересно проследить связь планировавшегося в момент вступления в брак числа детей в семье со степенью удовлетворения потребности в детях⁹. Выявились, что женщины, полностью удовлетворенные имеющимися у них двумя детьми, и женщины, не удовлетворившие имеющуюся у них потребность в детях, сильно различаются по числу детей, которое они планировали иметь при вступлении в брак. Так, для женщин, полностью удовлетворивших свою потребность в детях, доля планировавших при вступлении в брак иметь троих и более детей равняется 2,3%, в то время как среди женщин, совершенно не удовлетворивших свою потребность в детях, планировали при вступлении в брак иметь троих и более детей 37,5%.

Выявленные при исследовании «Москва-1978» ориентации преимущественно на двухдетную семью нашли подтверждение и в результатах исследования «Новобрачные-1983». Его программа предусматривала выявление мнений

невест и женихов об ожидаемом и желаемом числе детей в семье, а также их «догадки» о таких мнениях партнера.

Приводимые в табл. 3 данные говорят о том, что вступающие в брак москвичи в основном ориентируются на двухдетную семью. Доля собирающихся иметь двоих детей и среди невест, и среди женихов близка к 60%. И лишь примерно седьмая часть невест и десятая часть женихов ориентированы на однодетную семью. Это подтверждает наличие в регионах малодетности сильной установки на двоих детей в семье, что свидетельствует о значительной недореализации потребности в детях.

Надо отметить, что в среднем желаемое число детей больше ожидаемого. Интерпретация показателя желаемого числа детей в семье представляет собой значительные трудности, однако его нельзя рассматривать (как и любой другой показатель предпочитаемого числа детей в семье) в качестве индикатора репродуктивной установки. Оно выражает некий идеал числа детей в семье, имеющий для его реализации «все необходимые условия», неназываемые и вообще трудно определяемые. Именно поэтому, хотя модальным желаемым числом детей в семье также является два ребенка, при ответах на этот вопрос назывались такие числа, как 6, 7 и даже 10 и 12. Более близок к реальному будущему репродуктивному поведению показатель «ожидаемого числа детей» в семье. Однако его полная реализация требует создания соответствующих условий и оказания помощи молодой семье. Создание таких условий имеет целью увеличить в населении долю двухдетных семей, что является ближайшей целью демографической политики в большинстве районов страны.

Другой момент, который обращает на себя внимание при анализе данных табл. 3, — это превышение и ожидаемого, и желаемого числа детей у женихов над соответствующими показателями у невест. В сочетании с более старшим (в среднем) возрастом женихов, а также с некоторым преобладанием мужского лидерства в семье такое превышение дает возможность предположить, что реальная детность опрошенных в 1983 г. пар по прошествии, скажем, 10—15 лет после свадьбы окажется несколько большей, чем можно было бы ожидать, основываясь только на анализе репродуктивных установок жен. Демографическая политика, чтобы быть максимально эффективной, должна учитывать это превышение и его роль в формировании окончательного числа детей в семье.

⁸ См. там же. С. 40—74.

⁹ Методику измерения величины потребности в детях и степени ее удовлетворения см.: Антонов А. И. Социология рождаемости. С. 158—160.

Таблица 4

Распределение ответов невест и женихов о репродуктивных ориентациях друг друга, «Новобрачные-1983», %

Число детей	Ожидаемое число детей		Желаемое число детей	
	Жених о невесте	Невеста о женихе	Жених о невесте	Невеста о женихе
1	14,4	8,5	4,8	2,5
2	44,5	51,0	28,9	30,9
3 и более	8,8	15,3	19,6	23,2
Трудно сказать	32,3	25,2	46,7	43,3
В среднем	1,95	2,13	2,60	2,57

Более высокие репродуктивные ориентации мужей должны быть подкреплены помощью государства, чтобы ситуации, когда семья оказывается перед выбором иметь или не иметь очередного ребенка, разрешались положительно.

В целом же данные опроса показали большое сходство репродуктивных ориентаций женихов и невест. Об этом, в частности, говорит однородность распределений ответов на вопрос об ожидаемом числе детей в семье у невест и женихов. Величина критерия χ^2 , рассчитанная для этих распределений, оказалась равной 9,88. Критическая величина критерия χ^2 для трех степеней свободы и на уровне значимости 0,01 равна 11,35, что дает основание признать эти распределения однородными. Действительно, мнения невест и женихов об ожидаемом числе детей в семье совпали у 46,4% вступающих в брак пар. У 19,3% пар женихи назвали большее, чем невесты, ожидаемое ими число детей в семье, у 12,5% пар ожидаемое число детей в семье у невест было больше, чем у женихов. Чем же объясняется такая высокая степень совпадений мнений об ожидаемом числе детей? То ли действительной близостью систем ценностей невест и женихов, уже или почти сформировавшимся ценностно-ориентационным единством будущей молодой семьи. То ли свою роль сыграла общая для населения районов с низкой рождаемостью ориентация на малодетную семью?

Определенный вклад в указанное сходство репродуктивных ориентаций невест и женихов внесли оба этих фактора. Представление о роли первого из них дает табл. 4.

Сравнение приводимых в табл. 4 данных о «догадках» с реальными мнениями невест и женихов об ожидаемом и желаемом числе детей (табл. 3) показывает, во-первых,

что уровень их информированности о репродуктивных ориентациях друг друга является довольно низким. Об этом говорят значительные расхождения в приводимых в этих таблицах долях ориентированных (реально и по «догадкам») на то или иное число детей в семье. Особенно велики эти расхождения по желаемому числу детей в семье. Во-вторых, невесты в среднем информированы лучше женихов. Так, если разница между долей невест, назвавших ожидаемое число детей — два ребенка, и «догадкой» женихов об этом составляет 19,2 процентных пункта (63,3—44,5), то такая же разница между ожидаемым числом детей женихов и «догадкой» невест равна всего 8,2 процентных пункта (59,2—51,0). К тому же доля ответов «Трудно сказать», данных женихами, почти в 1,5 раза превышает аналогичную долю для невест. Думается, что эти материалы дают некоторые основания для вывода о том, что отмеченное сходство репродуктивных ориентаций невест и женихов в основном связано с общим для регионов малодетности (а особенно для крупных и крупнейших городов) преобладанием установки на двухдетную семью, а не с высокой степенью ценностно-ориентационного единства вновь образующихся супружеских пар. Так ли это, должен ответить последующий анализ.

В целом же обследование «Новобрачные-1983» вновь подтвердило, что стремление иметь детей является одним из важнейших мотивов брака. Об этом говорит то, что «желание иметь детей» как мотив, сильно или очень сильно повлиявший на решение о вступлении в брак, отметили почти 60% женихов и около половины невест. Следовательно, молодая семья не мыслит себя без детей, причем в большинстве случаев — без двоих детей. Очень важно, чтобы это желание не осталось нереализованным в сложный период становления молодой семьи. Молодые семьи, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, нуждаются в особой заботе¹⁰. В центре этой заботы — всемерное укрепление семьи, ее устоев, помощь семье в выполнении ее важнейших общественных функций, прежде всего функции рождения и воспитания детей, воспроизводства новых поколений. Общество помогает молодой семье, но эта помощь должна быть еще большей, с тем чтобы молодая семья имела столько детей, сколько она пожелает.

¹⁰ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 51.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ О ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Демографическая ситуация, особенно в связи с низким уровнем рождаемости, стала предметом широкого изучения, поскольку снижение рождаемости — не временное, скоропроходящее явление. В дальнейшем такая ситуация может обостриться еще больше. От советских ученых требуются предложения по улучшению демографических процессов, тем более что, как отметил XXVII съезд КПСС, «время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»¹.

Улучшение демографической ситуации, повышение рождаемости не могут произойти сами собой. И здесь важное значение имеет демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости. При этом всестороннее изучение рождаемости, глубокое познание ее механизма остаются важнейшей задачей демографической науки.

Чтобы демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости, была эффективной, очень важно, чтобы ее меры предусматривали воздействие на потребность в детях. Представляется, что именно в уменьшении потребности в детях кроется одна из основных причин сокращения интенсивности деторождений. Однако повлиять на потребность в детях нелегко. Возникает проблема регуляции репродуктивного поведения личности и семьи, связанная с целым рядом вопросов. Возможно ли воздействие на людей, у которых уже сложилась потребность в детях? Насколько возможно изме-

нить их потребность в детях в нужном для общества направлении? При этом важно определить степень влияния на установки и подрастающего поколения в этом вопросе. Важно выяснить, имеются ли пути воздействия на процесс формирования потребности в детях в желаемом для общества направлении? Последняя проблема содержится в свою очередь множество других вопросов. Один из них — период формирования представлений о числе детей в семье. Необходимо знать, в каком возрасте начинается это формирование и каковы его особенности.

В литературе отмечалось, что «для углубления теоретических знаний о различных аспектах формирования и структуры репродуктивного поведения целесообразны опросы мнений не только взрослых, но и детей... Это помогло бы выяснить, как и когда формируются репродуктивные установки, как они изменяются с возрастом и социальным положением»².

В связи с этим заслуживает пристального внимания молодежь школьного возраста³. Пока еще неизвестно, «когда возникают первоначальные представления о числе детей в семье — для этого требуются исследования среди школьников младшего и среднего возраста»⁴. Исходя из некоторых общих психологических предпосылок, мы считаем, что существование представления о числе детей в будущей семье возможно уже в младшем школьном возрасте.

Этой точки зрения придерживаются и некоторые другие ученые⁵. В специальной литературе стало уже традицией ссылаться на одно известное исследование. Мы имеем в виду исследование, проведенное С. Густавусом и Ч. Намом в 1968 г. в некоторых южных штатах США, где в нескольких школах были опрошены 1123 ученика 6, 9, 12-х классов. Исследование в основном ставило целью выявить, в каком периоде жизненного цикла формируется идеальное число детей и насколько оно изменяется с возрастом⁶.

Результаты исследования можно резюмировать сле-

² Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 218.

³ См.: Фосетт Дж. Т. Психология и демография // Проблемы народонаселения. М., 1977. С. 99.

⁴ Антонов А. И. Социология рождаемости. С. 135—136.

⁵ Kiser Clyde V., Whelpton P. K. Social and psychological affecting fertility: Summary of chief findings and implications for futury studies // Milbank Memorial Fund Quarterly. 1958. N 36. P. 296.

⁶ Gustavus S. O., Nam Ch. B. The Formation and Stability of ideal Family Size' among Young Pebble // Demography. 1970. Vol. 7. N 1.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

дующим образом: большинство опрошенных задумывалось об идеальном числе детей как для средней семьи, так и для себя лично, причем доля называющих идеальное число детей среди девочек больше, чем среди мальчиков; модальной оказалась двух-трехдетная семья; среднее идеальное число детей увеличивается с возрастом; в 6-м классе между названным идеальным числом детей и социально-экономическим положением наблюдается обратная пропорциональная зависимость, а между ним и числом братьев и сестер — прямо пропорциональная зависимость; вместе с тем указанные зависимости менее выражены в 9-м классе и совсем не имеют места в 12-м.

В нашей стране также проводились подобные опросы детей. Следует отметить одно обследование. В 1980 г. в Саранске был проведен социологический опрос 600 семей с детьми — учащимися 8—9-х классов, где работающая женщина-мать была старше 45 лет. Результаты обследования показали наличие дифференциации репродуктивных представлений у подростков в зависимости от пола и возраста. Была выявлена тесная взаимосвязь между количеством братьев и сестер в семье подростка и его представлениями о желаемой численности детей в своей будущей семье. Однако родительские установки на число детей выше по сравнению с мнением их детей.

Обследование показало, что у 15—17-летних подростков имеется уже сформировавшаяся установка на число детей. Репродуктивная установка подростков зависит как от показателей образа жизни родительской семьи (удовлетворенность браком, взаимопонимание, эмоциональные контакты родителей и детей, хорошие отношения между ними), так и от социально-экономических показателей⁷.

Следует также отметить, что по результатам обследования «Москва-1976» была высказана гипотеза о том, что «репродуктивные ориентации молодоженов теснее всего связаны с ориентациями подростков, а не с ориентациями супругов, уже имеющих детей»⁸.

В 1984 г. в нескольких школах Тбилиси сотрудниками Института истории и археологии АН Грузинской ССР был

проведен опрос 1175 школьников 4, 7, 10-х классов (соответственно 10—11, 13—14 и 16—17-летнего возраста) и их 622 матерей.

Обследование ставило целью выявить: 1) возраст, в котором формируется представление об идеальном, ожидаемом и желаемом числе детей в семье; 2) дифференциацию желаемого числа детей по полу; 3) предпочтение относительно пола первого ребенка; 4) мнения о многодетной и малодетной семье и об основных ценностях личности; 5) взаимоотношения между родителями и детьми; 6) различия между школьниками и матерями по вопросам, связанным с числом детей в семье, и др.

Рассмотрим некоторые особенности разработки анкет.

После обращения, разъясняющего в общих чертах суть исследования, опрашиваемым школьникам задавались вопросы: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?» (идеальное число детей) и «Задумывались ли Вы раньше об этом? (подчеркните) 1. Да, 2. Нет».

В связи с тем что некоторая часть школьников могла не понять вопроса или не знать, как на него отвечать, и тем не менее механически могла указать какое-нибудь число или впервые задуматься об идеальном числе детей, только получив анкету, осмыслив вопрос и назвав определенное число, было решено добавить вопрос: «Задумывались ли Вы раньше об этом?» Предполагалось, что если респондент задумывался о числе детей в семье, то, значит, до опроса у него уже было сформировано определенное представление о числе детей в семье (или продолжало формироваться).

Желаемое число детей в семье выявлялось с помощью двух формулировок: 1) «Если бы Вы в будущем могли иметь детей ровно столько, сколько захотелось бы, то каким могло бы быть это число?» и 2) «Сколько всего детей Вы хотели бы иметь в будущем, если бы у Вас были все необходимые условия?» В обоих случаях за вопросами о желаемом числе детей следовал вопрос: «Задумывались ли Вы раньше об этом?»

Результаты обследования показали, что целесообразнее применять 1-й вариант вопроса. Поэтому далее данные о желаемом числе детей будут приводиться по 1-му варианту.

Степень отношения к разному числу детей в семье, взаимоотношения школьников с родителями и некоторые

⁷ См.: Савинов Л. И. Воздействие образа жизни родительской семьи на репродуктивные установки подростков // Всесоюзная научная конференция «Доходы и потребление семей». Тезисы докладов. Ереван, 1983. С. 154—157.

⁸ Антонов А. И. Социология рождаемости. С. 136.

другие моменты оценивались от «очень хорошее» до «очень плохое».

Анкета заполнялась учениками в школе, причем в четвертых и седьмых классах анкета зачитывалась, а уже затем школьники самостоятельно ее заполняли. В отдельных случаях давались дополнительные разъяснения. В десятых классах после короткого обращения интервьюера ученикам раздавались анкеты, которые они заполняли самостоятельно. После ответа на все вопросы школьники получали анкеты для матерей, которые они должны были им передать и на второй день принести в школу в заполненном виде. Анкеты школьников и их матерей были пронумерованы одинаково. Возврат родительских анкет оказался достаточно высоким (52,9%).

Все опрошенные школьники назвали идеальное и желаемое число детей независимо от того, задумывались ли они об этом раньше или нет. Однако, как выяснилось, уже в четвертых классах большая часть школьников, как девочек, так и мальчиков, задумывались об идеальном и желаемом числе детей в семье и до опроса, причем доля школьников, которые задумывались о желаемом числе, меньше, чем тех, которые задумывались об идеальном числе (табл. 1).

Таблица 1

Доля школьников, которые задумывались об идеальном и желаемом числе детей до опроса, %

	Идеальное число детей			Желаемое число детей		
	Классы			Классы		
	4-й	7-й	10-й	4-й	7-й	10-й
Все школьники	60	49	70	57	45	65
Девочки	63	47	69	56	46	62
Мальчики	57	50	71	57	43	68
Число детей в родительской семье						
1—2	59	50	71	55	56	66
3 и более*	55	40	65	58	38	58

* Исходя из того что в родительских семьях пятеро и более детей встречаются редко, эти семьи объединены с трех- и четырехдетными.

В приведенной таблице одно положение заслуживает особого внимания. Дело в том, что доля школьников, как девочек, так и мальчиков, которые задумывались об этих числах, в четвертых классах выше, чем в седьмых классах. Правда, в десятых классах эта доля выше по сравнению

с четвертыми и седьмыми классами, но наблюдаемый «спад» в седьмых классах требует соответствующего объяснения, ведь вполне логично предположить, что с возрастом доля школьников, которые задумывались об этом, должна повышаться. Но по-видимому, в разных возрастах (10—11, 13—14 и 16—17 лет) различаются основы представлений о числе детей в семье. В младшем возрасте формирование репродуктивных представлений обусловлено «игровой» ситуацией. В 13—14 лет может преобладать влияние социализации, в 16—17 лет социализация совсем вытесняет влияние игр.

Характер игр в раннем возрасте имеет большое значение при формировании тех или иных сторон и особенностей человека. Хорошим примером этому может служить детская игра в «дочки-матери», в процессе которой девочки усваивают специфику не только роли «матери», но и определенную гамму соответствующих чувств. У ребенка создаются определенные образы. Имитируя эти образы, ребенок усваивает огромный набор социальных установок.

Данные нашего обследования показали важную зависимость: чем больше число детей в родительской семье, т. е. чем больше братьев и сестер имеют школьники, тем меньше среди них доля таких, которые задумывались об идеальном и желаемом числе до опроса. Исключение составляли школьницы четвертых классов. Здесь существует прямая зависимость между числом братьев и сестер и долей тех, кто задумывался о желаемом числе детей до опроса.

Выявленная обратная пропорциональность может быть объяснена, по нашему мнению, следующим образом: чем меньше детей в родительской семье (особенно если ребенок растет в семье один), тем чаще пребывание в детской среде (в детском саду, школе), и сравнение ситуации своей семьи с другими ведет к определенному дискомфорту. Единственному ребенку не хватает партнеров для игр и общения в семье. Это ощущение эмоционально переживается и может вести к размышлениям о числе детей в семье.

Что же касается зависимости числа детей в родительской семье и названного школьниками идеального, желаемого и ожидаемого числа детей, то в этом случае наблюдается прямая связь: чем больше братьев и сестер имеют школьники, тем больше у них иде-

альное, желаемое и ожидаемое число. В четвертых классах в среднем девочки назвали идеальным большее число детей, чем мальчики. В своем выборе мальчики более единодушны, чем девочки (табл. 2). В седьмых классах названное мальчиками идеальное число детей в среднем значительно выше, чем названное девочками. Однако здесь в своем выборе девочки более единодушны, чем мальчики. В десятых классах идеальное число детей, названное девочками и мальчиками, в среднем почти одинаково. Во всех классах мальчики в среднем желают иметь в своей будущей семье больше детей, чем девочки. Названное девочками желаемое число детей более определено и менее разнообразно, чем указанное мальчиками.

В среднем названное школьниками, как девочками, так и мальчиками, желаемое число детей меньше, чем идеальное. Разница между идеальным и желаемым числом детей для девочек четвертых и десятых классов значительно больше, чем для мальчиков, а в седьмых классах она несколько больше для мальчиков. В среднем идеальное и желаемое число детей у школьников седьмых классов меньше, чем в четвертых и десятых классах. Степень объективации ситуации, связанной с определением числа детей в семье, влияет на названное число детей.

Теперь рассмотрим, каким может быть у школьников ожидаемое число детей и как оно отличается от желаемого. Можно предположить, что ожидаемое число детей, названное школьниками в дальнейшем, когда они вырастут и вступят в брак, будет у них совершенно иным. Однако в данном случае нас интересует установление конкретного факта.

Выяснилось, что все школьники ожидают иметь в своей будущей семье определенное число детей, хотя часть из них уже в настоящее время считает, что в будущем не будет иметь ни одного ребенка (табл. 3). По нашему мнению, последнее обстоятельство обусловлено влиянием среды, особенно влиянием семьи и семейных ситуаций, ведь часть матерей также считает, что их детям в будущем не стоит иметь ни одного ребенка.

Школьники седьмых классов, особенно девочки, в среднем назвали меньшее число как идеального и желаемого, так и ожидаемого числа детей, чем школьники четвертых и десятых классов.

Таблица 2

Названное школьниками идеальное и желаемое число детей

	Идеальное число детей					Желаемое число детей				
	Среднее число детей	Среднее квадратическое отклонение	Коэффициент вариации, %	Энтропия	Относительная энтропия, %	Среднее число детей	Среднее квадратическое отклонение	Коэффициент вариации, %	Энтропия	Относительная энтропия, %
Все школьники	2,82	1,15	40,78	1,816	52,50	2,65	1,06	40,00	1,681	48,60
	2,90	1,22	42,07	1,855	53,63	2,63	1,10	41,83	1,551	44,84
	2,76	1,09	39,49	1,742	50,36	2,67	1,05	39,33	1,771	51,20
4-е классы										
Все школьники	2,62	0,99	37,79	1,661	48,02	2,46	0,91	36,99	1,575	45,53
	2,46	0,88	35,77	1,493	43,16	2,31	0,85	36,80	1,392	40,24
	2,80	1,88	38,57	1,801	51,07	2,62	0,95	36,26	1,681	48,60
7-е классы										
Все школьники	2,85	1,07	37,54	1,864	53,89	2,69	1,02	37,92	1,781	51,49
	2,86	1,06	37,06	1,867	53,98	2,63	0,97	36,88	1,751	50,62
	2,84	1,08	38,03	1,847	53,40	2,76	1,07	38,77	1,794	51,86
10-е классы										
Все школьники	2,85	1,07	37,54	1,864	53,89	2,69	1,02	37,92	1,781	51,49
	2,86	1,06	37,06	1,867	53,98	2,63	0,97	36,88	1,751	50,62
	2,84	1,08	38,03	1,847	53,40	2,76	1,07	38,77	1,794	51,86

Таблица 3

Ожидаемое школьниками число детей в семье

	Доля школьников (%), назвавших ожидаемое число детей						Среднее число детей	Среднее квадратическое отклонение	Коэффициент вариации, %	Энтропия	Относительная энтропия, %						
	0											Всего					
	0	1	2	3	4	5 и более											
4-е классы																	
Все школьники	0,5	1,6	59,5	21,1	11,9	5,4	100	2,64	1,08	40,91	1,701	49,18					
Девочки	0,5	2,3	64,6	15,1	13,4	4,1	100	2,55	1,04	40,78	1,595	46,11					
Мальчики	0,5	1,0	55,1	26,3	10,6	6,5	100	2,72	1,11	40,81	1,751	50,62					
7-е классы																	
Все школьники	0,4	4,7	61,2	23,8	7,2	2,7	100	2,43	0,91	37,45	1,605	46,40					
Девочки	0,4	6,3	69,5	18,4	3,8	1,6	100	2,25	0,79	35,11	1,375	39,75					
Мальчики	0,4	2,9	51,8	30,0	11,1	3,8	100	2,63	1,00	38,02	1,774	51,29					
10-е классы																	
Все школьники	0,3	3,3	52,4	30,1	9,5	4,4	100	2,62	1,02	38,92	1,764	51,00					
Девочки	0,5	4,0	53,5	28,3	9,6	4,1	100	2,58	1,01	39,15	1,777	51,37					
Мальчики		2,5	50,9	32,3	9,3	5,0	100	2,68	1,02	38,06	1,741	50,33					

Если сравнить названное школьниками желаемое и ожидаемое число детей, можно заметить, что в среднем, несмотря на некоторые несущественные различия, они схожи. В общем ожидаемое число детей несколько меньше желаемого, и с увеличением возраста учеников разница между этими показателями становится больше. Более заметной она становится, если рассматривать в отдельности желаемое и ожидаемое число детей, названное девочками и мальчиками. Во всех классах названное девочками ожидаемое число детей в среднем меньше желаемого. В четвертых и седьмых классах названное мальчиками ожидаемое число детей в среднем несколько больше желаемого, а в десятых — меньше.

По данным обследования было установлено, что процесс формирования представления о числе детей в семье начинается до десятилетнего возраста. Но вопрос о возрасте, когда возникают первоначальные представления о числе детей в семье, остался не решенным. Чтобы выяснить это, в 1984 г. было проведено дополнительное обследование: в Тбилиси было опрошено 166 школьников первого класса (7-летнего возраста) и их матери (131). Интервью носило форму беседы с каждым школьником в отдельности в доступной для понимания детей форме. Не смогли ответить на поставленные вопросы и назвать определенное число детей: по ожидаемому числу — 12%, по желаемому — 16 и по идеальному числу — 29% первоклассников (табл. 4). Доля тех, которые задумывались о числе детей в семье до опроса по идеальному числу, меньше (13%), чем по желаемому (22%) и ожидаемому (23%).

Обследование показало, что уже с пятилетнего возраста у 3—5% школьников возникают первоначальные представления о числе детей в семье, причем у девочек в 2 раза чаще, чем у мальчиков.

Следует отметить, что школьники семилетнего возраста затруднялись объяснить, каким образом у них возникло представление о числе детей в семье. Однако полученные ответы девочек свидетельствуют, что первоначальное представление о числе детей в семье было связано с игрой «дочки-матери». Немалое значение для ответов детей имеют среда и происходящие в ближайшем окружении явления. Например, есть такие ответы: «когда мама родила двоих детей»; «на папином дне рождения говорили об этом, и я тоже задумался...» (ответы мальчиков).

Таблица 4

Доля школьников семилетнего возраста, ответивших на вопросы о числе детей в семье и о возрасте возникновения первоначального представления об этом, %

	Не смогли ответить	Ответили	Задумывались до опроса	Возраст, когда возникают первоначальные представления о числе детей в семье		
				5 лет	6 лет	7 лет
Идеальное число детей						
Все школьники	29	71	13	3	4	6
Девочки	34	66	15	4	3	8
Мальчики	23	77	10	2	5	3
Желаемое число детей						
Все школьники	16	84	22	5	8	9
Девочки	19	81	22	7	7	8
Мальчики	13	87	22	3	9	10
Ожидаемое число детей						
Все школьники	12	88	23	4	8	11
Девочки	9	91	26	6	8	12
Мальчики	15	85	20	3	8	9

В среднем названное школьниками идеальное число детей составило 2,47 (девочки — 2,53, мальчики — 2,42), желаемое — 2,40 (девочки — 2,39, мальчики — 2,41) и ожидаемое — 2,38 (девочки — 2,36, мальчики — 2,39). Среди школьников семилетнего возраста те, которые задумывались о числе детей в семье до опроса, в среднем назвали меньшее число детей, чем те, которые не задумывались об этом прежде, причем в среднем у них желаемое и ожидаемое число детей превышает идеальное.

Таким образом, первоначальные представления о числе детей в семье возникают с пятилетнего возраста. Часто их возникновение связано с играми (например, сюжетно-ролевого характера). Это один из этапов формирования структуры личности. Но до восьмилетнего возраста процесс формирования представления о числе детей в семье протекает замедленно.

Интересны также данные о предпочтении школьниками того или иного пола ребенка. В четвертых классах девочки в будущем в основном предпочитают иметь девочек, а мальчики — мальчиков. В седьмых классах девочки хотят иметь в своей будущей семье поровну девочек и мальчиков. Большинство учеников седьмых классов (69%) предпочитают иметь мальчиков. В десятих классах все учащиеся в своей будущей семье

Таблица 5

Идеальное и желаемое число детей у школьников и их матерей

	Доля опрошенных (%) назвавших число детей					Всего	Среднее число детей	Среднее квадратическое отклонение	Коэффициент вариации	Энтропия	Относительная энтропия %
	Идеальное число детей										
	1	2	3	4	5 и более						
Идеальное число детей											
Школьники	1,8	50,1	30,6	11,4	5,8	100	2,75	1,07	38,91	1,777	51,37
Их матери	0,6	24,1	37,6	31,0	6,7	100	3,25	1,05	32,31	1,914	55,33
Желаемое число детей											
Школьники	3,3	57,1	25,2	10,3	4,1	100	2,59	1,00	38,61	1,691	48,88
Их матери	0,8	24,3	36,2	28,3	10,4	100	3,32	1,16	34,94	2,016	58,28

РОЖДАЕМОСТЬ В ТУРКМЕНСКОЙ СЕМЬЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

желали бы иметь больше мальчиков и меньше девочек.

Из сказанного можно сделать вывод: в 10—11-летнем возрасте предпочтение отдается ребенку своего пола. С возрастом все более предпочтительным становится ребенок мужского пола, причем во всех классах и мальчики, и девочки предпочитают иметь первенцем мальчика.

Школьники считают, что много детей в семье тогда, когда в среднем имеется 4,43 ребенка, а мало — 1,31 ребенка. Как девочки, так и мальчики думают, что их родителям лучше всего иметь в основном двоих-троих детей.

Данные обследования показали, что школьники, родившиеся в городе, по всем рассматриваемым показателям в среднем называли меньшее число детей, чем школьники, родившиеся в сельской местности. Детям, которые родились в городе у переселившихся из деревни матерей, в общем свойственно характерное для городского детского населения представление о числе детей в семье.

Идеальное число детей, названное школьниками и их матерями, значительно различается (табл. 5). Школьники в основном считают идеальной двух-трехдетную семью, тогда как их матери — трех-четырёхдетную семью. Здесь надо иметь в виду, что за одно поколение идеальное число детей снизилось в среднем на 0,5 ребенка. Желаемое число детей, названное школьниками и их матерями, различается еще больше — на 0,7 ребенка.

Столь значительное снижение идеального и желаемого числа детей у нового поколения в сравнении с предшествующим свидетельствует о том, что уровень рождаемости в будущем, видимо, может еще больше снизиться, чем в настоящее время. Сильно выраженная ориентация школьников на двухдетную семью ставит проблему повышения рождаемости и увеличения доли среднететной семьи в будущем более остро, чем в настоящее время.

В семье возникают и развиваются основные демографические события, и потому ее изучение имеет первостепенное значение в решении современных проблем воспроизводства населения. До недавнего времени семейный аспект этих проблем исследовался главным образом на материалах европейского региона СССР. Принявшая здесь всеобщий характер ориентация супругов на малодетную семью не обеспечивает простого воспроизводства населения и в конечном счете открывает реальную перспективу для депопуляции со всеми социально-экономическими и другими последствиями.

В последние годы, особенно после того как в науке обозначился зримый переход от изучения закономерностей роста численности населения к проблемам его управления посредством демографической политики, взоры исследователей все чаще и пристальнее стали обращаться к региону с совершенно отличной от европейского демографической ситуацией — к Средней Азии, где рождаемость остается сравнительно высокой, а многодетная семья рассматривается населением как одна из высших социальных ценностей.

С одной стороны, заслуживает внимания тот факт, что население Средней Азии, составляющее немногим более 10% населения страны, обеспечивает 30% всего его естественного прироста. По оценкам специалистов, отрицание традиционной среднеазиатской семьи окажет решающее влияние на рост численности населения, так как если до 1962 г. в СССР прирост населения обеспечивался рождением третьих детей, то в последние годы — уже только шестых¹.

С другой стороны, статистика последних лет показывает, что в Средней Азии обозначился процесс сокращения рождаемости. За период с 1969—1970 по 1980—

¹ См.: Борисов В. А. Рождаемость в СССР: Тенденции и проблемы // Рождаемость: Известное и неизвестное. С. 23.

1981 гг. суммарный коэффициент рождаемости снизился в Узбекской ССР с 5,636 до 4,805, в Киргизской ССР — с 4,846 до 4,089, в Таджикской ССР — с 5,903 до 5,627, в Туркменской ССР — с 5,930 до 4,920². По одному из вариантов демографического прогноза новое усиление этого процесса следует ожидать в следующем десятилетии³. По другим оценкам, сокращение рождаемости в среднеазиатском регионе «будет постепенным и, видимо, длительным во времени»⁴. При этом все специалисты единодушны в том, что распад идеалов многодетности носит необратимый характер.

Снижение рождаемости в среднеазиатском регионе не вызывало бы особого беспокойства, если бы сопровождалось ее устойчивым повышением в европейской части страны. Однако пока еще нет достаточных оснований утверждать, что мы являемся свидетелями закономерного встречного движения двух основных регионов к так называемому среднетипному типу семьи (три-четыре ребенка у супружеской пары), считающемуся оптимальным для демографического и социального развития страны.

Мы полагаем, что среднетипный тип семьи может базироваться на комплексе адекватных современному этапу общественно-исторического развития мер. При этом отдельные элементы многодетного образа жизни будут сохранены. Последнее обстоятельство усиливает значение исследований национальной семьи в республиках Средней Азии. Кроме того, Туркменская ССР и другие среднеазиатские республики в настоящее время являются теми уникальными регионами, где возможно изучение формирования среднетипности в историческом аспекте. Это позволит изучить характерные особенности данного типа семьи, принципы внутрисемейной организации, выявить конкретно те социально-экономические и психологические преимущества, благодаря которым среднетипная семья будет сохраняться в ближайшие десятилетия.

² См.: *Народонаселение стран мира: Справочник*/Под ред. Б. Ц. Урлани-са, В. А. Борисова. 3-е изд., доп. М., 1984. С. 41—44. Суммарный коэффициент показывает число детей, рожденных в среднем одной женщиной детородного возраста (условно 15—49 лет включительно).

³ См.: *Калинюк И., Веселкова И. Демографические процессы в СССР// Население СССР сегодня*. М., 1982. С. 17

⁴ *Ата-Мирзаев О., Гольдфарб Б. Перспективы воспроизводства населения в Средней Азии// Наше будущее глазами демографа*. М., 1979. С. 114.

В 1983 г. в Средней Азии было проведено большое пилотажное обследование репродуктивного поведения⁵. Оно предусматривало цель апробировать комплекс соответствующих индикаторов, посредством которых в перспективе можно было бы провести углубленное репрезентативное исследование, а также использовать полученные на этом этапе материалы для предварительной характеристики репродуктивного поведения коренной национальности в Туркменской ССР. Поскольку этнические и историко-социологические аспекты традиционного репродуктивного поведения в общем плане уже получили определенное освещение в научной литературе⁶, в данной статье основной акцент сделан на выявление новых элементов в традициях многодетности.

В работе анализируются результаты пробного интервьюирования свыше 130 женщин-туркменок, состоявших на момент обследования в браке и имевших не менее троих детей. Возраст женщин не старше 35 лет, место проживания — сельское поселение урбанизированного типа (Геокча и Совет Туркменистаны)⁷. Последнее обстоятельство определялось близостью поселений к Ашхабаду.

Объем пилотажной выборки представляется достаточным для поискового анализа особенностей репродуктивного поведения женщин, например, в возрастном разрезе. Необходимо было не просто получить мнения женщин о числе детей, а зафиксировать представления, связанные как с социальными нормами, так и со сложив-

⁵ Помимо Отдела социально-демографических проблем Института социологических исследований АН СССР (рук. А. И. Антонов) в подготовке анкеты и программы исследования приняли участие: И. А. Гришаев — сектор конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР; В. М. Медков — Центр по изучению проблем народонаселения при МГУ; Ш. Кадыров — Отдел философии и права АН Туркменской ССР.

⁶ См.: *Козлов В. И. Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы*. М., 1969. С. 106—183; *Антонов А. И. Социология рождаемости*. С. 197—206.

⁷ Средний возраст опрошенных женщин составил 30 лет (их мужей — 31,4 года), причем до 30 лет оказалось 46,1%, 30—35 лет — 53,8%. Образование ниже среднего отмечено у 17,6% жен и 16,9% мужей, причем у женщин до 30 лет — 5%, а у их мужей — 10%. Среди этих молодых супругов проживали с родителями или другими родственниками 48,3%, а среди женщин в возрасте 30 лет и старше — 27,1%. Среднее число детей по выборке — 4,6, причем у молодых — 3,9, а у женщин 30 лет и старше — 5,1.

шимся личным опытом. Понятно, что мнения женщин, имеющих троих и более детей в семье, выше по компетентности и более правдоподобны, чем показания незамужних или малолетних. При этом мы руководствовались ранее установленным фактом, что в настоящее время потребность в детях у коренного населения региона дифференцируется после рождения третьего ребенка⁸.

Верхняя граница возраста женщин определялась тем, что к 35 годам женщина, ориентированная на высокую рождаемость, фактически достигает статуса многодетной матери. Несомненно, что и опрос женщин более старшего возраста представляет научный интерес, так как статистика свидетельствует, что именно среди женщин 40 лет и старше снижение рождаемости происходит наиболее заметно. Однако интервьюирование этой категории было сильно затруднено тем, что женщины старшего возраста неохотно и неопределенно отвечали на вопросы, нередко искажали или скрывали факты своей репродуктивной биографии, считая разговоры на данную тему неприличными.

Что касается типа поселений, в которых проживали опрошенные, то этот тип занимает как бы промежуточное место между городами и собственно сельскими поселениями, отдаленными от индустриальных и культурных центров. По сравнению с первыми число вторых сокращается, пополняя категорию поселков городского типа, родственных сельским поселениям урбанизированного типа, выбранным нами для обследования. Отметим, кстати, что для Туркменской ССР, по уровню урбанизированности обгоняющей другие среднеазиатские республики, характерной особенностью является концентрация сельского населения в сравнительно крупных населенных пунктах⁹. Таким образом, можно утверждать, что в рамках выборки оказались семьи, живущие в наиболее типичных для настоящего и обозримого будущего республики поселениях. Кроме того, место обследования представляет достаточный интерес, в связи с тем что в 1968 г. здесь уже проводилось социально-демографическое обследование (было опрошено свыше 620 женщин-туркменок

фертильного возраста)¹⁰. Некоторые данные этого опроса приводятся нами для сравнения.

Правила выборки не распространялись на образовательный уровень супругов, возраст мужа, число умерших детей, факт совместного проживания с родителями или родственниками и др.

Наконец, важно оговорить некоторые организационные вопросы проведения обследования, в частности целесообразность разделения его на два этапа. На первом этапе, результаты которого и обсуждаются в статье, опрашивались только женщины. На втором этапе по аналогичному кругу вопросов предполагается опросить их мужей. Дело не в том, что в момент интервьюирования, проводившегося во время рабочего дня, мужа, как правило, дома отсутствовали. Некоторые вопросы по репродуктивному поведению с точки зрения традиционной морали и этики считаются интимными и до сих пор запрещенными в беседах с посторонними. Зачастую они вызывают раздражение у мужчин и нежелание отвечать — у женщин. Поэтому решено было опросить женщин в отсутствие мужей, причем опрос проводился с участием местного медицинского персонала, в частности сестер-акушеров. Опыт показал правильность такой организации опроса.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых результатов обследования и вопросов его методики.

Было установлено, что неперенным компонентом современного типа репродуктивного поведения коренного населения региона является знание и в ряде случаев использование женщинами противозачаточных средств. Отметим, что о фактах предупреждения беременности в прошлом у туркмен ничего не известно. Что же касается попыток прерывания беременности, вероятно имевших место и в дореволюционный период¹¹, то до недавнего времени они подвергались всеобщему осуждению, а в прошлом наказывались изгнанием из семьи.

Сравнительный анализ показал, что существенный перелом в этой традиции туркмен произошел в последние два десятилетия. Еще в 1968 г. в поселениях Геокча и Совет Туркменистаны, по данным опроса

⁸ См.: Белова В. А. Число детей в семье. С. 136.

⁹ См.: Оразгельдыев М. Воспроизводство и занятость населения Туркменской ССР // Региональные проблемы населения и трудовые ресурсы СССР. М., 1978. С. 265.

¹⁰ См.: Алтыева Л. И. Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР // Народонаселение. Население и экономика. М., 1973. С. 71—82.

¹¹ См.: Ломакин А. Обычное право туркмен (Адат). Ашхабад, 1897. С. 3—4.

Л. И. Алтыевой, свыше 77% женщин-туркменок указали, что не считают нужным ограничивать рождаемость¹². Результаты нашего интервьюирования свидетельствуют (табл. 1), что за последний, сравнительно небольшой, срок положение кардинальным образом изменилось — только 12,6% опрошенных выразило негативное отношение к перерывам между рождениями детей, более 70% женщин знают о том, какие средства необходимо для этого использовать.

Таблица 1
Мнения туркменских женщин о применении контрацепции, %

Возрастные группы	Знакомы со средствами предупреждения рождений	К намеренным перерывам в рождении детей относятся негативно	Источники информации о методах и средствах контрацепции				
			Врачи	Подруги	Родственники	Книги	Другие источники
Все опрошенные	73,9	12,6	53,6	5,0	1,8	0,6	—
Молодые	85,9	8,9	56,6	7,9	2,6	1,3	—
Зрелые	67,1	15,9	19,0	51,2	2,4	1,2	—

* На вопрос об источниках информации 21,5% опрошенных не ответили или ответили что не знают, не слышали.

Социологический анализ отношения женщин-туркменок к контрацептивам и их применению на основе данных нашего пилотажного обследования возможен только в самых общих чертах. Показательно, что наиболее осведомлены о контрацептивах, например типа «спираль», женщины не старше 29 лет, тогда как на первых порах данное средство рекомендовалось из медико-гигиенических соображений врачами для много и часто рождающих женщин, как правило, старшего возраста. Причем основным источником распространения информации о контрацепции являются уже не врачи, а сами женщины (табл. 1). Из явления исключительного в туркменской семье контрацептивное поведение формируется в социально принятую норму.

¹² В. А. Борисов, как нам представляется, правильно полагает, что доля женщин, не испытывавших потребность в ограничении рождаемости и контрацептивной информации, по данным опроса Л. И. Алтыевой, была выше — не 77,2, а 90,0% (см.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 160—161).

Знание средств предупреждения беременности (или деторождения), не говоря уже о самой практике применения контрацепции, являясь следствием ослабления комплекса функций, присущих расширенной семье, вместе с тем способно оказывать самодовлеющее влияние на процесс сокращения потребности в детях.

Например, негативное отношение к ограничению рождаемости подавляющего большинства женщин, опрошенных в 1968 г., в определенной степени объясняется тем, что в то время такого эффективного контрацептива, как «спираль», в продаже не было. Следует также учитывать, что этот контрацептив в условиях региона обладает в отличие от других средств предупреждения беременности (химических, механических и пр.) тем преимуществом, что позволяет использовать его не только эффективно, но и при необходимости скрытно от мужа, не ожидая его согласия, разрешения родственников и т. п.

В настоящее время ожидаемое и желаемое женщиной число детей в семье ниже идеального числа детей в семье (табл. 2). Но поскольку средний уровень всех рассматриваемых показателей значительно ниже 10 детей в семье, то это принципиально не согласуется с идеей неограничиваемой рождаемости. Следовательно, все чаще перед женщиной возникает ситуация выбора такого контрацептива, который бы позволял избежать широкой огласки.

Таблица 2
Показатели репродуктивных установок женщин

Возрастные группы	Среднее имеющееся число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Желаемое мужч. число детей (по мнению жены)	Идеальное число детей	Когда в семье слишком много детей	Когда в семье слишком мало детей
Все опрошенные	4,57	6,53	6,52	7,46	7,04	9,85	2,63
Молодые	3,90	6,30	6,36	7,42	6,60	10,10	2,55
Зрелые	5,14	6,71	6,65	7,50	7,41	9,63	2,70

Именно в этом растущая популярность «спирали» в туркменской среде по сравнению с многочисленными и уже давно существующими другими средствами предупреждения деторождения. При этом, на наш взгляд, нельзя

не учитывать следующее обстоятельство, способное в настоящем и ближайшем будущем усилить процесс сокращения рождаемости в регионе. В Туркмении спрос на указанный контрацептив превышает предложение, и к тому же поставляемые «спирали» не соответствуют потребностям многодетных женщин. Промышленность, выпускающая контрацептив, по старинке ориентирована на нужды женщин европейского региона, где рождаемость ограничивается уровнем малодетности. Поэтому в продажу поступают «спирали» малых размеров, непригодных для женщин, желающих ограничивать рождаемость после четырех и более детей. Решение проблемы видится в совершенствовании контрацептивов, расширении их ассортимента, а главное, в продуманной, активной и неотложной медико-гигиенической пропаганде.

Остановимся на методике получения информации о контрацептивном поведении среди женщин коренных национальностей Средней Азии, которая является, на наш взгляд, еще недостаточно совершенной. Учитывая, что тема рождаемости является нежелательной для женщин, вопросы о контрацептивном поведении задавались женщинам при проведении обследования не в прямом, а в косвенном виде. Выявлялось их мнение-оценка, а не желание поступать тем или иным образом.

Разработка способов отделения оценочной информации от сведений, характеризующих фактическое поведение респондента, — одна из актуальных задач совершенствования методики социолого-демографических опросов, проводимых в регионе. В частности, принципиально важно было выявить ту часть женщин, которая не только знает о средствах контрацепции, но и уже использовала контрацептивы до достижения ожидаемого уровня детности.

Контрольные сопоставления показали, что, несмотря на знание средств предупреждения беременности, не все женщины намерены использовать контрацепцию перед окончательным достижением ожидаемого числа детей в семье. По нашим расчетам, из 108 годных для такого анализа анкет лишь 50% женщин действительно будут осуществлять контрацептивные перерывы между рождениями, остальные же — только после того, как будет достигнуто ожидаемое число детей в семье.

В связи со сложностью совмещения в результатах

опроса оценочно-информационных и фактических данных наряду с вопросом о знании методов и средств ограничения деторождения в анкете были поставлены вопросы о возможности осуществления женщиной перерывов между рождениями детей. Большинство женщин считает, что такие «перерывы» возможны, но лишь после рождения третьего ребенка, причем при среднем интервале около четырех лет, чтобы не вызывать удивление или осуждение окружающих и близких.

Возможные неточности при получении подобной информации могут иметь место в связи с недостаточно четким пониманием женщиной смысла вопроса: в одних случаях, когда вопрос достигал цели, женщина имела в виду «перерывы» искусственного порядка; в других — не исключено, что понимались «перерывы» естественного характера, развивающиеся с возрастом женщины. К этому можно добавить, что вопросы о «перерывах» в рождаемости, так же как и о контрацепции, были поставлены в косвенном виде («Может ли женщина...», а не «Можете ли Вы...»), и, таким образом, ответы респонденток по большей части свидетельствовали об информированности, а не о фактическом поведении. Это в определенной мере подтверждается результатами анализа репродуктивной истории опрошенных — подавляющее большинство женщин не имело интергенетических интервалов свыше трех лет.

Таким образом, изучение особенностей репродуктивного поведения в регионе должно основываться на более совершенных методиках, комплексе взаимодополняющих и контролирующих друг друга индикаторов.

Даже такой показатель, характеризующий отступление от традиций многодетности, как отношение респонденток к срокам кормления ребенка грудью, и свидетельствующий о том, что эти сроки по сравнению с традиционно принятыми (до трех и более лет) сократились в 2—3 раза, нельзя признать совершенным. Дело в том, что высокий уровень рождаемости при еще относительно низком уровне контрацептивной практики предполагает высокую частоту рождений, с интергенетическими интервалами менее трех лет. Так, например, изучение интергенетических «перерывов» 300 женщин-туркменок, проживающих в Ашхабаде, не старше 30 лет, имеющих двоих — четверых детей, показало, что эти интервалы в подавляющем большинстве равны двум годам и в

меньшей мере — от двух до трех лет¹³. Понятно, что женщина освобождается от грудного вскармливания малыша именно в соответствии с интервалом, отделяющим его от рождения следующего ребенка. Следовательно, сокращение сроков грудного кормления связано не только с постепенным отходом от традиций неограничиваемой рождаемости, но и в какой-то степени с новым рождением.

Показателем, пожалуй, наиболее четко отразившим тенденцию существенных изменений в традиционном репродуктивном поведении туркменской сельской семьи, стал вопрос анкеты о наиболее благоприятном возрасте женщины для рождения последнего ребенка. Как известно, в прошлом высокая частота рождений в антисанитарных условиях приводила к быстрой изнашиваемости женского организма и нередко к вторичному бесплодию. Поэтому детородный период у женщин-туркменок завершался в среднем к 40 годам. В советское время благодаря принципиальным изменениям в уровне жизни и положении женщины детородный период существенно увеличился. В настоящее время женщины в Средней Азии способны рожать и рожают детей в возрасте до 49 лет.

Однако такой уровень репродуктивной активности характерен при ориентации на неограничиваемую рождаемость. Полученные нами результаты свидетельствуют, что в самое ближайшее время ситуация может существенно образом измениться. По мнениям опрошенных, средний благоприятный возраст матери при рождении последнего ребенка должен составлять 36,1 года, что почти на 15 лет ниже условно принятого верхнего предела фертильности (49 лет).

Очень незначительное число женщин указало как на благоприятный при рождении последнего ребенка возраст матери моложе 30 лет и старше 44 лет, причем в том и в другом случае мнения принадлежат женщинам до 30 лет. Этот факт интересен тем, что он соединяет в себе воздействие на репродуктивное поведение женщин-туркменок как современных, так и традици-

онных тенденций. Женщины до 30-летнего возраста, по данным опроса, имеют более высокий образовательный уровень, чем женщины 30—35 лет (среди последних доля лиц с образованием ниже среднего в 6 раз больше). Полное же среднее образование в отличие от неполного и начального расширяет возможности женщины для социального развития, способствует формированию внесемейных ориентаций, снижению потребности в детях. Поэтому неудивительно, что среди молодых женщин уже появились такие (хотя пока и незначительная часть), которые не стремятся к многодетности.

Отметим, что в данной возрастной группе часть женщин, хотя также очень незначительная, считает, что рожать детей желательно и после 44 лет. Эту особенность можно объяснить, по нашему мнению, тем, что значительная часть молодых женщин проживает совместно с родителями или другими старшими родственниками, которые зачастую придерживаются традиций неограничиваемой рождаемости. Каждая вторая женщина до 30 лет живет в такой трехпоколенной семье.

Не останавливаясь на конкретных причинах обычая совместного проживания молодой семьи со старшими родственниками, отметим, что благодаря ему обеспечивается известная преемственность между поколениями в репродуктивных установках. Более того, на первых порах молодая семья нуждается не только в морально-психологической, но и в практической помощи, особенно по уходу за малолетними детьми, которых у женщины до 30 лет может быть трое-четверо. Ориентация некоторой части молодых женщин на поздний возраст при рождении последнего ребенка, видимо, обусловлена, с одной стороны, влиянием старших родственников, а с другой — легкостью восприятия данного представления на веру ввиду небольшого жизненного, в частности репродуктивного, опыта у женщин моложе 30 лет.

Основная масса ответов на вопрос о возрасте матери при рождении последнего ребенка сконцентрирована в возрастной группе 30—39 лет. Здесь важно учитывать не сам по себе указанный возраст, а то число детей, которое может иметь женщина. В целом результаты ответов по данному вопросу примечательны тем, что показывают устойчивость стереотипа многодетности в сознании населения. При этом одинаково четко прослеживается как нежелание женщины ограничиваться средне-

¹³ См. Атаханова А. А., Кадыров Ш. Интергенетические «перерывы» как индикатор развития контрацептивного поведения у женщин-туркменок // Молодые ученые. Туркменистана — большой науке Ашхабад, 1984. С. 296.

детностью, так и полное ослабление потребности в неограничиваемой многодетности.

Сколько же детей предпочитает иметь женщина-туркменка? Как известно, определить, на какое конкретно число детей ориентируются в реализации семейных планов сельские женщины Туркмении, не простая задача. Об ответах типа «У туркмен мало не бывает», «Сколько бог пошлет», «Чем больше, тем лучше» в научной литературе писалось неоднократно¹⁴. Тщательная редакция вопросов, обстоятельность интервьюирования и условия, в которых оно проводилось, позволили получить более ясную картину о мнениях женщин, где доля неопределенных, расплывчатых ответов оказалась минимальной. Думается, однако, это не единственное, да и не основное объяснение. Главное, на наш взгляд, в том, что опрос был ограничен выборкой женщин не старше 35 лет, а сам факт конкретизации ответов о предпочитаемом числе детей является следствием утверждающегося среди них идеала ограничиваемой многодетности.

Содержание репродуктивной установки определялось традиционными способами через оценку идеального, желаемого и ожидаемого числа детей. Дополнительно задавались контрольные вопросы о том, какая семья в представлении опрашиваемой считается слишком многодетной и очень малодетной.

Выявленные мнения женщин соответствуют сохраняющемуся их стремлению иметь обязательно многодетную семью (табл. 2). Однако семья, имеющая десять и более детей, характеризуется женщинами как слишком многодетная. При этом женщины, отвечая на данный вопрос, выражали недовольство его постановкой, поясняя, что для туркмен слишком много детей не бывает, что дети всегда желанны.

Спровоцированная нами реакция женщин посредством введения в вопрос слов «хас кёп» (буквально — слишком много) имела задачей определить, насколько четко в психологическом отношении произошел отход от неограничиваемой многодетности. Как видим, исторический идеал многодетности еще не вызывает в туркменской сельской

среде негативной эмоционально-психологической реакции. Вместе с тем данные о предпочитаемом числе детей показывают, что в таком отношении проявляется скорее дань традиционному стереотипу поведения, нежели практическая приверженность ему.

Разница между идеальным, желаемым и ожидаемым числом детей в семье оказалась весьма незначительной, особенно если сравнить эти показатели с тем числом детей, которое считается слишком большим. Например, в группе «молодых» женщин (до 30 лет) эти показатели соответственно составили: 6,30; 6,36; 6,60 и 10,10 (табл. 2). Более того, ожидаемое и желаемое число детей у женщин по каждой группе в отдельности и в целом по выборке почти совпадает. Все это заставляет предположить, что в настоящее время среди сельского населения Туркмении процесс снижения рождаемости характеризуется прежде всего завершением перехода к ограничиваемой многодетности.

Учитывая, что по результатам обследования женщин их репродуктивная установка выражается в ориентации на рождение шести-семи детей, нами была предпринята попытка определить ее устойчивость. Исходя из согласованности мнений об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей удалось определить, что 45% женщин рассчитывают в конце своего репродуктивного периода полностью удовлетворить потребность в детях, 51% соответственно будут иметь лишь частично удовлетворенную потребность в потомстве и только 4% опрошенных завершат формирование семьи с неудовлетворенной потребностью. Проверка некоторых характеристик последних показала здесь связь с ухудшением здоровья и с другими объективными причинами.

Говоря о высокой степени согласованности мнений женщин о предпочитаемом числе детей, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в ответах об ожидаемом, желаемом и идеальном числе детей имеются хотя и незначительные, но различия по возрастным группам. Если у женщин до 30 лет желаемое число детей выше ожидаемого, то у женщин 30—35 лет, напротив, желаемое число несколько ниже ожидаемого. В первом случае мы имеем дело с показателями, характеризующими процесс постепенного развития репродуктивных ориентаций в сторону сокращения потребности в детях. Превышение ожидаемого числа детей над желаемым

¹⁴ См. Вишневский А. Г., Ханазаров К. Х. Демографическое развитие республик Средней Азии в послевоенные годы // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 99—100.

может быть связано с влиянием установки мужа, мнение которого обычно оказывается решающим на установку репродуктивного поведения жены. Однако здесь целесообразно задать вопрос: почему установка мужа не обнаруживает себя во мнении женщин о желаемом числе детей? Причину, видимо, надо искать в редакции самого вопроса о желаемом числе детей, который звучит так: «Если Вашей семье создать все необходимые условия, то сколько детей Вы хотели бы иметь?» Отметим, что если при проведении обследований в европейском регионе данный вопрос (выявляя установку исследователя) подталкивает респондента завысить число детей¹⁵, то в среднеазиатском регионе, напротив, женщина его несколько занижает. Вероятно, что занижение среднего показателя желаемого числа детей в семье по сравнению с ожидаемым связано с тем, что в некоторых случаях женщина понимает под данным вопросом ситуацию свободного (от мнения мужа), самостоятельного выбора числа детей в семье.

Как показано в табл. 2, мнение мужа о желаемом числе детей в семье (которое на первом этапе опроса определялось по ответам жен) значительно превосходило число детей, называемых супругой, что может быть связано с преувеличенными представлениями жен об установках детности у мужей. Но из этого различия вытекает и другой вывод. Более строгим хранителем традиций многодетности и соответствующего им семейного образа жизни является не женщина, а мужчина, значительно превосходящий женщину по профессионально-образовательному уровню, частоте контактов с городской культурой и т. п. Инициатором же поправок и коррекций в репродуктивном поведении является прежде всего женщина.

Здесь мы подходим к проблеме внутрисемейных взаимоотношений, лидерства в семье, взаимодействия супружеских репродуктивных ориентаций, трансформации исторических представлений о роли женщины в семье. Исследование этих вопросов связано с реализацией второго этапа пилотажного обследования, на котором по аналогичному кругу вопросов в дальнейшем будут изучены мнения мужей.

Анализ некоторых аспектов репродуктивного поведения женщин-туркменок показывает, что в традиционной семье возникают и развиваются новые черты, обобщая которые можно предположить существование промежуточного демографического вида семьи, предшествующего среднедетности, — ограничиваемой многодетности. Характерными особенностями ее являются прежде всего отход от традиций и обычаев неограничиваемой многодетности; не вынужденный, а добровольный характер ориентации на предпочитаемый тип детности; концентрация ориентаций на число детей у женщин возле нижней границы многодетности; начало достаточно широкого применения контрацептивных средств, главным образом после достижения ожидаемого числа детей в семье.

¹⁵ См.: Авдеев А. А., Дудченко О. Н. Изучение совпадения мнений жен и мужей о предпочитаемом числе детей // Семья и дети. С. 64—65.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ СЕМЬИ

На современном этапе в среднеазиатском регионе обозначился новый тип демографического поведения населения и формирования семьи. Изучение особенностей этих явлений представляет собой актуальную задачу. В статье рассматриваются лишь вопросы, относящиеся к изменению типа репродуктивного поведения населения, и причины такого изменения: уменьшение желаемого числа детей, перераспределение структуры экономических и внеэкономических мотивов рождаемости, регулирование сроков рождения детей.

Статья основывается на результатах проведенного Таджикским университетом в 1981—1983 гг. по некоторым районам территории Таджикской ССР выборочного обследования репродуктивного поведения семей. Всего по анкете и интервьюированием было опрошено 4000 человек, из них в селах — 2600, в городах — 1400 человек (мужчины и женщины представлены поровну). Применялась двухступенчатая случайная выборка. В областях республики сначала отбирались каждый пятый город и село, внутри их — каждый пятый кишлак и жилищное домоуправление. Опрос проводился среди жителей коренной национальности старше 20 лет и имеющих троих и более детей.

Данные обследования показывают наличие существенных различий по протогенетическому интервалу как между возрастными когортами городского и сельского населения, так и между отдельными областями республики (табл. 1).

Большой протогенетический интервал в старших возрастных когортах нельзя связывать с ограничением рождаемости. Больше всего он связан с недостатками в прошлом медицинского обслуживания женщин, санитарно-гигиенических условий жизни и т. д.

Наши материалы показывают, что в условиях республики имеет место следующая зависимость: чем выше

Таблица 1

Протогенетические интервалы в возрастных
когортах опрошенных женщин (в городах), годы

Возрастные когорты (годы рождения)	Место жительства	Ленинабад- ская об- ласть (1256 че- ловек)	Душанбе (520 чело- век)	Курган- Тюбинская, Кулябская области и районы рес- публикан- ского под- чинения (2087 чело- век)	ГБАО (Горно- Бадахшан- ская авто- номная об- ласть) (137 чело- век)
1931—1940	село	2,29	—	2,18	2,17
	город	2	1,35	1,58	—
1941—1950	село	1,93	—	1,96	2,0
	город	1,76	1,48	1,44	—
1951—1960	село	1,33	—	2,15	1,6
	город	1,5	1,13	1,74	—

уровень развития здравоохранения и медицинского обслуживания населения, тем меньше протогенетический интервал (особенно это заметно в городах). Так, по различным показателям организации здравоохранения и медицинского обслуживания население Душанбе стоит на первом месте, Ленинабадская область — на втором, Кулябская область — на третьем. И как результат — в Душанбе наименьший протогенетический интервал.

Важным в исследовании рождаемости является определение интергенетических интервалов. В соответствии с существующими мнениями¹ если средний интервал между рождениями менее 34 месяцев, то это может свидетельствовать об отсутствии ограничения многодетности. Проведенный опрос населения выявил здесь определенные различия как по возрастным когортам, так и между городским и сельским населением (табл. 2).

По областям этот показатель отражает регуляцию сроков рождения детей в Душанбе во всех возрастных когортах, а также ориентацию на 3—4-детную семью. В Ленинабадской области данная тенденция наблюдается в городах и отчасти в селах. В остальных областях республики признаки регуляции деторождения (кроме ГБАО) проявляются на более высоких порядках рождения — на 4—5-м и 5—6-м рождениях.

В Душанбе самый высокий интергенетический интервал

¹ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. С. 157.

Таблица 2

Интергенетические интервалы у городских и сельских женщин в отдельных возрастных когортах в Таджикской ССР (по всем опрошенным, годы)

Возрастные когорты (годы рождения)	Интервалы между рождениями детей разной очередности											
	1—2	2—3	3—4	4—5	5—6	6—7	7—8	8—9	9—10	10—11	11—12	
1931—1940												
Город	2,37	2,99	2,33	2,33	2,83	2,43	2,5	2,67	2,6	—	—	
Село	2,10	2,03	2,11	2,41	2,85	2,47	2,28	2,42	2,17	1,8	1,67	
1941—1950												
Город	2,53	2,69	2,86	3,02	2,46	2,7	3,3	1,0	1,0	—	—	
Село	2,17	2,21	2,11	2,12	1,82	1,88	1,68	2,0	2,5	—	—	
1951—1960												
Город	1,91	2,13	2,22	2,53	2,09	1,5	2,0	2,0	—	—	—	
Село	1,64	1,99	2,01	2,13	2,14	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	—	

в когорте 1941—1950 гг. составил 3,21 года, в Ленинабадской области — 4,3 года, в Кулябской, Курган-Тюбинской областях и в районах республиканского подчинения — 3,0 года. Перечисленные интервалы относятся к городскому населению. Для сельского населения той же когорты в Ленинабадской области интервал равен 2,55 года, в Кулябской, Курган-Тюбинской областях и в районах республиканского подчинения — 2,23 года, в ГБАО — 2,1 года. Важным моментом является установление его по различным социальным группам населения.

Среди ИТР и служащих в отличие от рабочих и колхозников интергенетический интервал значительно выше. Так, если у рабочих и колхозников средний интервал в когорте 1931—1940 и 1951—1960 гг. 2,1 года как в городе, так и на селе, то у ИТР и служащих — соответственно в городах 3,1 и 2,7 года, а в селах — 2,3 и 2,1 года. В возрастной когорте 1931—1940 гг. интервал между рождениями у горожанок увеличивается до четвертого ребенка, а затем снижается. У сельских женщин интервал относительно слабо, но снижается. Такая же тенденция наблюдается у ИТР и служащих в когорте 1951—1960 гг.

Отсутствие резких различий в интервалах между рождениями у сельских рабочих и колхозников, с одной стороны, и ИТР и служащих — с другой, можно объяснить преимущественным влиянием сельского образа жизни. Значительные различия в репродуктивном поведении между социальными группами в городах вызваны различиями образа жизни рабочих, ИТР и служащих, что и определяет наличие резкого различия в интергенетических интервалах. Таким образом, анализ данных дает основание сделать вывод о том, что в республике происходят демографические сдвиги от намеренно неограничиваемой многодетности к ее ограничению. Этот процесс характеризуется неодинаковой интенсивностью распространения и зависит от индустриального и общего развития той или иной территории.

Итак, в одних районах Таджикистана начался переход к новому типу репродуктивного поведения населения, в других обозначаются признаки такого перехода. Изучая мнения о предпочитаемом числе детей (в сопоставлении с фактическим), можно определить тенденции рождаемости в республике. Нами проанализированы

следующие вопросы: 1) уровень детности родителей опрошенных женщин; 2) ориентация опрошенных женщин их родителями на то или иное число детей; 3) уровень детности опрошенных женщин и их желаемое число детей; 4) число детей, которое желают опрошенные женщины для своих детей.

Таким образом, изучено желаемое и фактическое число детей применительно к трем поколениям (родители опрошенных, сами опрошенные, дети опрошенных).

Как известно, женщины, выросшие в многодетной семье, ориентируются на большее число рождений, чем женщины, получившие воспитание в малодетной семье².

Среднее число детей, рожденных матерями опрошенных женщин, в составе городских семей по возрастным когортам различается слабо (от 6,0—6,2 ребенка), а среди сельских с переходом от старших возрастов к более молодым оно увеличивается от 5,4 до 6,8 ребенка. Это обеспечило более быстрый рост в последующем сельского населения республики по сравнению с городским.

Проведенный опрос показывает изменения, происходящие во мнении родителей опрошенных о числе рождений у их дочерей.

Во-первых, среди матерей опрошенных женщин возрастной когорты 1931—1940 гг. относительно высокой является доля ответов «Сколько будет» и «Много». Иначе говоря, чем больше будет детей у их дочерей, тем лучше.

Во-вторых, с переходом к молодым когортам 1941—1950 и 1951—1960 гг. число мнений «Сколько будет» и «Много» резко уменьшается, особенно в городах, а большинство родителей советуют иметь своим дочерям конкретное число детей, хотя в отдельных районах и довольно высокое.

В-третьих, в ответах родителей женщин молодых когорт появляются качественно новые пожелания, а именно иметь детей столько, «сколько пожелают сами их дочери», и при этом особо обращается внимание на хорошее воспитание детей.

Данные табл. 3 показывают, что почти во всех районах и областях отцы желают дочерям иметь большее число детей, чем матери. Это характерно как для городского,

² См.: Семья и дети. С. 20.

Таблица 3

Мнения родителей опрошенных женщин о желаемом числе детей для своих дочерей

Возрастные когорты (годы рождения)	Город		Село	
	Отец	Мать	Отец	Мать
1931—1940	8,48	8,45	8,80	9,10
1941—1950	7,50	6,85	8,48	8,36
1951—1960	6,60	6,28	7,24	6,92

так и для сельского населения.

В целом можно сделать заключение, что высокая детность родителей опрошенных женщин и ориентирование ими своих детей на многодетность оказали влияние на репродуктивное поведение опрошенных женщин.

Для женщин коренной национальности республики, по данным опроса 1981—1983 гг., характерна высокая детность. Это видно из данных табл. 4.

Таблица 4

Среднее число рожденных детей одной опрошенной женщиной коренной национальности по возрастным когортам

Возрастные когорты (годы рождения)	Душанбе	Ленинабадская область		Курган-Тюбинская область		Кулябская область	
		Город	Село	Город	Село	Город	Село
1931—1940	5,3	4,3	6,9	5,3	8,5	5,6	8,0
1941—1950	4,2	4,1	5,2	4,6	6,1	6,6	6,3
1951—1960	2,6	3,1	3,8	4,2	4,1	4,0	4,7
В среднем по всем когортам	3,8	3,8	5,1	4,5	5,8	4,7	6,1

(Продолжение)

Возрастные когорты (годы рождения)	ГБАО	Районы республиканского подчинения		Итого по республике		Всего по республике	
		Город	Село	Город	Село	Город	Село
1931—1940	7,17	7,8	6,2	7,4	4,1	7,4	6,3
1941—1950	5,4	7,4	6,1	6,1	4,5	5,7	5,4
1951—1960	3,3	4,2	4,0	4,1	3,2	4,1	3,7
В среднем по всем когортам	4,2	6,1	5,7	5,7	3,9	5,5	4,9

Детность опрошенных женщин различается как между городом и селом, так и между районами и областями. Детность городского населения Ленинабадской области и Душанбе существенно ниже среднереспубликанского уровня. Отсюда можно сделать предположение о том, что репродуктивные ориентации населения Душанбе и Ленинабадской области также отличаются от других областей и районов республики.

Из данных табл. 5 следует, что в целом по всем районам и областям как в городе, так и на селе наблюдается снижение желаемого числа детей, при этом желаемое число детей на селе выше, чем в городе, а у мужей больше, чем у жен. Уменьшение желаемого числа детей в младших когортах дает основание полагать, что в перспективе ожидается снижение уровня рождаемости в республике. Переход от высокой рождаемости к средней быстрее всего происходит в Душанбе и в Ленинабадской области.

Таблица 5

Желаемое число детей у опрошенных женщин и их мужей

Возрастные когорты (годы рождения)	Жена		Муж	
	Город	Село	Город	Село
1931—1940	7,6	8,6	8,0	9,5
1941—1950	6,7	7,9	7,4	8,3
1951—1960	6,2	7,1	6,6	7,6

В Душанбе и в Ленинабадской области формируется среднететная семья, происходит сближение желаемого и фактического числа рождений и, следовательно, шире распространено ограничение многодетности. В районах, где слабо или вообще не распространено это ограничение, желаемое число детей больше фактического. Несовпадение фактического и желаемого числа в многодетной семье, вероятно, объясняется лишь нарушениями плодovitости.

В целом можно предположить, что если семья ориентируется на многодетность и желаемое число детей остается больше фактического в связи с особенностями плодovitости, то в таких районах наблюдается неограниченная многодетность (первый и второй этапы демографического перехода). Если желаемое и фактическое число детей при стремлении населения к среднететности сближаются, то это характеризует процесс завершения

второго и начало третьего этапа демографического перехода.

Большой интерес представляет анализ динамики желаемого числа детей за ряд лет. По данным обследований НИИ ЦСУ СССР установлено, что в 1972 г. желаемое число детей у замужних туркменских женщин в городе составило 5,58, а на селе — 6,22 ребенка³.

Результаты нашего опроса показали, что желаемое число детей у городского населения коренной национальности составляет 6,5, а у сельского населения — около 8,0. По-видимому, наблюдается повышение желаемого числа детей. Желаемое число детей в когорте 20—29 лет среди горожан было 3,2 и на селе — 4,1.

Можно согласиться с выводом Г. А. Бондарской, что «благодаря изменению экономических, культурных, санитарно-гигиенических условий жизни, повышению плодovitости в результате улучшения состояния здоровья населения должно происходить некоторое повышение рождаемости у этой части населения. Поэтому вполне можно предположить, что в течение какого-то времени уровень рождаемости в этой этнодемографической группе будет повышаться»⁴.

Важное значение в изучении закономерностей репродуктивного поведения населения имеет выявление зависимостей между социально-экономическими факторами и уровнем фактического и желаемого числа детей в семье. Материалы проведенного исследования показали наличие обратной связи между показателями реального и желаемого числа детей и уровнем образования (табл. 6). Различия в величине показателей реального и желаемого числа детей городских и сельских женщин объясняются более высокой значимостью детей на селе, чем в городе, а также сельскими условиями жизни, более устойчивыми национальными традициями и обычаями.

Уровень реальной детности также находится в обратной связи с уровнем образования родителей: чем выше образование матерей, тем ниже рождаемость у их дочерей. Эта зависимость сохраняет силу во всех случаях, даже при одинаковом уровне образования дочерей (т. е. опрошенных женщин).

Изменение условий жизни женщин изменяет их мнение

³ См.: Сколько будет детей в советской семье. М., 1977. С. 26—28.
⁴ Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР. М., 1977. С. 105.

Таблица 6

Желаемое число детей и реальная детность опрошенных женщин в зависимости от уровня образования

Уровень образования	Городское население			Сельское население		
	Желаемое число детей в возрастных когортах, годы рождения		Реальная детность	Желаемое число детей в возрастных когортах, годы рождения		Реальная детность
	1931—1940	1951—1960		1931—1940	1951—1960	
Начальное	7,0	10,0	8,9	8,7	8,0	7,4
Неполное среднее	6,7	6,7	5,4	7,4	8,2	6,2
Среднее общее	7,4	6,2	4,2	10,3	7,6	4,6
Среднее специальное	5,6	4,5	3,6	6,5	7,2	4,3
Высшее	4,0	5,0	2,9	6,0	6,6	3,1

о желаемом числе детей в семье. Приведенные данные о желаемом числе детей опрошенными женщинами как бы отражают ближайшие их намерения. Чтобы определить более отдаленные намерения о числе детей в семье, мы выявили мнение опрошенных о числе детей, которое желали бы они для своих детей (т. е. детей опрашиваемых).

Таблица 7

Мнение опрошенных женщин о желаемом для своих детей в будущем числе детей

Области и районы	Возрастные когорты (годы рождения)					
	1931—1940		1941—1950		1951—1960	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Курган-Тюбинская область	12,9	9,9	10,8	6,4	10,6	8,0
Кулябская область	10,8	11,7	10,0	9,0	7,7	8,5
Ленинабадская область	5,3	7,4	3,7	6,4	3,5	4,1
ГБАО	8,5	7,5	5,3	8,3	5,0	5,6
Районы республиканского подчинения	8,0	10,0	7,4	4,6	6,7	5,0
Душанбе	5,4	—	4,9	—	4,8	—
Итого . . .	9,1	9,3	7,4	7,9	6,7	7,2

Из табл. 7 видно, что с переходом от старшей возрастной когорты к молодой как на селе, так и в городе число детей, желаемое опрошенными для своих детей, уменьшается.

Материалы показывают, что в некоторых возрастных когортах, особенно в старших, имеется определенное мнение о числе детей, которое можно пожелать своим детям, а некоторые отвечают, что сколько будет детей, столько и хорошо. В более молодых возрастных когортах матери желают иметь своим детям столько детей, сколько захотят сами дети. Это новый вид мнений, который содержится в себе элементы необходимости рождения детей с учетом меняющихся условий жизни. Таким образом, динамику изменения мнения опрошенных женщин о числе деторождений у их детей можно выразить следующим образом: происходит переход от мнения «сколько будет» детей к мнению «сколько пожелают» сами дети. Факт такого изменения мнений свидетельствует о том, что под влиянием комплекса причин и в будущем будет расширяться переход от неограничиваемой рождаемости к ее постепенному ограничению.

Большой интерес представляет выявление мотивов многодетности (табл. 8). Самые распространенные мотивы

Таблица 8

Мотивы многодетности таджикских женщин, %

Возрастные когорты (по годам рождения)	Индикаторы мотивов многодетности					
	Люблю, когда много детей	Не могу предотвратить рождение	Таков обычай	Желание мужа и родственников	Желание получить помощь в старости	Влияние религии
1931—1940						
Город	47,4	5,3	3,5	17,5	26,3	—
Село	51,1	3,7	6,4	8,5	28,7	1,6
1941—1950						
Город	40,3	13,5	12,4	6,7	24,7	2,3
Село	52,1	5,0	7,0	7,9	27,7	0,4
1951—1960						
Город	45,6	8,8	3,7	17,6	23,6	0,7
Село	47,8	5,5	10,7	11,8	24,2	—
Всего по:						
городам	44,3	9,6	6,4	14,1	24,4	1,1
селам	50,1	4,8	8,3	9,5	26,7	0,6
Итого . . .	48,5	6,2	7,7	10,9	26,8	0,7

среди опрошенных женщин следующие: «Люблю, когда много детей» и «Желание получить помощь в старости».

Значимость мотива «Люблю, когда дома много детей» подтверждает, что многодетность является сохранившимся обычаем. Не случайно в народе широко распространена поговорка: «Дом, в котором много детей, подобен базару, а если нет детей — подобен мазару» (мазар — «святое», пустынное место).

Кроме того, многодетность не потеряла своего экономического значения. Во-первых, это особенно важно для сельского населения, где без наличия 5—6 детей трудно вести хозяйство. Во-вторых, велика роль материальной и прочей помощи детей родителям в старости (существует моральное воздействие на людей, которые не присматривают за пожилыми родителями).

Высказываются разные мнения относительно значения многодетности, в том числе и для воспитания детей. Некоторые считают, что многодетность не позволяет воспитать всесторонне развитых людей. На наш взгляд, многодетность оказывает положительное влияние на качество воспитания ребенка через его микросреду.

Если не принимать во внимание экономическую сторону многодетности, то следует признать, что в многодетной семье ребенок лучше воспитывается, чем в малодетной, ибо у него больше развито чувство коллективизма, взаимопомощи, уважения друг к другу и к старшим, скорее происходит приобщение к труду. Об этом говорят материалы опроса. 89,1% сельчан и 88,8% горожан считают, что ребенок получает лучшее воспитание в многодетной семье.

Ценность детей (с точки зрения выполняемых функций в семье) различна для живущих в сельской местности (или в собственном доме) по сравнению с живущими в городской государственной квартире. В сельской семье значение многодетности чрезвычайно высоко, поскольку наличие лишь одного ребенка затрудняет в дальнейшем ведение домашнего хозяйства и выполнение общественных работ. Возьмем такой пример: ежедневно, по очереди, каждая семья обязана пасти скот кишлака. Если в какой-либо семье нет взрослых детей, то эта семья должна обратиться за помощью к своим соседям.

Кроме того, дети с ранних лет выполняют такие работы, как заготовка дров, уход за скотом, сбор трав и заготовка их на зиму, уход за шелкопрядом, уход

за младшими детьми, сбор хлопка, табака, овощей, фруктов, покупка нужных вещей в магазине и на базаре, помощь престарелым членам семьи, подготовка и уход за подсобным хозяйством и т. д. При выполнении детьми работ в общественном хозяйстве заработанные деньги поступают в общий бюджет семьи. Материалы опроса, проведенного в Джиликульском и Вахшском районах республики, показывают, что за сезон дети, помогая родителям в выполнении сезонных работ (обычно сбор хлопка, чеканка хлопка и т. д.), в возрасте 12—13 лет зарабатывают 70—80 руб., а старше — до 200 руб. Домашние виды труда также экономически выгодны.

В соответствии с условиями быта дети города и села имеют различную структуру затрат времени на выполнение семейных и общественных работ. Сравнение этого показателя между школьниками Душанбе и одного села из Вахшского района показало следующее. Опрос был произведен в феврале, чтобы исключить влияние сезонного характера сельскохозяйственного труда на занятость школьников. Школьники Душанбе на выполнение семейных работ затрачивают: десятиклассники, проживающие в государственных квартирах, — 3 ч, проживающие в собственном доме — 3,5 ч; восьмиклассники (соответственно) — 2,5 и 3 ч, семиклассники — 2 и 2,5 ч.

В сельской местности проживающие в собственном доме затрачивают на выполнение семейных работ: десятиклассники — 5,5—6 ч, девятиклассники — 5 ч, восьмиклассники — 4 ч.

Дети Душанбе выполняют в основном такие работы, как покупка на базаре и в магазине, стирка, уборка дома, мытье посуды, приготовление пищи, выполнение каких-либо разовых поручений родителей. Начиная с марта постепенно разрыв в уровне занятости детей, проживающих в городах и на селе, постепенно увеличивается вплоть до ноября—декабря.

Перечисленные работы, выполняемые детьми в селах, однотипны как в сложных семьях, так и в простых. Это и порождает одинаково положительное отношение родителей к многодетности независимо от типа семьи.

В сельской местности многодетность оправдывается также сохранением худших по сравнению с городом условий жизни семьи, что требует дополнительно большего числа рабочих рук. Вместе с тем в общественном хозяйстве в силу недостаточно высокого уровня механизации

сельскохозяйственных работ (в некоторых высокогорных районах значительной части сельскохозяйственных работ) объективно требуется больше трудовых ресурсов, источником которых прежде всего является естественный прирост населения.

Многодетность в условиях роста уровня жизни населения, стремление к повышению качества воспитания детей, стремление женщин к повышению общественно-политической и трудовой активности порождают ряд проблем. Материалы опроса показали, что одним из условий поддержания высокого уровня рождаемости опрошенные считают увеличение строительства детских дошкольных учреждений, улучшение их работы. За это условие по республике высказались 52,4% горожан и 35,9% сельчан.

На втором месте находится уровень дохода. На третьем месте в числе условий поддержания высокого уровня рождаемости для горожан — обеспеченность жилплощадью, а для сельчан — экономическая помощь государства. Последнее объясняется тем, что на селе более высокая детность по сравнению с городом, которая требует больших затрат на содержание детей. Различные льготы и пособия, предоставляемые государством многодетным семьям, рассматриваются не как инструмент для стимулирования повышения рождаемости, а как экономическая помощь государства многодетным матерям. В условиях относительно невысокой занятости (особенно женщин) в общественном производстве в целом складывается и относительно невысокий уровень дохода многодетных семей.

Таким образом, анализ репродуктивного поведения населения коренной национальности Таджикистана показывает, что в целом происходит демографический переход к новому типу воспроизводства населения. При этом в одних районах он протекает быстрее, а в других находится на начальной фазе. Поэтому многие опрошенные молодые женщины в целом ориентируют своих детей на 5—8-детную семью. Но, как показали материалы обследования, это пожелание вряд ли будет реализовано, поскольку дальнейшая индустриализация народного хозяйства республики, рост образовательного и культурно-технического уровня, повышение уровня занятости, особенно женщин, ослабление силы обычаев и традиций будут выступать как факторы, способствующие ограничению многодетности и снижению рождаемости.

Начавшийся в Таджикистане демографический переход к новому режиму воспроизводства населения является неизбежным процессом. Задача состоит в том, чтобы помочь семье плавно и безболезненно осуществить переход от многодетности к среднететности.

XXVII съезд КПСС принял широкую программу мер, направленных на оказание всесторонней помощи семье. Как указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «предпосылка решения многих проблем семьи — создание таких условий труда и быта женщин, которые позволяли бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности»⁵. Это все должно сочетаться с наращиванием материального и духовного потенциала каждой республики в рамках единого народнохозяйственного комплекса, с совершенствованием национальных отношений, которое происходит на основе братского сотрудничества, равенства, добровольности, где «недопустимы никакое искусственное подталкивание, как и сдерживание назревших объективных тенденций развития»⁶.

⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 52.

⁶ Там же. С. 156.

КОНТРАЦЕПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУПРУГОВ В ГОРОДСКИХ СЕМЬЯХ

В структуре демографического поведения важное место занимает контрацептивное поведение, являясь инструментом регулирования деторождений, механизмом реализации репродуктивных установок супругов.

Контрацептивное поведение представляет собой систему действий и отношений, направленных на прерывание репродуктивного цикла человека на стадии зачатия. В этом состоит отличие контрацептивного поведения от abortного поведения, посредством которого осуществляется прерывание репродуктивного цикла на стадии беременности. Указанные две формы репродуктивного поведения теоретически являются альтернативными. Если не принимать во внимание контрацептивные неудачи, использование контрацепции представляется единственно возможным путем снижения распространенности искусственных abortов.

Конечным результатом контрацептивного и abortного поведения является не просто откладывание рождений, но достижение оптимальных, с точки зрения супругов, протогенетического и интергенетических интервалов, т. е. рождение желаемого числа детей в удобные для родителей сроки. С точки зрения медико-демографического эффекта, эти два аспекта репродуктивного поведения отнюдь не равнозначны. Известно негативное влияние искусственных abortов на состояние здоровья женщины и на распространенность бесплодных браков, уровень которых в различных районах страны колеблется в пределах 8—15% от числа всех браков¹, в том числе по причине женского вторичного бесплодия².

По расчетам Н. А. Шнейдерман, только вследствие

¹ См.: Голубева Е. В., Гурова В. И. Бесплодие брака и его причины: Обзор литературы // Избранные вопросы акушерства и гинекологии. Т. VI. Новокузнецк, 1971. С. 27.

² См.: Миняев В. А., Поляков И. В. Здравоохранение крупного социального города. М., 1979. С. 50.

ликвидации той части вторичного послеabortного бесплодия, которое обусловлено контрацептивными неудачами, и при условии рождения такой женщиной хотя бы одного ребенка возможно повышение общего коэффициента рождаемости в РСФСР на 30% по сравнению с его величиной в 1980 г.

В структуре методов регулирования деторождений производство abortов продолжает преобладать над применением средств контрацепции. Об этом можно судить по среднему для конца 70-х годов количеству искусственных abortов, приходящихся на одни роды (2,08 abortа)³, и среднему суммарному коэффициенту рождаемости за эти годы (2,26 рождения)⁴. Доминирование искусственного abortа тем более очевидно, если принять во внимание криминальные abortы, достоверно учесть которые не представляется возможным.

В условиях массового перехода семей к малодетности, а также насущной необходимости стимулирования среднететности проблема способов регулирования числа рождений приобретает особую актуальность. Так, расчеты относительной степени реализации гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) показывают, что регулирование рождаемости широко распространено даже в регионах с довольно высоким ее уровнем⁵, тем более в крупных городах. Крупнейшие и крупные города страны в силу исключительности демографической ситуации в них привлекают к себе внимание, так как сейчас они представляют собой модель той ситуации, которая сложится в отдельных районах страны в будущем.

В 1983—1985 гг. в Москве, Саратове и Уфе Отделом демографии ИСИ АН СССР было проведено исследование репродуктивного поведения «Дети в городской семье». Было опрошено около 1000 пар совместно проживающих супругов с одним или двумя детьми, возраст жены — до 35 лет.

Индикатором степени ориентированности супругов на регулирование деторождения могут быть протогенетический и интергенетический интервалы. В табл. 1 представлены средние идеальные интервалы, рассчитанные по ответам респондентов на вопросы: «Когда,

³ См.: Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. С. 111.

⁴ См.: Народонаселение стран мира. М., 1984. С. 40.

⁵ См.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. С. 66.

на Ваш взгляд, лучше всего обзаводиться первым ребенком?» и «Какая разница в возрасте между первым и вторым ребенком, по Вашему мнению, наилучшая?» Величина интервалов показывает, что все опрошенные в той или иной степени ориентированы на использование методов и средств контрацепции (МСК) или на производство искусственных аборт, в особенности в период между рожденьями детей.

Таблица 1

Средние идеальные протогенетический и интергенетический интервалы, лет

	Москва		Саратов		Уфа	
	Протогенетический интервал	Интергенетический интервал	Протогенетический интервал	Интергенетический интервал	Протогенетический интервал	Интергенетический интервал
Мужчины	1,26	3,19	1,14	3,03	1,05	2,74
Женщины	1,36	3,44	1,12	3,42	1,16	3,34

Показателем широкого распространения искусственного аборта и ориентации женщин на его производство может служить отношение числа искусственных абортов по желанию к числу родов, исчисленное по ответам на вопрос «Чем закончилась Ваша последняя беременность?» и составившее по московскому массиву исследования 0,85. Если учесть, что до этой последней беременности у женщин были (и возможно, будут) еще беременности, которые наверняка не все заканчивались родами, то величина этого отношения, вероятно, должна превысить единицу. В то же время при оптимальной структуре средств регулирования рождений (с явным преобладанием высокоэффективных МСК) это значение было бы близким к нулю и зависело бы, главным образом, от числа случаев контрацептивных неудач.

Производство искусственных абортов происходит на фоне применения супругами МСК. Зависимость распространенности использования МСК от стадии формирования семьи видна по данным табл. 2.

На начальном этапе формирования семьи при общем небольшом числе использующих МСК респондентов преобладает применение их мужчинами.

Трехкратное различие между московским и уфимским массивами исследования (и двукратное — между москов-

Таблица 2

Доля применяющих МСК на различных этапах формирования семьи, %

	Москва		Саратов		Уфа	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До первой беременности женщины	34,8	30,4	23,9	19,9	10,2	7,2
До рождения первого ребенка	36,7	30,4	20,3	17,7	9,0	9,8
Между рожденьями первого и второго ребенка*	71,6	68,9	69,9	73,7	70,6	71,7
В настоящее время	75,7	82,4	76,4	79,6	74,6	80,7

* Рассчитано только для двухдетных супругов.

ским и саратовским массивами) в применении МСК на начальных этапах формирования семьи практически выравнивается по мере рождения первого и второго ребенка. Вероятно, этот факт можно рассматривать как косвенное подтверждение ориентации супругов на малодетную семью.

Все предложенные в анкете виды контрацепции оказались известными опрошенным (табл. 3). Тем не менее настораживает то, что о ряде МСК, в особенности таких, как внутриматочные средства (ВМС) и оральные контрацептивы, информированность не везде достаточно полная. Доли знающих о существовании тех или иных МСК варьируют по территориям и полу респондентов.

Как и ожидалось, в целом несколько лучше информированы жители Москвы, а также женщины во всех трех городах.

Известность различных МСК, однако, не всегда определяет их использование. Важным показателем здесь является структура применения контрацепции, степень ее оптимизации.

Оптимальной, с медицинской точки зрения, может считаться структура с явным преобладанием использования ВМС над остальными МСК⁶. Кроме этого, широкое рас-

⁶ См.: Боров В. И. Актуальные вопросы теории и практики внутриматочной контрацепции. Автореф. докт. дис. Казань, 1977. С. 20.

Таблица 3

Известность МСК по ответам респондентов, %

Виды МСК	Москва		Саратов		Уфа	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
ВМС	89,4	95,6	84,7	94,8	85,2	96,2
Метод ритма по календарю	91,3	95,1	85,9	91,7	79,8	91,6
Мужской презерватив	99,0	97,5	98,8	98,1	97,5	96,8
Прерванное сношение	95,2	93,6	91,8	91,6	88,6	86,7
Колпачок	72,9	73,5	64,4	78,2	49,4	67,8
Химические средства	72,5	76,0	62,6	74,6	50,1	74,3
Спринцевание	69,1	86,8	63,3	89,5	51,0	89,5
Оральные контрацептивы	72,9	75,0	63,4	69,4	49,7	69,4

пространение ВМС позволит эффективно проводить мероприятия по сохранению репродуктивного здоровья семьи, поскольку оно будет сопровождаться выявлением и лечением ряда заболеваний женской половой сферы и некоторых венерических заболеваний. Значительной предпосылкой оптимизации структуры может стать и внедрение в контрацептивную практику таких МСК, как ритмические методы и оральные контрацептивы.

Есть основания считать, что сложившаяся в крупных городах структура используемых МСК лучше, чем в остальных регионах. По данным ряда исследователей, на других территориях страны преобладает прерывание полового акта⁷.

По ответам респондентов на вопросы анкеты построенная структура применяемой контрацепции, представленная в табл. 4.

Наиболее используемые МСК — метод ритма по календарю, прерванное сношение и мужской презерватив. Наряду с этими в Уфе отмечается значительное (более чем в 1,5 раза) преобладание по сравнению с другими городами использования ВМС. Вероятно, это явилось

⁷ См.: Красенков В. Л. Некоторые социально-гигиенические аспекты аборта среди женщин Калининской области // Советское здравоохранение. 1973. № 5. С. 20—24.

Таблица 4

Структура применяемой контрацепции по ответам респондентов, %

	Москва		Саратов		Уфа	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Применяют МСК	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
ВМС	9,3	9,8	8,2	8,5	17,3	14,5
Метод ритма по календарю	29,0	27,0	28,8	27,6	28,9	26,0
Мужской презерватив	26,2	24,4	24,2	20,5	18,8	15,1
Прерванное сношение	26,2	24,9	22,6	20,7	21,7	19,2
Колпачок	1,0	1,3	0,2	0,2	1,1	1,4
Химические средства	2,1	2,5	3,3	3,0	2,3	4,2
Спринцевание	4,9	8,1	10,6	17,0	9,6	18,2
Оральные контрацептивы	1,3	2,0	2,1	2,5	0,3	1,4

следствием усилий местных органов здравоохранения. Кроме того, в Уфе и Саратове к числу наиболее используемых МСК относится и спринцевание, что может отчасти свидетельствовать о недостатке контрацептивов промышленного производства в этих городах.

Дифференциация структуры применяемой контрацепции по группам детности незначительна. Тем не менее имеются различия по стажу брака. Так, например, по данным, рассчитанным по Москве, с увеличением числа лет, прожитых в браке, значительно уменьшается доля использующих метод ритма по календарю и увеличивается доля пользующихся ВМС и мужским презервативом. Не исключено, что предпочтение последних средств связано с несколько меньшим психическим напряжением при их использовании, а также сроком действия ВМС.

Несколько иная картина наблюдается при рассмотрении структуры МСК, построенной в зависимости от уровня образования респондентов. Здесь супруги с высшим

образованием почти в 2 раза чаще применяют ВМС по сравнению с супругами, образование которых ниже. Наряду с этим с ростом уровня образования наблюдается некоторое уменьшение процента использующих прерванное сношение.

Нет достаточных оснований считать полученную в описываемом исследовании структуру контрацепции оптимальной. К сожалению, внедрение высокоэффективной контрацепции в практику регулирования деторождений происходит далеко не всегда и не везде. Причиной, по-видимому, является то, что имеющиеся МСК еще не отвечают требованиям, предъявляемым к ним населением, либо вообще недоступны. Об этом можно судить, анализируя мнения респондентов о таких характеристиках МСК, как доступность, безвредность, надежность и удобство в применении (табл. 5 и 6). В целом бросаются в глаза различия в оценках по городам. Парадоксальная ситуация: в Уфе, где число использующих ВМС значительно больше, доступность этих средств почти в 2,5 раза ниже, чем в Саратове и Москве. И вообще по ответам уфимских респондентов можно судить о явной нехватке там контрацептивов промышленного производства (даже таких, как колпачок). Вызывает тревогу общее довольно невысокое мнение опрошенных о безвредности, надежности и удобстве основных видов МСК, поскольку они зачастую являются наиболее используемыми.

Интересно в связи с этим проанализировать мнения респондентов о МСК, которыми они активно пользуются. Данные, рассчитанные по московскому массиву исследования, показывают, что самым безвредным подавляющее большинство считает метод ритма по календарю. Далее, приблизительно половина опрошенных отметила безвредность мужского презерватива, спринцевания и ВМС. Самое же примечательное то, что свыше 60% респондентов практикуют оцениваемый ими как вредный для здоровья метод прерванного сношения.

Значительной частью опрошенных в Москве мужчин и женщин как самые ненадежные методы признаются спринцевание и метод ритма по календарю. Порядка 75% из них считают, что пользуются надежным средством — ВМС, затем по степени оценки надежности следует мужской презерватив (около 65%) и прерванное сношение (около 55%).

Разделились мнения в оценке удобства применяемых

Таблица 5

Мнения респондентов о методах и средствах контрацепции (МСК), %

	Женщины считают											
	доступным			безвредным			надежным			удобным		
	I*	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
ВМС	65,7	67,8	27,3	20,6	25,5	28,5	29,9	26,6	34,3	39,2	35,2	48,8
Метод ритма по календарю	—	—	—	75,0	77,1	70,1	23,0	30,7	31,2	53,9	56,8	49,9
Мужской презерватив	93,6	86,0	83,9	48,5	45,7	34,6	36,8	34,7	29,5	28,4	23,8	15,3
Прерванное сношение	—	—	—	10,3	7,2	5,6	41,7	39,7	29,3	18,1	12,1	10,1
Колпачок	52,0	49,8	36,2	15,2	14,8	14,4	5,4	6,0	6,2	2,5	3,2	3,1
Химические средства	47,0	40,4	39,0	11,8	8,5	14,8	3,4	4,1	6,7	6,9	9,5	12,5
Спринцевание	67,6	74,1	65,7	36,3	37,7	43,2	15,7	14,3	15,6	14,2	27,4	29,6
Оральные контрацептивы	29,9	22,8	12,2	6,4	5,1	3,7	18,1	7,0	8,9	38,2	28,9	24,9

* I — Москва, II — Саратов, III — Уфа.

Таблица 6

Мнения респондентов о методах и средствах контрацепции (МСК), %

	Мужчины считают											
	доступным			безвредным			надежным			удобным		
	I*	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
ВМС	57,5	49,7	29,8	19,8	18,1	23,6	21,7	23,5	27,1	33,8	30,9	37,8
Метод ритма по календарю	—	—	—	64,7	63,5	56,2	20,8	25,1	24,2	48,3	50,9	43,3
Мужской презерватив	95,2	85,5	88,6	60,9	50,2	44,5	41,5	46,1	42,5	17,4	19,3	15,4
Прерванное сношение	—	—	—	9,7	9,8	5,9	43,0	40,3	42,0	10,6	6,0	5,7
Колпачок	43,7	40,0	22,6	24,6	13,6	14,6	11,6	2,9	5,6	6,8	3,3	4,7
Химические средства	45,4	26,4	20,4	7,7	7,8	9,4	2,9	3,3	4,4	10,6	12,1	8,9
Спринцевание	55,1	47,7	35,4	22,2	23,1	21,1	2,4	8,2	8,3	11,1	17,0	11,3
Оральные контрацептивы	28,0	17,6	13,1	5,3	5,5	4,5	13,0	3,6	3,0	37,2	25,7	21,3

* I — Москва, II — Саратов, III — Уфа.

МСК. Часто те МСК, которые удобны мужчинам, вызывают неудобства у женщин, и наоборот. Мужской презерватив назвали неудобным 65% мужчин и лишь около 45% женщин. Спринцевание же удобно для 77% мужчин и только для 44% женщин. Встречаются и единомышленные мнения. Так, прерванное сношение одинаково неудобным считают и практикующие его мужчины, и женщины. Большинство опрошенных отмечают удобство используемых ВМС и метода ритма по календарю.

О невысокой контрацептивной культуре свидетельствует тот факт, что значительное число респондентов на вопросы о свойствах используемых ими МСК ответили: «Не знаю». Порой до 80% опрошенных не могли дать определенного ответа на подобные вопросы.

Причиной отказа от применения тех или иных МСК может быть их негативная или неверная оценка на основании своего собственного или известного неудачного опыта. Ненадежным назвали метод ритма по календарю и мужской презерватив почти вдвое больше опрошенных в Москве мужчин и женщин, не пользующихся ими, по сравнению с теми, кто ими пользуется. Кроме этого среди тех, кто не использует мужской презерватив и прерванное сношение, значительно (на 15—30%) больше считающих эти способы неудобными. Причиной отказа от применения определенного МСК могло быть также не только негативное отношение или его недоступность, но и использование других МСК (чаще всего ВМС).

Становится очевидной плохая информированность населения о свойствах МСК. Метод, свойства которого лучше всего известны респондентам в Москве, — прерванное сношение. По остальным МСК на вопросы об их свойствах ответили «Не знаю» от 11 до 60% мужчин и от 20 до 75% женщин, в особенности по оптимальным МСК (ВМС, ритм, оральные) — от 29 до 59% мужчин и от 30 до 68% женщин.

Очевидно, будь население лучше информировано, оно (при условии доступности) использовало бы оптимальные МСК.

В анкету исследования «Дети в городской семье» был включен также открытый вопрос о мнениях и пожеланиях по поводу производства средств предохранения от беременности в нашей стране. Сложившуюся ситуацию характеризуют высказывания респондентов при ответах на

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ОНКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ У ЖЕНЩИН

этот вопрос. Они были сгруппированы и проранжированы по частоте. Наиболее часто встречающимися пожеланиями были:

- повышение эффективности, надежности, безвредности и улучшение качества выпускаемых средств контрацепции;

- расширение их ассортимента и доступность;

- улучшение и активизация пропаганды, воспитательной работы и рекламы МСК;

- создание наиболее удобных в психосексуальном отношении МСК;

- заимствование передового опыта зарубежных стран.

В условиях массового перехода семей к малодетности наблюдается потребность в регулировании числа рождений, которая реализуется посредством применения МСК или производства искусственных аборт. Последнее часто носит вынужденный характер из-за возникновения беременностей на фоне применения МСК. В структуре контрацепции довольно широко распространены малоэффективные, ненадежные, неудобные в психосексуальном отношении МСК. Особенности abortного и контрацептивного поведения в значительной степени определяются не потребностями и установками супругов, а внешними неблагоприятными условиями и обстоятельствами.

Оптимизация структуры методов регулирования деторождений должна основываться на:

- формировании у населения потребности в контрацепции как единственно возможном средстве регулирования деторождений;

- реализации существующей потребности в ограничении рождаемости с помощью оптимальных МСК;

- обеспечении возможностей реализации потребности в оптимальных МСК путем снабжения населения контрацептивами промышленного производства.

Важнейшим условием проведения демографической политики, направленной на стимулирование среднететности, является массовое внедрение оптимальных МСК в практику регулирования деторождений, что позволит супругам иметь желаемое и отвечающее интересам семьи и общества число детей без ущерба для здоровья женщины.

Хорошо известны отрицательные социально-демографические последствия низкой рождаемости: старение населения, угроза его суженного воспроизводства, дебилизация семьи, ухудшение качества воспитания детей в условиях малодетности и др.¹ Относительно менее изучены изменения в состоянии здоровья населения, прежде всего женщин, в связи с массовой перестройкой репродуктивного поведения.

Представляется вполне закономерным, что серьезные изменения в реализации важнейшей функции женского организма — деторождения — не могут пройти бесследно, не влияя на уровень и характер заболеваемости (прежде всего, разумеется, гинекологической). Весьма отчетливо это проявилось на примере онкологической патологии женской половой сферы, т. е. молочной железы и половых органов².

Связь между преобладающим типом репродуктивного поведения и распространенностью этой группы злокачественных новообразований видна уже из географических и временных сопоставлений: заболеваемость ими выше там и тогда, где и когда происходит снижение рождаемости и распространение малодетности. Уже сама межрегиональная дифференциация частоты опухолей женской половой сферы в мировом масштабе весьма показательна. Различия между странами в стандартизованных показателях заболеваемости ими могут достигать нескольких порядков. В целом высокий уровень заболеваемости раком молочной железы, яичника и тела

¹ См.: Молодая семья. М., 1977; Киселева Г. П. Нужно ли повышать рождаемость? М., 1979. С. 77; Апостолов Е., Мичков Х. Урбанизация. М., 1977. С. 255; Спок Б. Ребенок и уход за ним: Пер. с англ. М., 1971.

² См.: Смулевич В. Б., Ременник Л. И. Демографические аспекты эпидемиологии злокачественных новообразований. М., ВНИИМИ. Сер. Онкология. 1983. Вып. 3.

матки (эндометрия) характерен для регионов мира, где достаточно давно существует низкая рождаемость (Северная и Западная Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия). Средний уровень регистрируется в странах Восточной и Южной Европы, минимальный — в Центральной и Южной Америке, а также в большинстве стран Азии и Африки³.

Рак молочной железы — опухоль, наиболее тесно связанная с репродуктивной функцией, — является главным онкологическим заболеванием, а в средних возрастах еще и ведущей среди всех заболеваний причиной смерти для женщин развитых стран Запада. В США в начале 80-х годов удельный вес этой опухоли в структуре заболеваемости раком среди женщин (т. е. среди всех вновь зарегистрированных случаев) составлял 26—27%.

Связь между динамикой рождаемости и заболеваемостью раком молочной железы отчетливо прослеживается на примере Японии. Снижение рождаемости там началось значительно позднее, чем в капиталистических странах Запада, и происходило намного быстрее: общий коэффициент рождаемости составлял в 1947 г. 34,3⁰/₀₀, в 1955 г. он понизился до 19,4, в 1977 г. — до 15,5, а в 1981 г. — до 13,1⁰/₀₀. Долгое время Япония занимала одно из последних мест в мире по заболеваемости раком молочной железы, и лишь недавно частота его среди японских женщин стала увеличиваться, что, вероятно, отчасти можно считать реакцией на перестройку репродуктивного поведения. По прогнозу, к 2000 г. рак молочной железы у японок займет ведущее место в онкологической патологии⁴.

Таблица 1

Стандартизованные* показатели заболеваемости раком молочной железы в СССР в 1960—1979 гг. (на 100 тыс. женщин)

1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1978	1979
10,4	13,7	15,2	16,2	16,6	17,6	18,3	19,2	20,7	21,3

* Стандарт — население 46 стран мира в 1950 г. или близкие к нему годы. Он повсеместно принят в статистике рака

³ Cancer statistics, 1983//CA, 1984. Vol. 33. N 1. P. 9—25.

⁴ Inma T. A., Tatenno Y. Future trend in cancer incidence in Japan. Numerical prediction up to the year 2000//Jap. J. Cancer Clin., 1981. Vol. 27. N 2. P. 101—107.

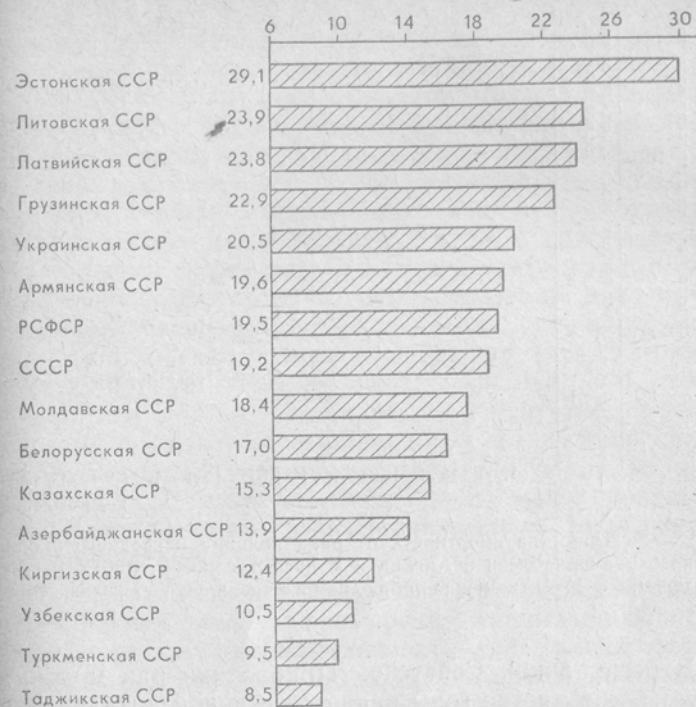

Рис. 1. Стандартизованные показатели заболеваемости населения СССР и союзных республик раком молочной железы в 1975 г. (на 100 тыс. женщин)⁵

Подобная зависимость между рождаемостью и частотой рака молочной железы характерна и для нашей страны. За период с 1960 по 1980 г., т. е. во время наиболее активного распространения малодетности, заболеваемость этой формой рака возросла более чем вдвое (табл. 1)⁶.

Показательна и территориальная дифференциация рака молочной железы в СССР: заболеваемость минимальна в республиках Средней Азии, где сохраняется наиболее высокая рождаемость, и максимальна в прибалтийском регионе, где рождаемость, как известно, уже давно опустилась до низкого уровня. Республики же со средним уровнем рождаемости занимают промежуточное положение и по заболеваемости раком молочной железы (рис. 1).

⁵ Злокачественные новообразования в СССР. Л., 1980.

⁶ См.: Вопросы онкологии. 1981. Т. 27. № 9. С. 8; № 11. С. 5.

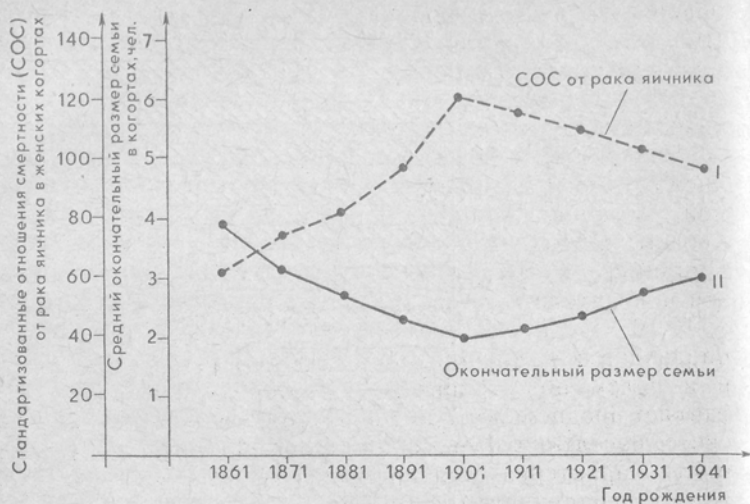

Рис. 2. Динамика смертности от рака яичника и среднего окончательного размера семьи в Англии и Уэльсе для когорт 1861–1941 гг. рождения. COC — отношение наблюдаемого числа случаев к ожидаемому.

В республиках Советской Прибалтики рак молочной железы уже многие годы является главной локализацией злокачественных новообразований у женщин. Динамика показателей позволяет предполагать, что к 1985–1990 гг. он станет ведущей формой опухолей у женщин в масштабах СССР, оттеснив на второе место рак желудка⁷.

Тем же закономерностям, хотя и в меньшей степени, подчиняются две другие опухоли женской половой сферы — рак яичника и тела матки (эндометрия). Рост частоты этих опухолей отмечен в большинстве стран с низкой рождаемостью. В этой связи большое значение имеет исследование смертности от рака яичника в широкой перспективе, охватившее все женские когорты Англии и Уэльса 1861–1941 гг. рождения, т. е. практически за весь период снижения рождаемости⁸. На рис. 2 отражена тесная обратная зависимость между смертностью от этой опухоли и показателем среднего окончательного

⁷ См. там же. С. 117

⁸ Beral V., Fraser P., Clibers C. Does pregnancy protect against ovarian cancer? // *Lancet*, 1978. N 1 P 1083–1086.

размера семьи (используемого в качестве индикатора уменьшения числа рожденных детей).

Данные многочисленных эпидемиологических исследований свидетельствуют, что подобные связи не носят случайного характера. За ними стоят реальные этиологические закономерности и биологические механизмы⁹. Отдельные черты современного типа репродуктивного поведения в группах населения с низкой рождаемостью превращаются в факторы онкологического риска: рожая определенное число детей, пользуясь теми или иными средствами ограничения деторождения, женщина, сама того не подозревая, существенно влияет на вероятность появления у нее злокачественной опухоли. Это может произойти в далеком будущем, поскольку все эффекты в онкологии отдалены от причинного воздействия на величину латентного периода, длящегося порой не одно десятилетие. В этом смысле репродуктивное поведение выступает как часть самосохранительного (витального) поведения личности.

Какая же модель репродуктивного поведения оказывается оптимальной с точки зрения минимизации последующего риска возникновения опухоли? Дальше мы попытаемся показать, что эта модель в основном совпадает с типом репродуктивного поведения, наиболее желательным с позиций демографических интересов общества.

Начнем с рака молочной железы, доминирующего, как уже говорилось, в структуре онкологической патологии женщин во всех развитых странах. Влияние детородной функции на риск развития этой формы рака известно с давних пор. Еще в 1930 г. С. А. Новосельский опубликовал статью «О связи рака женской половой сферы с семейным состоянием женщины»¹⁰, в которой на примере Англии и Ленинграда показал аналогичный характер различий в заболеваемости раком молочной железы (а также яичника и матки) между замужними женщинами и вдовами, с одной стороны, и незамужними женщинами — с другой.

Пользуясь данными переписи населения 1926 г. о семейном состоянии женщин и сведениями о распределе-

⁹ О биологических механизмах действия факторов риска см.: Смуглевич В. Б., Ременник Л. И. Указ. соч.

¹⁰ Врачебная газета. 1930. № 5. С. 355–357

нии умерших от рака в 1925—1928 гг. по возрасту и состоянию в браке, С. А. Новосельский показал, что рак молочной железы (а также рак яичника) встречается у одиноких женщин почти вдвое чаще, чем у состоящих (или состоявших) в браке. Он предположил, что брачное состояние важно не само по себе, а лишь постольку, поскольку оно отражает опыт деторождения и кормления грудью.

Гипотеза эта подтверждалась тем фактом, что рак молочной железы регистрировался в Англии значительно чаще, чем в Ленинграде, в то время как рождаемость там была намного ниже — 17,4 на 1000 против 25,7 в Ленинграде. С. А. Новосельский заключил, что, «не предвещая вопроса о причинной связи этих явлений, их следует принять к сведению».

Исследования по эпидемиологии рака молочной железы за последние десятилетия показали правильность идеи о том, что факторы, связанные с брачностью, в этиологическом плане вторичны по отношению к факторам репродуктивной функции. Из них первостепенное значение большинство исследователей придают возрасту женщины к моменту первых родов и числу рожденных детей. На сегодня твердо установлено, что минимальный риск заболевания раком молочной железы имеют женщины, родившие нескольких детей в молодом возрасте. При этом защитное, антиканцерогенное влияние беременности на ткани молочной железы начинается лишь после вторых-третьих родов, а однопородные женщины имеют почти такой же риск заболевания, как совсем не рожавшие. Важнейшим параметром является возраст начала деторождения: у родивших первенца до 20 лет риск примерно втрое ниже по сравнению с родившими первого ребенка после 35 лет¹¹.

Поздний возраст к моменту первых родов связан с повышенным риском заболевания раком молочной железы не только для самой матери, но и для ее дочерей: женщи-

¹¹ Долгое время среди эпидемиологов шли споры об относительной значимости этих двух факторов. Многие считали, что за фактором «большее число детей» скрывается единственный этиологически значимый фактор — «ранние первые роды». В последнее время показана самостоятельная роль нескольких родов в защите молочных желез от злокачественного перерождения. По-видимому, эти два фактора образуют единый биологический феномен: ранние первые роды закладывают основу антиканцерогенной защиты молочных желез, а каждые последующие роды вносят в нее свой дополнительный вклад.

ны, рожденные молодыми матерями, имеют риск на 25% ниже¹².

Таким образом, среднететность (3—4 ребенка), признанная сегодня демографическим оптимумом исходя из долговременных интересов семьи и общества, одновременно является оптимальной для снижения риска онкологического заболевания женщины в пожилом возрасте¹³. Раннее начало деторождения, свойственное, как правило, женщинам с несколькими детьми, также вполне вписывается в идеальную медико-демографическую модель.

Теперь позволим себе небольшое отступление и рассмотрим тенденции заболеваемости опухолями половой сферы женщин в нашей стране в свете сказанного о факторах риска.

Анализируя рост заболеваемости раком молочной железы¹⁴ в СССР за 1960—1979 гг. (см. табл. 1), можно убедиться, что максимальное ее увеличение происходило в женских поколениях рожения 1918—1928 гг., вступивших к началу 60-х гг. в возраст наибольшего риска этого заболевания. Между тем именно эти когорты были больше всего затронуты нарушениями в брачности и рождаемости за годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Образование многомиллионного численного перевеса женщин в населении прежде всего отразилось на брачности, особенно ранней¹⁵, а следовательно, и на откладывании первых рождений и снижении общего их числа.

Так, доля вступивших в брак к 18 годам среди женщин 1913—1917 гг. рождения (т. е. в 1931—1935 гг.) составляла 10,8%, а за период с 1941 по 1950 г. она уменьшилась примерно вдвое. Очевидно, на представительниц названных поколений в молодости с особой силой действо-

¹² Rothman K. J., MacMahon B., Lin T. M. Maternal age and birth rank of women with breast cancer//JNCI. 1980. Vol. 65. N 4. P. 719—723.

¹³ У женщин, родивших несколько детей, также существенно понижается вероятность заболеть раком яичника и тела матки благодаря положительно влиянию беременности на эндокринные процессы в репродуктивной системе.

¹⁴ Точных сведений о заболеваемости раком яичника и тела матки по СССР нет, поскольку в отечественной онкологической статистике эти локализации не выделяются при разработке данных, а входят в группу «других женских половых органов».

¹⁵ См.: Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 50—61.

вали два важных фактора риска заболевания раком молочной железы: поздние первые роды и малодетность (нередко и бездетность). Вероятно, это и послужило одной из причин значительного роста заболеваемости в последние десятилетия. Наибольшие нарушения произошли в брачно-репродуктивном поведении русских, украинок, белорусок и армянок¹⁶, заболеваемость которых в дальнейшем заметно возросла¹⁷.

В той или иной степени война отразилась на брачности и рождаемости всех женских когорт рождения примерно с 1913 по 1947 г.¹⁸ Последствия этого, вероятно, скажутся и на их онкологической заболеваемости в недалеком будущем.

Все народы СССР с различной скоростью вовлекаются в процесс снижения рождаемости. Для многих республик весь путь к низкой рождаемости уже пройден. Как известно, около 80% населения страны имеют уровень рождаемости, находящийся ниже примерной границы простого воспроизводства. Доля семей с 1—2 детьми среди рабочих и служащих составляет 89,2%, а в городах — даже 92,9%¹⁹.

В республиках с низкой рождаемостью постепенно выравниваются различия в ее уровне между городом и селом, а в регионах с высокой рождаемостью растет доля городского населения. Обследование репродуктивных установок населения (ЦСУ СССР, 1972) позволяет предполагать, что уровень рождаемости по стране в целом будет снижаться до минимальных показателей крупнейших городов²⁰.

Важнейшим дифференцирующим фактором рождаемости был и остается уровень образования; доля женщин с высшим и средним специальным образованием (характеризуемых самой низкой рождаемостью) также неуклонно возрастает²¹.

Несмотря на процесс «омоложения» брачности²², рост образовательного уровня женщин ведет, помимо снижения желаемого числа детей, к откладыванию первых рождений до окончания образования и периода «утверждения в профессии». По данным на 1973 г., у матерей моложе 20 лет родилось 18,5% первых детей (по стране в целом, т. е. главным образом за счет республик Средней Азии), а у матерей старше 25 лет — более 20%²³. Кроме того, само вступление в брак далеко не всегда ведет к быстрому рождению первенца. Как показало изучение демографического поведения семей в первые годы брака в Вильнюсе, около 85% супругов считают оптимальным протогенетический интервал, равный 1—4 годам²⁴.

Таким образом, нарушения в репродуктивном поведении женщин в прошлом в наше время приводят к неблагоприятной динамике заболеваемости опухолями женской половой сферы. По-видимому, ее продолжения следует ожидать и в будущем. Противостоять этому могут лишь коренные изменения в репродуктивной практике населения.

Один из главных аспектов индивидуального репродуктивного поведения — выбор тех или иных методов и средств контроля над рождаемостью. Оказывается, что и в этой сфере демографически оптимальные цели совпадают с задачами укрепления здоровья женщин, сокращения риска заболеваемости женской половой сферы.

Искусственный аборт, остающийся на сегодня одним из распространенных методов ограничения рождаемости, признан демографами крайне нежелательным, так как нередко послеабортные осложнения (вторичное бесплодие, хронические гинекологические заболевания) мешают семье реализовать даже имеющуюся потребность в детях. Более или менее известны непосредственные и ближайшие осложнения этой операции. Однако ни практические врачи, ни тем более сами женщины не осведомлены об отдаленных, в том числе онкологических, последствиях искусственного прерывания беременности.

Между тем известно, что злокачественные опухоли шейки матки и эндометрия, а также рак молочной железы особенно распространены в тех этнических, социально-

²² См.: Бондарская Г. А., Ильина И. П. Указ. соч. С. 7—38.

²³ См.: Борисов В. А., Киселева Г. П. Указ. соч. С. 9—30.

²⁴ См.: Каткова И. П. Особенности демографического поведения семей в первые годы брака // Молодая семья. М., 1977. С. 84—95.

¹⁶ См.: Бондарская Г. А., Ильина И. П. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР // Демографическое развитие семьи. М., 1976. С. 7—38.

¹⁷ См.: Злокачественные новообразования в СССР. С. 110, 118.

¹⁸ См.: Ильина И. П. Указ. соч.

¹⁹ См.: Борисов В. А., Киселева Г. П. Актуальные проблемы воспроизводства населения в свете решений XXVI съезда КПСС // Проблемы воспроизводства и миграции населения. Труды ИСИ АН СССР. М., 1981. С. 9—30.

²⁰ См.: Борисов В. А., Киселева Г. П. Указ. соч. С. 9—30.

²¹ См.: Вестник статистики. 1982. № 1. С. 66; 1981. № 11. С. 72.

профессиональных и других группах женщин, где часто практикуются аборт²⁵. С онкологической точки зрения (как и с любой другой) особую опасность представляют первые²⁶, многократные и внебольничные²⁷ аборт, вызывающие наиболее тяжелые осложнения и последствия.

Механизм канцерогенного действия аборта, по-видимому, связан с так называемым «гормональным ударом», наносимым организму беременной женщины в результате внезапного резкого прерывания глубокой перестройки в деятельности эндокринной, нервной, иммунной и других систем. При повторных абортах подобные нарушения могут накапливаться и приводить к хроническим эндокринным расстройствам, ослаблять иммунитет и вызывать другие изменения, способствующие злокачественной трансформации тканей. В развитии опухолей матки, кроме того, играют важную роль хронические воспалительные процессы, возникающие в результате травмирования полости матки при операции прерывания беременности.

В условиях необходимости регулирования плодородности единственную альтернативу абарту составляют средства контрацепции. К сожалению, наиболее эффективные и удобные из них — гормональные оральные препараты, или так называемые пиллюли, — мало распространены в нашей стране. Одной из причин этого было и остается

бытующее среди практических врачей и женщин мнение об опасных последствиях для здоровья этого метода контрацепции²⁸.

В частности, большая тревога связывалась с предполагаемыми онкологическими последствиями приема пиллюль. В середине 80-х годов, по прошествии более 20 лет с момента массового внедрения пиллюль в гинекологическую практику западных стран (т. е. когда гипотетические онкологические результаты этих мер уже могли осуществиться), большинство исследователей этого вопроса сходятся во мнении, что прием пиллюль, даже довольно длительный, не ведет к риску заболевания раком молочной железы и гениталий.

Осторожность в применении гормональных контрацептивов, вероятно, следует проявлять лишь отдельным категориям женщин (например, молодым, не имеющим детей или страдающим доброкачественными заболеваниями молочных желез)²⁹. Более того, в последние годы было показано, что контрацептивные гормональные препараты защищают от злокачественного перерождения яичники и эндометрий, а также уменьшают вероятность появления доброкачественных опухолей молочных желез и дают ряд других благоприятных гинекологических эффектов.

Поэтому в онкологическом плане гормональную контрацепцию можно с высокой степенью вероятности счи-

²⁵ Например, у русских женщин, живущих в республиках Средней Азии, частота этих опухолей гораздо выше, чем у женщин коренных национальностей, крайне редко прибегающих к абарту (см.: Канунникова Л. Н. Особенности распространенности рака шейки матки в Киргизской ССР // Вопросы клинической и экспериментальной онкологии. Фрунзе, 1980. С. 42—46).

²⁶ Исследование, недавно проведенное в Великобритании, показало, что аборт в первом триместре первой беременности ведет к увеличению риска заболевания раком молочной железы примерно в 2,5 раза. Характерно, что прерывание первой беременности усиливает вероятность заболевания в молодом возрасте; все опрошенные женщины заболели раком молочной железы до 32 лет (Pike M. C., Henderson B. E. et al. Oral contraceptive use and early abortions as risk factors for breast cancer in young women // Brit. J. Cancer. 1983. Vol. 43. P. 72—76).

²⁷ Несмотря на легальность аборта в СССР, внебольничное прерывание беременности все же имеет место; его частота по отношению ко всем произведенным абортам на некоторых территориях достигает 80%. При этом около 75% женщин производят это прерывание самостоятельно с помощью различных «народных средств» и приспособлений. Из общего числа внебольничных аборт 70% в городах и 90% в сельской местности приходится на женщин, прерывающих первую беременность (см.: Попов А. А. О частоте и причинах внебольничных аборт // Здравоохранение Российской Федерации. 1982. № 6. С. 27—30).

²⁸ Большое удивление вызывает этот феномен массового сознания. Нам не раз приходилось слышать рассуждения рядовых гинекологов и их пациенток о разного рода «страшных» последствиях приема гормональных контрацептивов. Странно, что при этом мало кому приходит в голову сравнивать этот риск с риском аборта и выбирать из двух зол меньшее. К сожалению, в нашей стране высока психологическая приемлемость аборта: для многих женщин он является чем-то само собой разумеющимся, естественным, хотя и неприятным, делом.

²⁹ Самые последние исследования позволяют считать и эти ограничения излишними. В ходе фундаментального изучения репродуктивного анамнеза всех больных раком молочной железы, зарегистрированных в 8 регионах США, было убедительно показано, что прием современных контрацептивных препаратов не влияет на риск заболевания. Степень риска не зависит ни от сроков приема, ни от давности его завершения. Не найдено повышенного риска при использовании гормонального метода контрацепции и в подгруппах женщин, предрасположенных к раку молочной железы по ряду других признаков (бездетность и др.). Не подтвердилась и гипотеза об опасности приема пиллюль в целях отсрочки первой беременности. Сделан вывод, что гормональные препараты не опаснее, чем другие методы предохранения от первой беременности. Вероятно, важен не метод, а сам факт отсрочки первых родов — важный фактор риска для данной опухоли.

тать безопасной (хотя исследования в этой области продолжаются, и окончательный ответ предстоит дать в недалеком будущем). Здесь же отметим, что, по последним данным, риск появления сердечно-сосудистой патологии (тромбозов, артериальной гипертонии и др.) в связи с приемом пилюль у женщин моложе 35 лет пренебрежимо мал, а в возрасте 35—45 лет он примерно равен риску курильщиц³⁰. Поэтому, учитывая высокую эффективность и удобство этого метода контрацепции, некоторый риск, сопряженный с его использованием, можно считать приемлемым, особенно если рассматривать его как альтернативу абортам.

Сложнее однозначно оценить так называемые «барьерные» методы контрацепции³¹, наиболее распространенные в нашей стране, несмотря на их низкую эффективность и психосексуальную неприемлемость для большинства людей. Некоторые исследователи считают, что применение этих методов предохраняет женщину от риска занесения онковируса или другого неизвестного канцерогенного агента, индуцирующего опухоль шейки матки³².

Однако более оправданным представляется мнение о том, что длительное использование «барьерных» методов контрацепции лишает женский организм суммы биологически значимых стимулирующих компонентов, содержащихся в сперме (прежде всего гормонов). Нарушая эндокринный баланс организма, этот дефицит может прямо или косвенно содействовать злокачественной трансформации тканей молочной железы и других органов репродуктивной системы³³. В связи с этим названную группу традиционных методов контроля над рождаемостью следует признать нежелательной и с онкологической точки зрения.

В итоге из всего арсенала доступных средств ограничения деторождения оптимальными, как с позиций репродуктивных интересов семьи и общества, так и с точки

³⁰ Hilka B. S. Oral contraceptives. The good news//J. Amer. Med. Assoc. 1983. Vol. 249. N 12. P. 1624—1625.

³¹ Сюда относятся все методы, предотвращающие попадание спермы в половые пути женщины: прерванное сношение, мужской презерватив, шеечные колпачки и диафрагмы, воздержание.

³² Сейчас широко изучается гипотеза о горизонтальной передаче (по механизму венерических инфекций) этиологического агента, вызывающего рак шейки матки, — предположительно вируса из группы Herpes.

³³ Giorgov A. N. Barrier contraception and breast cancer//Contrib. to Gynecol. and Obstetrics. 1980. Vol. 8.

зрения минимизации онкологического риска, вероятно, являются оральные контрацептивные препараты, применяемые короткими сериями (1—2 года) попеременно с другими эффективными средствами (например, ВМС³⁴). Сравнивая степень риска, всегда сопряженную с любым вмешательством в физиологию репродуктивной и сексуальной функции человека, наибольшим злом все же следует признать аборт.

Из изложенного можно заключить, что основные параметры репродуктивного поведения оказывают заметное влияние на риск развития в будущем опухолей половой сферы³⁵, являясь тем самым неосознанной частью самосохранительного поведения индивида. Поэтому важно довести до сознания женщин и лечащих их врачей, какие аспекты реализации детородной функции несут с собой онкологическую опасность. Знания эти должны составлять такой же неотъемлемый элемент общей медицинской культуры населения, как, скажем, знания о вреде алкоголя и курения³⁶.

«Партия ставит задачу, — отмечено в новой редакции Программы КПСС, — добиться повсеместного и полного удовлетворения потребностей жителей города и села во всех видах высококвалифицированного медицинского обслуживания, кардинального повышения его качества»³⁷. Это предполагает и развитие медико-санитарного просвещения, улучшение информированности населения о здоровом образе жизни, формирование рациональных привычек и т. п. Женщины должны знать о факторах риска

³⁴ В доступной нам литературе не оказалось сведений об онкологической опасности ВМС.

³⁵ В настоящей статье мы ограничились опухолями половой сферы у женщин, поскольку в силу физиологического разделения функций зависимость между репродуктивным поведением и онкологическим риском у них выражена сильнее. Однако нельзя не отметить, что рождаемость и сексуальная активность заметно сказываются на заболеваемости раком половой сферы и у мужчин (см.: Смулевич В. Б., Ременик Л. И. Указ. соч.).

³⁶ Формирование у населения «онкологической настороженности» — чрезвычайно актуальная задача, в частности, потому, что в ряде случаев существуют простые методы самостоятельного обнаружения ранних симптомов онкологического заболевания. Пример тому — самообследование молочных желез, которому во многих странах уже обучено большинство женщин. Благодаря этому опухоли диагностируются значительно раньше и лечатся успешнее.

³⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 153.

такого распространенного заболевания, как рак.

Конечно, наивно было бы думать, что страх перед онкологическими заболеваниями вследствие низкой рождаемости, аборт и т. д. немедленно приведет к массовой перестройке репродуктивных норм и установок. Однако в любом случае женщинам необходимо отчетливо представлять возможные последствия своих действий.

С точки зрения демографов, идеальное репродуктивное поведение женщины, отвечающее потребностям развития семьи и общества, и самосохранительное поведение, направленное на уменьшение онкологического риска, практически совпадают по всем позициям.

Действительно, «идеальная» женщина сравнительно рано (до 22—24 лет) выходит замуж и рождает первенца, за которым следуют (с 2—4-летними интервалами) еще двое-трое детей. Она не прибегает к аборт для прерывания первой и последующих беременностей (что грозит ей вторичным бесплодием и гинекологическими заболеваниями), а пользуется эффективными контрацептивными средствами, позволяющими ей регулировать сроки появления детей. Поступая таким образом, она одновременно предохраняет себя от онкологического заболевания, причём «задел» этот распространяется на длительную перспективу, поскольку рак возникает обычно в пострепродуктивных возрастах.

Отсюда можно заключить, что цели демографической политики в области здоровья населения и в сфере формирования оптимального репродуктивного поведения вполне соответствуют друг другу и, будучи реализованы, дадут взаимно усиливающий эффект.

ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

Неотъемлемой частью государственной системы помощи семье являются детские дошкольные учреждения. В принятых XXVII съездом КПСС Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусмотрено «в ближайшие годы решить проблему обеспечения детей дошкольными учреждениями, улучшать условия воспитания детей в них. Построить дошкольные учреждения примерно на 3 млн. мест»¹.

Обеспеченность дошкольными учреждениями оказывает влияние на количественную и качественную стороны воспроизводства населения. Наличие детских учреждений играет важную роль при планировании числа детей в семьях. Особенно важно это обстоятельство для молодых семей, отделившихся от родительских семей.

Качественная сторона воспроизводства населения связана с уровнем физического развития и здоровья подрастающего поколения, с уровнем его интеллекта и воспитания. Поэтому создание одинаково благоприятных условий для содержания и воспитания детей в детских учреждениях способствует формированию полноценных членов социалистического общества, их разностороннему умственному и физическому развитию. Более того, пребывание детей в дошкольных учреждениях способствует повышению материальной обеспеченности семьи: участвуя в общественном производстве, женщина пополняет семейный бюджет своей заработной платой. Кроме того, дотации государства на содержание каждого ребенка в яслях или саду составляют свыше 400 руб. ежегодно.

Компенсируя ограниченность времени на воспитание детей у работающей женщины, детские сады способст-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 312.

вуют разностороннему развитию детей. Приходится учитывать, что значительный объем домашнего труда в сочетании с занятостью на производстве подчас лишают женщину возможность уделить достаточно времени воспитанию детей. По данным исследования бюджетов времени, работающие женщины-горожанки затрачивают на воспитание детей в 12 раз меньше времени, чем на домашний труд, и в 8 раз меньше, чем на приготовление пищи². В этих условиях особенно возрастает значение повышения качества воспитательной работы с детьми в дошкольных учреждениях.

При планировании численности детей практически любая семья учитывает наличие в данной местности дошкольных учреждений и свободных мест в них, качество ухода за малышами. Это и понятно, так как речь идет о возможности участия в общественном производстве женщин, имеющих малолетних детей.

По данным обследования, свыше 40% опрошенных работниц³ считают, что для создания наилучших условий сочетания профессиональной деятельности с семейными обязанностями необходимо увеличить число детских дошкольных учреждений.

Установлено, что среди работниц, имеющих длительные перерывы в работе в связи с рождением и воспитанием детей, каждая пятая женщина мотивирует свой перерыв отсутствием мест в дошкольных учреждениях или неудовлетворительным качеством ухода за детьми в них.

Среди женщин с детьми дошкольного возраста каждая пятая перемена ими места работы связана с трудностями с устройством детей в дошкольные учреждения. Как правило, перед женщиной возникает альтернатива: либо предоставление ее ребенку места в яслях или детском саду в кратчайший срок, либо вынужденное увольнение с предприятия. При этом следует учитывать, что на многих предприятиях потребность в детских учреждениях удовлетворена не полностью. Поэтому полу-

чение в короткий срок места в детском учреждении на каком-либо другом предприятии также затруднено. В результате недостаток мест в дошкольных учреждениях заставляет молодых работниц временно оставлять производство.

Проблема строительства детских дошкольных учреждений особенно актуальна в восточных районах страны, прежде всего в районах нового освоения. Значительную часть приезжающего туда трудоспособного населения составляют молодые люди, не имеющие престарелых членов семьи, которые могли бы, хотя бы временно, обеспечить присмотр и уход за детьми. В этих условиях, если нет возможности устроить ребенка в ясли или сад, один из трудоспособных членов семьи вынужден оставлять работу. При рождении ребенка, если отсутствует возможность устроить его в ясли, молодые семьи нередко переезжают к месту жительства родителей.

В стране насчитывается свыше 130 тыс. дошкольных учреждений, которые посещают 15 млн. детей⁴. В ряде областей, где вопросам развития сети дошкольных учреждений уделяется должное внимание, обеспеченность детей местами в них весьма высока: в Вологодской области — 93,1%, в Костромской — 91,6, в Архангельской — 91,0, в Коми АССР — 90,8, в Ивановской области — 90,4%. В целом же, по данным обследования, население городов и поселков РСФСР обеспечено яслями и детскими садами не более чем на $\frac{3}{4}$. Следствием этого является значительная перегрузка детьми ряда действующих садов и яслей. Немало и тех, кто вынужден подолгу ожидать предоставления места в них. Нехватка детских учреждений во многом обусловлена систематическим недовыполнением планов их строительства.

Необходимо учитывать также социальный и народнохозяйственный ущерб, связанный с заболеваемостью детей, посещающих ясли и сады. Несмотря на принимаемые меры, она остается в последние годы примерно на одном и том же уровне. В связи с уходом за больными детьми (учитывая только посещающих дошкольные учреждения) в 1983 г. по народному хозяйству РСФСР в городской местности, по нашим ориентировочным расчетам, потеряно 150 млн. человеко-дней. В результате промышленностью республики за год недополучено про-

² См.: Экономика и организация промышленного производства. 1978. № 3. С. 83.

³ Здесь и далее приводятся материалы обследования, проведенного в 1983—1984 гг. научно-исследовательской лабораторией трудовых ресурсов Госкомтруда РСФСР. В ходе обследования опрошено 9 тыс. работников промышленных предприятий, расположенных в 10 городах РСФСР.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1983 г. М., 1984. С. 445—446.

дукции примерно на 4,5 млрд. руб.

Основными причинами заболеваемости детей являются: переуплотненность групп, нарушение санитарно-гигиенического режима, недостатки в работе персонала.

О наличии резервов снижения заболеваемости детей, посещающих дошкольные учреждения, свидетельствуют существенные ее колебания по регионам. Даже в рамках одного и того же экономического района эти колебания весьма значительны: в Татарской АССР число дней, пропущенных одним ребенком по болезни, почти вдвое выше, чем в Волгоградской области; в Брянской области этот показатель почти в 2 раза выше, чем в Калужской, и т. д.

Среди всех заболеваний детей, посещающих детские учреждения, свыше $\frac{2}{3}$ приходится на долю ангины, гриппа и ОРЗ, т. е. тех заболеваний, в профилактике которых особую роль играет закаливание, соблюдение температурного режима, своевременная изоляция заболевших и т. д. Решение таких задач вполне по силам персоналу детских учреждений. Это подтверждает правомерность постановки вопроса о необходимости повышения эффективности усилий работников дошкольных учреждений по сокращению детской заболеваемости. Практика показывает, что имеются детские сады (причем немало), где заболеваемость детей в 2—3 раза ниже средних по республике показателей. Интересен в этом плане опыт московского детского сада № 376. Детский сад этот довольно типичный, не слишком избалованный вниманием шефов, однако заболеваемость детей сокращена здесь вдвое против среднереспубликанского показателя. Во-первых, помогло проводимое каждый день закаливание: контрастное обливание ног, сквозное проветривание, облегченная одежда, в летнее время — обливание, бег босиком по специально политым дорожкам, купание в плескательных бассейнах, установленных во дворе садика. Во-вторых, внимание к малышу: здесь не забывают проверить, сухие ли у него ноги, полностью переодеть после прогулки вспотевшего ребенка и просушить одежду во время дневного сна. В-третьих, заслон распространению инфекции. Каждый ребенок осматривается по утрам, при необходимости ему измеряют температуру. Если малыш был днем вялый, то обязательно посоветуют родителям проследить дома за его самочувствием, чтобы не просмотреть начало болезни. Вечером родителям заболевших детей позвонит врач детсада,

чтобы в случае инфекционного заболевания немедленно принять меры, препятствующие его распространению. Чтобы предотвратить болезни, практикуют здесь и диспансеризацию детей специалистами поликлиники, приезжающими в сад.

Есть и другие пути, помогающие победить болезнь. Во всех городах Ростовской области организованы передвижные реабилитационные кабинеты, работники которых проводят в садах физиотерапевтическое лечение, корригирующую гимнастику. Исследования Института гигиены детей и подростков Минздрава СССР показывают, что двигательная активность детей в большинстве детских учреждений составляет лишь половину их возрастной потребности. Между тем, как показывают исследования этого же института, повышение двигательной активности детей, проведение физкультурных занятий круглый год на открытом воздухе сокращают число случаев острых респираторных заболеваний в 2 раза и в 3—4 раза уменьшают число болеющих детей. Поэтому представляет интерес опыт г. Кемерово, где в групповых комнатах ясельных групп повесили канат, установили лестницу, «шведские стенки», постелили на пол маты. Занятия проходят под присмотром воспитателей. Травм у детей нет, а случаев острых респираторных заболеваний в этих группах в 4—5 раз меньше, чем в обычных.

Внедрение на Лидской обувной фабрике им. 60-летия Октября (Белорусская ССР) комплекса мероприятий по закаливанию детей (ежедневное обтирание тела и обливание ног, солнечные и воздушные ванны, хождение босиком, занятия плаванием) способствовало тому, что число дней болезни на одного ребенка сократилось в подведомственном саду за последние 4 года на $\frac{1}{3}$. Проведение подобного комплекса мероприятий в 15 дошкольных учреждениях Куровского производственного меланжевого комбината привело к сокращению потерь рабочего времени за год на 1,1 тыс. дней, что позволило выработать дополнительно продукции на 136 тыс. руб.

Эффективный комплекс мероприятий по совершенствованию физического воспитания и укрепления здоровья детей внедрен в яслях-саду Вильнюсского швейного производственного объединения «Ляляя». Созданы благоприятные условия для самостоятельной двигательной активности детей. Для игр и упражнений в группы вносятся ребристые доски, мостики, надувные матрацы, по

которым дети с удовольствием ходят босиком, прыгают и ползают. Рационально используются все помещения яслей: детям предоставлена возможность играть и двигаться в коридорах и вестибюлях. Здесь можно покататься на велосипеде, на педальной машине. Для повышения двигательной активности детей используются и занятия по рисованию и аппликации, во время которых дети работают, стоя за мольбертами. На физкультурной площадке имеются цели для метания, турники, веревочные лестницы, канаты, горки для скатывания, гимнастическая стенка, дорожка для профилактики плоскостопия, велотрасса. Есть в физкультурном зале даже зеркальная стена, которая помогает детям контролировать свои движения. Летом во дворе действует плескательный бассейн. Вся мебель в яслях-саду подобрана по росту детей, придумано приспособление, меняющее высоту столов и стульев. Предприятие ввело дотацию на питание детей. В результате проводимой работы число дней, пропущенных детьми по болезни, за последние три года здесь существенно сократилось: с 13 до 7 дней в год в среднем на одного ребенка.

Заслуживает распространения комплекс мероприятий по снижению заболеваемости детей, посещающих дошкольные учреждения, успешно внедряемый Минлегпромом СССР на подведомственных предприятиях с 1978 г. Настоящий комплекс предусматривает повышение персональной ответственности руководителей предприятий и председателей ФЗМК за охрану здоровья детей в дошкольных учреждениях, установление действенного контроля за ходом строительства и вводом в эксплуатацию детских учреждений, вывод их из ветхих и непригодных помещений, благоустройство зданий и участков детских садов и яслей, соблюдение установленных норм наполняемости групп, улучшение питания детей, комплектование детских учреждений квалифицированными кадрами, премирование работников садов и яслей за снижение заболеваемости детей. Внедрение этого комплекса мероприятий заметно сократило заболеваемость детей, а соответственно и потери рабочего времени родителей, что позволило только в 1983 г. выработать в системе Минлегпрома СССР дополнительно продукции на 113 млн. руб.

Премирование работников дошкольных учреждений с учетом заболеваемости детей экономически высокоэф-

фективно: выплата каждого рубля премии может принести 10-кратный экономический эффект уже в том случае, если количество простудных заболеваний снизится в каждой группе детского сада хотя бы на одно в месяц.

На Макеевском металлургическом комбинате им. С. М. Кирова уже в первый год внедрения подобной системы премирования стоимость продукции, полученной за счет сокращения заболеваемости детей, в 8 раз превысила размеры премий, выплаченных работникам дошкольных учреждений. Однако в настоящее время узаконенная система премирования не получила широкого распространения. Премирование на многих предприятиях ведется по устаревшей, на наш взгляд, схеме: если выполнил, к примеру, завод план, то получают премию и работники детского сада. Представляется, что подобная система премирования не обеспечивает прямой связи между премией и качеством работы воспитателя. Внедрение опыта Минлегпрома СССР и снижение до достигнутого здесь уровня заболеваемости детей в ведомственных дошкольных учреждениях промышленных предприятий, расположенных на территории РСФСР, позволило бы, по нашим расчетам, получить дополнительно продукции на 650 млн. руб. в год.

Заболеваемость в детских учреждениях органов народного образования несколько выше, чем в ведомственных. Подобная ситуация в значительной степени связана с менее благоприятной материальной базой дошкольных учреждений органов народного образования и здравоохранения. Наши расчеты, основанные на материалах обследования, позволяют сделать вывод, что сокращение заболеваемости в дошкольных учреждениях органов народного образования и здравоохранения, расположенных в городской местности РСФСР, до уровня ведомственных может сберечь 3,7 млн. рабочих дней родителей. Укрепление материальной базы детских учреждений органов народного образования и здравоохранения, как показывает опыт, способствует помощи шефствующих предприятий и организаций. Однако подобное шефство пока еще должным образом организовано далеко не везде.

Заботясь о садах и яслях, мы сберегаем здоровье детей, экономим сотни тысяч рабочих рук, ведем счет дополнительной продукции на миллионы рублей. Поэтому так важно, чтобы опыт передовых в этой работе стал общей практикой.

БУДУЩЕЕ СЕМЬИ И СЕМЬЯ БУДУЩЕГО В ПРОБЛЕМАТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Столетие-полтора назад, вплоть до второй половины прошлого века, в мировой общественной мысли имели довольно широкое хождение так называемые «картины будущего», главным образом утопического, анархистского толка. Их авторы детально расписывали, как, по их мнению, будут обстоять дела в отдаленном будущем с городами и селами, с транспортом и связью, с трудом и бытом людей и конечно же с населением и семьей. Диапазон воззрений был самый широкий. В отношении семьи, например, от уверенности в «незыблемости семейных устоев», таких, какие наблюдались в буржуазном обществе того времени, до проповеди «упразднения семьи», «свободы любви» и прочего вздора.

Марксизм произвел переворот в представлениях о будущем. Говоря ленинскими словами, не «сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя»¹, а ставить рассматриваемое явление «на ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»² — вот в чем состояла суть перехода от «картин будущего» к подлинно научному предвидению. С марксистских позиций были подвергнуты убийственной критике и попытки рассматривать семью «вне истории», объявить существующие формы ее «единственно возможными», «вечными», и призывы «заменить» семью, как таковую, чем-то иным.

В современной социальной прогностике все реже наблюдаются тщетные попытки предугадывать непредугадываемое, предсказывать то, что принципиально невозможно предсказать, потому что предсказание может быть перечеркнуто решением, в том числе и принятым с

учетом прогноза. Все чаще социальный прогноз нацелен на «взвешивание» последствий того или иного решения, чтобы повысить эффективность планов, программ, проектов. Это достигается разработкой поисковых прогнозов, когда наблюдаемые тенденции условно переносят в будущее, чтобы выявить проблемы, требующие решения, и нормативных прогнозов, когда наилучшее состояние чего-либо известно и надо найти пути достижения его.

Каждая наука имеет триединую функцию — описание (анализ), объяснение (диагноз) и предсказание (прогноз). Эта функция в разных науках развита неравномерно, причем прогностическая ее часть, как правило, гораздо слабее диагностической и особенно аналитической, а нередко вообще находится в зародышевом состоянии. Разорвать такое триединство невозможно, так как наука, сведенная только к анализу или диагнозу явлений, оказывается неполноценной. Отсюда следует, что прогнозирование может и должно развиваться в рамках каждой научной дисциплины.

Между предвидением и управлением существует обратная связь различной степени интенсивности — от практически близкой или равной нулю (теоретически никогда не тождественной нулевому значению) до чрезвычайно интенсивной, вызывающей как бы «поглощение» предсказания решением с эффектом самоосуществления или, напротив, саморазрушения прогноза.

В естественных и технических науках мы оказываемся в той или иной мере ближе к нулевому значению взаимодействия предсказания и решения: многие объекты исследования здесь почти или совсем не поддаются видоизменению с учетом прогноза. В данном случае речь может идти только о безусловном предсказании возможного реального состояния прогнозируемого объекта с целью приспособиться к нему.

В общественных науках мы в той или иной мере приближаемся к противоположному полюсу шкалы. Дело в том, что объекты исследования в них сравнительно легко поддаются видоизменениям под воздействием решений, принятых с учетом прогноза. Здесь открывается простор для самоосуществления и саморазрушения прогнозов. Вследствие этого становится методологически несостоятельной ориентация прогноза на получение безусловного предсказания. Как бы изощренно мы ни пытались пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85.

² Там же. Т. 26. С. 75.

восхитить возможное в будущем реальное состояние прогнозируемого объекта, решения и действия на основе такого предсказания тотчас видоизменяют его состояние, а достоверность прогноза покатится к нулевому значению.

Правда, многие социальные процессы, полностью управляемые теоретически, плохо управляются практически, т. е. на практике проявляются во многом пока еще стихийно, подобно объектам естественных наук (и демографические процессы не составляют здесь исключения). Это позволяет применить по отношению к ним весь арсенал методов естественноведческих прогнозов. Однако нельзя забывать, что стихийность здесь может смениться строго контролируемым, целенаправленным, плановым развитием, и тогда неблагоприятный прогноз не подтвердится.

Так, мы можем очень существенно видоизменить экономику, культуру, структуру семьи и расселения, градостроительство и т. п. Вопрос в том, будет ли такое видоизменение чисто волевым, субъективным (с повышением риска неоптимальности или даже катастрофичности принятого решения) или оно окажется научно обоснованным, т. е. опирающимся на анализ, диагноз и прогноз соответствующего явления (с повышением степени объективности и, следовательно, эффективности). Сказанное и подводит нас к важному методологическому выводу: в социальной сфере прогноз должен быть ориентирован не на безусловное предсказание, а на содействие оптимизации принимаемых решений.

Следует подчеркнуть одну важную особенность поискового социального прогноза: он способен давать своевременное предостережение. Правда, в социальной сфере наблюдается порой своеобразное психологическое «привыкание» людей к тревожным сигналам. Если опасность представляется не непосредственной, а более или менее отдаленной, то людям часто гораздо удобнее продолжать привычный образ жизни в надежде на пресловутое «авось», чем пытаться предотвратить неблагоприятный прогноз. Таким образом, прогноз-предостережение может так и остаться напрасным предостережением.

Необходима высокая избирательность адресата с соответствующей модификацией подачи прогнозной информации (для облегчения ее восприятия специалистами).

Необходимы чрезвычайная заинтересованность общественности в предотвращении неблагоприятного про-

гноза, целенаправленная деятельность правительства по мобилизации социальной активности общественности.

В частности, необходима более высокая информированность общественности о том, что представляет собой по существу поисковый прогноз-предостережение, в чем его отличие от простого безусловного предсказания, как он может и должен соотноситься с оптимизацией принятия решений в сфере социального управления.

Начиная с последней четверти текущего столетия почти во всех странах мира разными темпами и масштабами происходит снижение рождаемости, уменьшение процентной доли многодетных семей. Детская смертность снижается. Многодетная семья становится своеобразным «пережитком прошлого», неизбежно отмирающим. Демографы ООН рассчитали, что при наметившихся средних общемировых темпах снижения рождаемости рост мирового народонаселения должен стабилизироваться к концу XXI в. на уровне примерно 10,5 млрд. человек³.

С другой стороны, рост процентной доли одиночек, бездетных и однодетных семей ведет в ряде экономически развитых стран мира к так называемым депопуляционным явлениям, т. е. к нарастающему уменьшению числа жителей в соответствующей стране. Можно рассчитать, в каком году грядущего тысячелетия в той или иной стране при таких условиях не останется ни одного жителя. Можно также прикинуть, в каком году нарастающее число разводов в США и других странах Запада превысит число браков, и дело дойдет до того, что некому будет разводиться или одиночки составят подавляющее большинство, а затем и всё без исключения население страны.

Нетрудно, однако, понять, что такие расчеты, как говорится, «игра ума», потому что ни одно общество добровольно не пойдет на столь жалкое самоубийство, и что рано или поздно на такого рода явления возникает реакция, которая выправляет положение. Все дело в том, когда возникает и какой ценой выправляет.

Понять-то вроде нетрудно, но находятся люди, которые отказываются понимать. Их возражения сводятся к тому, что, дескать, ничего нет страшного, если в одной стране население уменьшится или даже вовсе сойдет на

³ См.: Глобальная демографическая ситуация // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 3. С. 109—115.

нет, зато в другой оно увеличится и в общем ничего не изменится, а если даже уменьшится народонаселение мира в целом, то только на благо: не будет «перенаселения».

Здесь сплошная цепь недоразумений. С позиций марксизма-ленинизма нет рас, наций, народностей более ценных или менее ценных. Все они во всех отношениях равноценны независимо от численности. Но то, что они равноценны, вовсе не означает, что они как бы «взаимозаменяемы». Каждая ценна сама по себе, и если какая-то по каким бы то ни было причинам исчезла, исчезает или исчезнет с лица Земли, то беднеют человечество, общечеловеческая культура, общечеловеческая цивилизация. Представьте себе, что все народы мира, за исключением, допустим, одного (в данном случае все равно какого), прекратили бы свое существование. Как будет выглядеть в таком гипотетическом случае человечество? — Ущербно!

Что касается уменьшения населения, то это не просто механический процесс, который легко приостановить на любом этапе. Он сопровождается «постарением» возрастной структуры, когда процентная доля пенсионеров повышается в несколько раз и достигает значительной части населения, а процентная доля детей уменьшается примерно в той же пропорции.

На одного ребенка все чаще приходится несколько взрослых. В таких условиях ребенок попадает в противостественное положение. Он теряет нормальную воспитательную среду, в которой важную роль играли старшие и младшие братья и сестры. Чтобы обеспечить нормальное домашнее воспитание своего отпрыска, родителям приходится как бы «по совместительству», наряду с родительскими обязанностями выполнять обязанности «исчезнувших» старших братьев и сестер, иными словами, становиться старшими друзьями своих детей, оставаясь вместе с тем, как и полагается, их «домашним начальством».

Все ли родители способны на это? А если не все, то неизбежно нарастание негативных социальных последствий, которые, во-первых, ускоряют процесс депопуляции, а во-вторых, нарастающе ухудшают качественные — особенно моральные — характеристики каждого следующего подрастающего поколения. Получается порочный круг, который ухудшает положение в растущих масшта-

бах и из которого не так-то просто вырваться. Лучше просто не допускать его возникновения.

Словом, изучение глобальной демографической ситуации и перспектив ее развития убедительно показывает, что не имеют будущего, как массовое явление, за рамками первых десятилетий грядущего века, ни развод, ни одиночка (по крайней мере в возрасте 25—35 лет, т. е. в самом благоприятном для обзаведения детьми возрасте), ни однополовая семья. Подчеркиваем для ясности: как массовое явление, потому что в отдельных случаях и то, и другое, и третье всегда может оказаться неизбежным.

Как массовое явление, развод, одиночка и однополовая семья не могут иметь места в будущем по той простой причине (не говоря о множестве сложных причин, требующих особого разговора), что в отдаленной перспективе они несовместимы с физическим существованием человечества. Здесь, каким бы парадоксальным ни показалось это на первый взгляд, напрашивается аналогия с оружием массового уничтожения в гонке вооружений: либо человечество покончит с ним, либо оно покончит с человечеством. Надо полагать, реальностью станет первое.

Как видим, поисковые социальные прогнозы выполняют свою роль. Они проясняют перспективные социальные проблемы, подлежащие решению средствами управления (в определенных социальных условиях, разумеется), формируют надлежащим образом общественное мнение и подводят научную базу под активную демографическую политику. Правда, они затрагивают лишь проблемную сторону дела, показывают, каким не может быть положение семьи в будущем, какой не может быть семья будущего. А какой же она должна быть? И по каким причинам такой, а не иной? На такого рода вопросы призваны ответить нормативные социальные прогнозы.

Нормативные демографические прогнозные разработки дали весьма конструктивный результат глобального характера. Оказывается, чтобы народонаселение мира на протяжении грядущих веков (а может быть, даже тысячелетий) развивалось в структурно-количественном отношении нормально, необходимо иметь в среднем по три ребенка на каждую семью или, точнее, на женщину, способную к деторождению. Двое детей «сменяют» отца и мать, а третий компенсирует бездетность известной части населения, покрывает убыль от болезней и

несчастных случаев и к тому же обеспечивает очень незначительный рост населения. Последнее важно, так как баланс «рождаемость—смертность» очень трудно, практически невозможно длительное время держать на нуле, а увеличение (незначительное!) предпочтительнее уменьшения с его негативными последствиями.

Данный прогнозный норматив хорош тем, что социально справедлив в глобальных масштабах. Он исключает какую бы то ни было дискриминацию какой бы то ни было нации. Только в развитых странах мира требуются значительные усилия, чтобы до него «подняться» с уровня все более распространяющейся там однодетной семьи, а в развивающихся странах нужны не менее значительные усилия, чтобы до него «опуститься» с уровня массовой многодетной семьи. Но и то и другое вполне реально, причем весьма благоприятно для семьи (следовательно, и для человечества) и в психологическом, и в социологическом, и в экономическом, и в педагогическом, и во многих иных отношениях.

Здесь необходимо уточнить: трехдетная, в среднем, семья, как долгосрочный прогнозный оптимум, не означает обязательной трехдетности для всех без исключения семей. В данном случае подразумевается нечто гораздо более сложное.

Какая-то часть людей по тем или иным причинам останутся одинокими. Важно, чтобы удельный вес этой части не вышел за рамки нескольких процентов, иначе чрезмерной станет «демографическая нагрузка рождаемости» на остальных.

Какая-то часть супружеских пар останутся бездетными, а какая-то — однодетными или двухдетными, в чем нет ничего страшного до тех пор, пока они составляют незначительное меньшинство.

Зато какая-то часть, безусловно, захочет посвятить свою жизнь воспитанию нескольких детей. А при моральной и материальной поддержке общества таких пар должно оказаться больше. Вот эта группа и способна в перспективе «уравновесить» все предыдущие, обеспечив в среднем желанный оптимум детности.

Таким образом, мы можем предположить, что наиболее типичная массовая семья будущего — это прежде всего семья с несколькими детьми. Как же рисуются в свете нормативных социальных прогнозов особенности жизнедеятельности семьи будущего?

Вряд ли следует ожидать в отдаленном будущем массовое появление семей, члены которых ежедневно работали бы и отдыхали совместно, а родители являлись бы для своих детей учителями, передавая им «по наследству» и профессию, и мировоззрение, и стереотипы сознания, поведения, образа жизни, как это было в прошлом. Как и сейчас, это будет практически возможно лишь для незначительного числа людей — настолько усложнилось и в будущем еще более усложнится общественное производство, общественное разделение труда. Однако контакты между родителями и детьми скорее всего станут более продолжительными и содержательными по сравнению с сегодняшним днем.

Как известно, одна из важнейших целей коммунистического общества — всестороннее развитие личности. Оно предполагает активное участие человека в общественном производстве на началах как регламентированного обществом, так и самостоятельного (любительского) труда. Регламентированный труд обязателен. Каким бы высокоразвитым ни было общественное производство и какова бы ни была продолжительность рабочего дня, недели, года, всегда останется необходимость в точно обусловленном, регламентированном времени и месте дежурства, какой-то трудовой операции, встречи, урока и т. д. Но за рамками регламентированного остается область самостоятельного труда, в том числе совместно с другими членами семьи.

Тут опять-таки необходимы некоторые уточнения.

Во-первых, намного сократится время на домашний труд, хотя совсем он исчезнуть не может. Какое-то бытовое самообслуживание понадобится всегда. Но уже и сегодня находится немало счастливых семей, которые умеют сделать домашний труд радостным, как на привале в турпоходе. Опыт показывает, что такое событие может иметь, помимо всего прочего, огромное воспитательное значение для подрастающего поколения и вдобавок служит эффективным дополнительным средством сплочения семьи, расширения и углубления области общих интересов ее членов. Нет оснований полагать, что люди откажутся от всего этого при любом уровне механизации, автоматизации и даже кибернетизации быта.

Во-вторых, возрастет удельный вес различных занятий, характерных для каждого человека высокой куль-

туры. Во многом этому будет способствовать появление в обозримом будущем телевизоров, обеспечивающих стереоскопический (возможно, даже голографический) «эффект присутствия» на зрелище, телепроекцию на экран текстов, чертежей, рисунков из электронных хранилищ информации, видеофонную связь с любым абонентом и т. п. Надо полагать, что такой электронный комбайн вместе с персональным компьютером внесет в жизнь людей гораздо больше изменений, чем все машины, механизмы, аппараты и приборы, известные с древнейших времен. В частности, отпадет необходимость во многих деловых и развлекательных поездках, во многих видах личного общения с целью получить какую-то информацию, тем больше времени останется для занятий на досуге, в частности для любительских занятий научно-технического характера. В самом широком диапазоне — от любительского огородничества, садоводства, цветоводства, обустройства жилья, заботы об окружающей природной среде до технического моделирования, фотокинодела, коллекционирования, решения научно-технических или практических задач и т. д. Другой сферой может быть общественная активность, забота о людях, включая организацию содержательного общения. Областью выражения способностей может стать художественная самодеятельность — от украшения жилья, чтения вслух или пения хором до почти забытых ныне домашнего театра, домашнего журнала или стенгазеты, домашнего концерта.

Общение в семье и семей не обязательно может быть связано с любительским творчеством или овладением знаниями. Оно имеет ценность само по себе. Антуан де Сент-Экзюпери называл человеческое общение высшей роскошью жизни. Можно без преувеличения сказать, что общение семей — наивысшая роскошь.

Особое место здесь занимает общение с детьми, и не обязательно со своими. Давно замечено, что оно дает взрослым намного больше (в смысле ощущения полноты жизни), чем детям, несмотря на все хлопоты и заботу о них. Вряд ли человек когда-нибудь откажется от обогащения своей жизни таким способом.

Важное место занимает и общение с природой, без чего также затруднительно сделать человеческую жизнь полноценной. Выход семей на природу — пусть просто полюбоваться восходом солнца или закатом — разве не

яркое событие в жизни? Сюда же примыкают и путешествия семей — не обязательно в другой город или в другую страну. Можно совершить не менее интересное путешествие по улицам и окрестностям родного города или села.

Перечень возможных занятий семей можно продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться: мир семьи разнообразен и интересен. Он может превратиться в «семейный мирок» только в том случае, когда люди, замыкаясь в нем, отгораживаются от широких интересов и высоких помыслов, связанных с жизнью общества. Домашний макромир может прекрасно гармонизировать с микромиром личности и мегамиром общества, обогащая тот и другой и сам обогащаясь взаимовлиянием с ними. В данном смысле семья была, есть и останется для человека и человечества непреходящей ценностью.

Таким образом, семья будущего по содержанию и форме жизнедеятельности может не отличаться от лучших и счастливейших семей современности. И это закономерно. В образе жизни советских людей есть не только пережитки прошлого, которые надо преодолеть, но и ростки будущего, заслуживающие всемерного развития. Счастливая, дружная семья — это тоже росток будущего.

Семья — явление социальное и, следовательно, историческое. Она не явилась сразу в ее современном виде, а была, есть и будет в развитии. Основоположники марксизма-ленинизма сделали глубокие теоретические выводы о ходе развития семьи в прошлом, раскрыли «пружины» ее развития, подвергли критике пороки современной им буржуазной семьи, «закрывающие» дорогу в будущее. Вместе с тем они писали о «высшей форме семьи», которая придет на смену существующей, об «укреплении семейных связей» в коммунистическом обществе⁴. В полном соответствии с такого рода положениями теория научного коммунизма рассматривает прочную семью, основанную на любви, общности духовных интересов всех ее членов, как одну из важнейших качественных характеристик коммунистического общества.

Правда, в западной футурологии до сих пор находят «гробовщики», которые торопятся «похоронить» семью

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 331; Т. 23. С. 500; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 286.

как таковую независимо от ее конкретных, исторически преходящих форм, категорически отказывают ей в праве на будущее. Но их доводы не выдерживают критики.

Что предлагается «взамен» семьи? Все та же пресловутая «свобода любви», о которой так убийственно отозвался В. И. Ленин в письмах к Инессе Арманд. Напомним, что В. И. Ленин поставил вопрос: свобода от чего? Если от корыстных расчетов или предрассудков — одно дело. Если от серьезного отношения к близкому тебе человеку, тем более к детям, — другое (В. И. Ленин написал даже: «от деторождения?»). Если свобода адюльтера — совершенно иное⁵. Собственно любовь к такого рода «свободе» не имеет никакого отношения, и «свобода любви» оборачивается «свободой» падения нравов, деморализацией.

Вторая половина XX в. полностью подтвердила ленинскую оценку. С какой помпой была провозглашена на Западе «сексуальная революция», чтобы «покончить с семьей»! Чем она обернулась на практике? Массовым беспорядочным сожительством миллионов молодых людей в США и в Западной Европе. Что в результате? Миллионы растоптанных, искалеченных, поруганных жизней, прежде всего женских и детских.

Знаменательно, что, несмотря на разгул «сексуальной революции», порнографии, проституции, лавинообразный рост разводов, подавляющее большинство людей на Западе (от двух третей до трех четвертей, по разным подсчетам) продолжают цепко держаться за «традиционную», «приговоренную к смерти» семью при любых невзгодах. Случайно ли это? Не противостоит ли это? Не свидетельствует ли, напротив, о великой жизненной силе семьи как первичной социальной ячейки современного человеческого общества, даже когда она переживает значительные трудности?

Сказочные герои Салтыкова-Щедрина прославились тем, что якобы своих собственных жен и дочерей самим себе отдали на поругание. Отнюдь не сказочные поборники «сексуальной революции» по существу пришли к тому же конечному результату. Таким оказался на деле один из способов «упразднения семьи».

Были попытки сделать «преемником» семьи так называемые «брачные коммуны», которых на Западе лет 10—20 назад образовалось неимоверное множество.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 52.

Сейчас в подавляющем большинстве они вымерли или влачат жалкое существование. Некоторые из них выдают себя за... «семью будущего». Автор этих строк много лет изучал вопрос о «брачных коммунах» и может с уверенностью сказать: они противоестественны, нежизнеспособны и оставляют после себя лишь тысячи человеческих трагедий.

Какие еще поступали предложения? Гарем для избранных и безбрачие для прочих? Искусственное осеменение? Дети «в пробирках»? Достаточно всерьез задуматься над вопросом, чем конкретно можно «заменить» семью, чтобы оказалась очевидной несостоятельность постановки подобного вопроса. Семью заменить нечем, да и незачем.

Против какой семьи выступали Маркс, Энгельс, Ленин? Против патриархальной и буржуазной. За что проклинали эти два типа семьи лучшие умы человечества во всех странах мира? За насилие над личностью при заключении брака: «выдавали» и «брали», как на базаре. За своекорыстие: норовили при этом всячески «выгадать» материально. За произвол «главы семьи» в отношении домохозяев, за их экономическую и социальную зависимость от него. За вопиющее неравноправие мужчины и женщины. За эксплуатацию труда детей (посильный труд необходим детям для нормального «взросления», но тут совершенно иное дело). За ханжеское принуждение имитировать супружескую жизнь, когда она по тем или иным причинам становится невозможной, и за многие другие, точно такие же грехи. Но при чем тут семья как таковая?

Семья завтрашнего дня, безусловно, будет отличаться от семьи сегодняшней, и, может быть, даже сильнее, чем сегодняшняя семья отличается от семьи вчерашнего дня. Но она будет отличаться, а не исчезать и не заменяться чем-то другим.

Когда отомрет государство, брак и семья, можно полагать, перестанут быть юридическим институтом, каким они являются ныне, но общественная поддержка брачного союза не может не сохраниться. Обществу безразлично, в каких условиях происходит воспроизводство новых поколений, т. е. его собственное воспроизводство, вопрос его собственной жизни или смерти. Формы социальной поддержки могут существенно измениться, но ясно, что все они будут направлены на содействие формированию и укреплению семьи как непреходящей цен-

ности, как первоячейки общества, как особой социальной (точнее, социально-психологической) группы, идеальной для произведения на свет и полноценного воспитания потомства.

Вероятно, не надо будет ставить штамп в паспорте, да и вряд ли сохранятся паспорта. Но регистрация заключения и расторжения брака, равно как и регистрация рождений или смертей (пусть в каких-то совершенно новых формах), не может не сохраниться. Это необходимо не для вмешательства в личную жизнь людей, а для статистики, для науки, для того, чтобы знать, в каком положении находятся общество и его ячейка — семья, не грозит ли им какая-либо опасность, не пора ли принимать меры для преодоления каких-то возникающих проблемных ситуаций.

Вероятно, значительно изменится обряд заключения брака. Примеры проведения новых свадебных обрядов уже есть. Но сама торжественность обстановки заключения брачного союза наверняка сохранится. Если браки перестали заключаться на небесах, то это еще не означает, что они должны заключаться на бегу. Стать мужем и женой — всегда было и будет одним из важнейших событий жизни.

Женщина-мать в любой ситуации будет экономически независима, и социальный престиж ее будет высоким. Раз она родила и воспитывает будущего нового члена общества, следовательно, она участвует в общественном производстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. К пониманию этой истины дело идет уже сейчас в нашей стране.

Дети, оставаясь в семье, с самого рождения будут экономически независимы от родителей. Мы уже вступили на такой путь, устанавливая все более льготные цены на детское питание и отчасти на некоторые виды детской одежды, книжек и игрушек. Логическое завершение принятого пути — постепенный переход подрастающего в семье поколения на полное общественное иждивение. Но освобождение родителей от материальных забот о детях отнюдь не означает освобождения их от всех родительских забот вообще. Напротив, помощь семье со стороны общества определяется целью создать родителям лучшие условия для полноценного воспитания подрастающего поколения в семье — именно в семье!

Наверное, было бы очередной утопией изображать

коммунистическую семью абсолютно «бесконфликтной» и «бессмертной» при любых ситуациях, раз и на всю жизнь. Как известно, у людей высокой культуры требовательность друг к другу и к супружеской жизни значительно возрастает. Но возрастает и чувство ответственности, чувство серьезности заключенного брака, чувство важности взаимопонимания, недопустимости корыстно добиваться чего бы то ни было за счет близких тебе людей.

Надо полагать, что и семья будущего не застрахована от разного рода конфликтов, в том числе ведущих к ее распаду. Однако в числе их причин безусловно не будет — не должно быть! — ни подлости, ни пошлости, ни пьянства, ни хамства, ни бытового неустройства, ни паразитизма на труде другого, ни тому подобных явлений, которые в совокупности являются основными причинами подавляющего большинства современных разводов, калечат судьбы многих людей.

Иногда приходится читать в западной литературе о неизбежности «гибели» семьи в будущем в связи с поголовным общественным воспитанием дошкольников. Здесь также сплошная цепь недоразумений, на которых придется остановиться подробнее.

То, что современная семья в отличие от патриархальной не может полноценно выполнять свои функции без помощи общественных учреждений, — факт непререкаемый. И наверняка не сможет в будущем тоже. Так что общественные учреждения были, есть и останутся важным подспорьем семье, но они никогда не станут ее «заменой».

Вспоминаются утопические измышления насчет того, что один опытный профессиональный повар сготовит гораздо вкуснее на тысячу человек, чем тысяча домохозяек. Действительно, далеко не каждая женщина может соперничать в мастерстве с шеф-поваром ресторана. Однако никакой шеф-повар, будь он даже генерал-аншефом в своем деле и добросоветнейшим человеком, не в состоянии соперничать с матерью (реже — с отцом) семейства, которая готовит для своих любимых и близких людей.

Примерно то же происходит и с воспитанием детей. Кто же будет спорить, что добросовестная, опытная воспитательница детского сада лучше знает свое дело, чем самая чадолюбивая мамаша? Что хорошая учительница даст сто очков вперед в умении преподавать свой пред-

мет ученику, чем любой отец, будь он даже профессором в той же области? Но и здесь одно никак не исключает другое.

Противоестественно, когда ребенок с утра до вечера на руках у матери. Противоестественно, когда он общается только со сверстниками. И вполне нормально, благотворно для становления личности, когда ребенок, насладившись родительской лаской, бежит играть со сверстниками, затем поступает под контроль воспитателя, причается к общению с другими взрослыми, а под конец снова возвращается поделиться пережитым за день к всезнающим родителям — самым авторитетным для него людям. На таком порядке тысячелетиями держался род человеческий, и нет никаких оснований отказываться от него и сегодня, и в грядущем тысячелетии.

Мы постепенно приходим к пониманию, что предстоит совершенствовать работу дошкольных учреждений таким образом, чтобы они из бытовых, создаваемых для удобства родителей, превращались в первую ступень всеобщего среднего образования. Мы начинаем понимать, что этого невозможно достичь, если родители будут приходить в детские ясли и сад, в школу только для того, чтобы «сдать» и затем «взять» ребенка, как вещи из камеры хранения, либо в лучшем случае, чтобы присутствовать в качестве гостей на детском утреннике, а в худшем — чтобы собирать деньги на выпускной вечер своего великовозрастного дитяти.

Мы постепенно приближаемся к концепции дошкольного и школьного учреждения нового типа, куда родители — со строго определенными правами и обязанностями — приходят на час-другой, чтобы помочь воспитателю, поиграть с детьми, рассказать им сказку, повести их на экскурсию или на прогулку, показать им что-то важное по части трудовых навыков и т. п. Уже существуют тысячи школ и детских садов, где все это делается, правда нередко еще бессистемно, на началах личного энтузиазма того или иного из родителей, но мы идем по такому пути к достижению реальной основы для более активного участия родителей в работе дошкольных и школьных учреждений. Словом, налицо еще один росток будущего.

Новая семья все чаще выходит за рамки собственного узкого мирка. Она объединяется с другими семьями в ассоциации клубов по интересам, в группах «подстраховки» друг друга, когда кому-нибудь надо отлучиться

по делам и ребенка можно оставить на попечение человека, которому доверяешь. Пока такие группы, клубы, ассоциации клубов возникают большей частью в научных городках либо в молодежных жилых комплексах. Но за ними большое будущее, так как они позволят родителям с малолетними детьми чаще «выходить на люди», жить более полнокровной жизнью, а детям получать более насыщенную среду (в смысле чередования общения с родителями, со сверстниками, с другими взрослыми, в том числе с профессиональными воспитателями). Вновь и вновь — ростки будущего.

Не все в традиционной семье старого типа было плохим. Существовали и рациональные «зерна» человеческой культуры, которые помогли семье продержаться долгие тысячелетия. Такие «зерна» надо заимствовать на благо семье настоящего и будущего.

Речь идет о том, чтобы отыскать современные аналоги того позитивного, что формировалось в семье тысячелетиями, отбросив все наносное и анахроничное. Это касается и трудового воспитания детей в семье, и «учительской» роли родителей, и умения строить увлекательный досуг всей семьей, и общественного мнения о каждом человеке, о каждой семье, и многого другого. Из таких «кирпичиков», драгоценных для нормативного социального прогнозирования, особенно на долгосрочную перспективу, и складывается образ семьи будущего, ориентиры для определения возможных путей решения проблем, с которыми сталкивается современная семья.

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

- Развитие службы государственного содействия формированию семьи («служба знакомств»).
- Развитие службы государственного содействия укреплению семьи (минимизация разводов).
- Преодоление злоупотребления спиртными напитками.
- Благоустройство молодой семьи, ожидающей ребенка.
- Ликвидация анахроничного разделения домашнего труда (обязанностей) на «женский» и «мужской».
- Развитие этики семейных отношений, адекватной требованиям коммунистической морали.
- Форсирование индустриализации быта и «малой механизации» домашнего хозяйства в благоустроенной квартире (доме).

— Материальное обеспечение несовершеннолетних детей за счет общественных фондов независимо от доходов родителей.

— Улучшение жилищных условий семей с малолетними детьми.

— Совершенствование государственных мер по содействию семье в воспитании детей дошкольного возраста.

— Улучшение организации отдыха семей.

— Увеличение продолжительности оплачиваемого отпуска после рождения ребенка и сокращение продолжительности рабочей недели работающих матерей с малолетними детьми.

— Совершенствование моральных форм поощрения родителей, имеющих двоих и более детей.

— Сближение уровней жизни семей, имеющих детей, бездетных пар и одиночек.

— Совершенствование организации государственной помощи неполным семьям.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ С НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТЬЮ

Принимая во внимание особенности демографической ситуации, преобладающей в стране, можно попытаться систематизировать неоднократно выдвигавшиеся (в том числе и автором этих строк) конкретные предложения по созданию условий для оптимизации рождаемости и численности детей в семье.

Мероприятия, содействующие формированию семьи

Активная пропаганда социальной значимости семьи как непреходящей ценности социалистического общества, целенаправленная культурно-просветительная работа по морально-психологической подготовке молодежи к вступлению в брак как в школе, так и посредством массовой информации — через печать, радио, телевидение, издание специальной литературы, чтение лекций, проведение семинаров, демонстрация учебных фильмов. Значительно увеличить количество спортивно-трудовых отрядов для молодежи, в которых помимо социально-экономических задач нужно создавать условия для знакомства будущих супругов. Совершенствовать работу клубов по интересам, выполняющих среди прочих ту же функцию, в том числе специальных клубов знакомств, включая сеть семейных кон-

сультаций при исполкомах Советов народных депутатов. Расширять публикацию объявлений о желании вступить в брак.

Мероприятия, содействующие укреплению семьи

Решительно пресекать злоупотребления спиртными напитками (что нередко служит причиной разводов, рождения неполноценных детей). Улучшать бытовое благоустройство молодой семьи: предоставлять жилплощадь на первых порах, хотя бы в доме гостиничного типа или комнату в коммунальной квартире; выдавать долгосрочные кредиты на покупку предметов длительного пользования с частичным автоматическим погашением в случае рождения детей; учитывать интересы молодых семей при дальнейшей индустриализации быта и комплексной «малой механизации» оборудования жилья. Изживать деление домашних обязанностей на «мужские» и «женские», вести действенную пропаганду новых стереотипов поведения, более соответствующих современному образу жизни. Создавать повсеместно «клубы родителей» как особую разновидность клубов по интересам; активно пропагандировать социалистическую этику семейных отношений, соответствующую нормам социалистической морали. Включать в штат семейных консультаций, о которых уже упоминалось, специалистов (медиков, психологов, социологов), к которым можно было бы обращаться с целью предотвращения семейных конфликтов.

Мероприятия, содействующие преодолению неблагоприятной тенденции снижения рождаемости

Увеличивать сеть педагогического образования родителей в учебных заведениях разного типа — от специальных курсов и вечерних университетов до специальных заочных и вечерних факультетов педучилищ и педвузов. Распространять современную практику контрацепции. Постепенно снижать расходы родителей на содержание детей путем более широкого распространения бесплатного детского питания, снижения цен на детскую одежду, книги, игрушки. Сокращать разрыв в материальном положении семей с несколькими детьми и однодетных семей (при прочих равных условиях). Улучшать жилищные условия семьи при рождении каждого последующего ребенка, предоставлять трех-, четырехкомнатные квартиры (при прочих равных условиях) в первую очередь семьям с несколькими детьми. Ясли-детсады нового типа необходимо создавать только рядом с жильем родителей, чтобы матери, пользуясь льго-

тами сокращенной рабочей недели, могли принимать деятельное участие в воспитании ребенка в качестве помощниц профессионала-педагога; целесообразно к работе в яслях-детсадах привлекать также и других взрослых — бабушек и дедушек, отцов, старшеклассников, студентов, работников производства, способных и склонных заниматься с детьми. Продолжать увеличивать количество домов отдыха, где можно было бы отдохнуть всей семьей. Постепенно сокращать рабочую неделю матери, увеличивать ежегодный оплачиваемый отпуск. Создавать повсеместно столы заказов для матерей и отцов семейств для льготного приобретения продовольственных и промышленных товаров. Совершенствовать систему государственных наград матерям и отцам семейств. Совершенствовать традиции, связанные со знаменательными датами в жизни семьи (рождение ребенка, поступление его в детсад, школу, на работу, прием в пионеры, комсомол, получение паспорта и т. д.), закреплять традиции и каждое выдающееся событие в жизни взрослой дочери или сына (вступление в брак, рождение ребенка, окончание учебного заведения, юбилеи, государственные награды и пр.) отмечать соответствующей грамотой, торжественно вручаемой родителям. Совершенствовать систему льготных пенсий для отцов и матерей многодетных семей. Установить институт названных родителей из числа свидетелей при регистрации ребенка по аналогии свидетелей при регистрации брака.

* * *

В рамках данной статьи нет возможности хотя бы кратко рассмотреть каждый из этих пунктов. Ограничимся лишь напоминанием о необходимости комплексного подхода к осуществлению различных мер демографической политики, так как опыт, имеющийся в СССР и в других социалистических странах, подтверждает, что только такой подход может дать заметные результаты.

Антонов А. И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения. Социальные нормы детности на протяжении веков поддерживали высокую рождаемость. Автор показывает, как радикальное изменение функций семьи и снижение смертности разрушили этот регуляционный механизм и привели к снижению рождаемости. По мере развития общества прослеживаются изменения репродуктивных установок, анализируются причины снижения рождаемости.

Авдеев А. А. Семья в докапиталистических формациях. В статье рассматривается экономическая обусловленность изменения размеров семьи в докапиталистическую эпоху. Показывается, что семейное производство формирует потребность в многодетности и высокую рождаемость, а его разрушение является основной причиной уменьшения числа детей в семье и снижения рождаемости.

Тольц М. С. Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения. Анализируются взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения на современном этапе демографического развития. Показано, как возраст женщины влияет на интервал времени между вступлением в брак и рождением первого ребенка, какое воздействие оказывает брачная ситуация на рождаемость.

Синельников А. Б. Число детей в советской семье. В статье показано, как в нашей стране в течение последней четверти века постепенно уменьшается среднее число детей в семье, сокращается число третьих и последующих рождений. Анализируется эффективность принятых в одиннадцатой пятилетке мер демографической политики, направленных на преодоление этой негативной тенденции.

Родзинская И. Ю. Факторы, влияющие на репродуктивные установки супругов. Исследуются репродуктивные установки семей и факторы, воздействующие на них. Выделены три группы факторов: условия жизни семьи, социально-демографические и социально-психологические характеристики супругов. Анализируется их взаимосвязь с репродуктивными установками. Изучение типов семей по их репродуктивным установкам дает возможность разрабатывать дифференцированные меры демографической политики в области рождаемости.

Дудченко О. Н. Благосостояние и число детей в семье. В статье рассматриваются методические вопросы изучения социально-экономических факторов рождаемости. Дается краткий анализ имеющихся в литературе данных статистических исследований о связи рождаемости и дохода. На основе результатов конкретного социолого-демографического обследования проводится сопоставление динамики благосостояния семей и их репродуктивного поведения.

Медков В. М. Социально-демографические характеристики супругов и их установки на детность. На основе результатов двух социолого-демографических обследований — «Москва-1978» и «Новобрачные-1998» — анализируются соотношения возраста и образования всту-

пающих в брак и молодых супругов, уровень демографической и социокультурной гомогенности и гетерогенности браков. Оценивается влияние сочетания указанных характеристик на репродуктивные установки молодых семей и на их реализацию.

Цуладзе Г. Е., Чанкветадзе Т. В. **Формирование представлений школьников о числе детей в семье.** Дается анализ социологических опросов школьников и их матерей в Тбилиси. Выявлены представления школьников о числе детей в их будущей семье, т. е. когда они станут взрослыми. Установлено, что у школьников снижаются средние величины желаемого и ожидаемого числа детей по сравнению с их матерями на 0,5—0,7 ребенка. Авторы предлагают принять меры с целью предотвращения этого негативного процесса в будущем.

Кадыров Ш. Х. **Рождаемость в туркменской семье (Результаты пилотажного обследования).** Автор отмечает начало снижения рождаемости в среднеазиатском регионе страны. Показывает, что в пределах традиционного типа репродуктивного поведения происходит ограничение многодетности, что женщины высокоиндустриализированных сельских районов в последние годы все чаще стали пользоваться средствами контрацепции.

Исламов С. И. **Особенности репродуктивного поведения таджикской семьи.** Рассматриваются вопросы репродуктивного поведения женщин коренной национальности Таджикской ССР. Установлены некоторые зависимости между социально-экономическими факторами и уровнем рождаемости как в целом по региону, так и в разрезе его отдельных территорий.

Бабин Е. Б. **Контрацептивное поведение супругов в городских семьях.** На основании данных выборочного обследования анализируется контрацептивное поведение супругов в городских семьях. Рассматривается структура применяемых методов и средств предупреждения беременности, характер установок мужчин и женщин на их использование. Приводятся мнения респондентов о свойствах и качестве используемых противозачаточных средств. Даются рекомендации по формированию оптимального контрацептивного поведения.

Ременник Л. И. **Репродуктивное поведение и онкологические заболевания у женщин.** Автор рассматривает связь между снижением рождаемости и возможностью заболевания женщин злокачественными опухолями. Показано, как малодетность, позднее начало деторождения и другие особенности современного типа репродуктивного поведения становятся факторами онкологического риска.

Талалай М. И. **Дошкольные учреждения и здоровье детей.** Основное внимание в статье уделено вопросам обеспеченности населения яслями и детскими садами и повышению качества ухода за детьми. Обобщается передовой опыт работы ряда областей РСФСР, отдельных детских учреждений по сокращению заболеваемости детей, укреплению

их здоровья. Автор вносит предложение о расширении практики премирования работников садов и яслей с учетом показателя здоровья детей.

Бестужев-Лада И. В. **Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования.** Статья посвящена перспективам развития семьи при социализме. Раскрываются особенности социальных прогнозов в сфере семьи и быта, показывается неизбежность в будущем постепенного исчезновения массовой многодетной семьи, с одной стороны, и одиночек, разводов, бездетных и однопотных семей как массового явления — с другой. В статье сделана попытка показать основные черты семьи коммунистического общества.

Antonov A. I. Evolution of childbearing norms and types of demographic behavior. Strict social norms of family size for many centuries maintained high fertility. The author shows how radical change of family functions along with mortality decline have destroyed this regulatory mechanism and lead to decrease in fertility. In the context of social development the changes in reproductive motivation are followed and the main causes of fertility decline are analysed.

Avdeev A. A. The family in precapitalist societies. Economic determination of changes in family size during the precapitalist epoch is analysed. It is argued that familial type of production creates demand in high number of children and historical decay of this production type constitutes the main cause of fertility decline.

Toltz M. S. Relationship between matrimonial and reproductive behavior. The association between marriage and childbearing patterns at the modern phase of demographic development is examined. It is shown how the woman's age influences the length of the interval between the wedding and the first birth. The way current marriage patterns affect fertility is characterized.

Sinel'nikov A. B. Number of children in the soviet family. The article focuses on consistent trend to decrease of number of children in the soviet family during the last quarter of this century, which is primarily reflected in diminishing frequency of the third and following birth orders. The cost-effectiveness analysis of the population policy measures undertaken in the XI five-year period is presented.

Rodzinskaya I. Ju. Factors influencing reproductive attitudes of the spouses. Reproductive attitudes of the families and factors affecting them are presented and examined. Factors, divided into three groups — living conditions of the family, socio — demographic and socio — psychological characteristics of the spouses — are analysed as to their relationship with childbearing attitudes. Stratification of the families by their reproductive attitudes allows to elaborate specific policy approaches aimed at fertility elevation.

Dudchenko O. N. Family wealth and number of children. The article discusses methodical questions of the studies of social and economical fertility factors. A brief overview of statistical studies of income — fertility relationship is presented. Results of the recent socio — demographic study are used to follow — up and correlate certain trends of living standards and reproductive behavior of the families.

Medkov V. M. Socio — demographic characteristics of the spouses and their childbearing attitudes. On the base of two socio — demographic studies — «Moscow — 1978» and «Newlyweds — 1983» the author analyses the relationships of age and education status of the newlyweds and young spouses, the level of socio — cultural and

demographic homogeneity/heterogeneity of the couples. Influence of the various combinations of these characteristics on reproductive attitudes and their realisation is estimated.

Tzuladze G. E., Chankvetadze T. V. Formation of the schoolchildren's notions about number of children in the family. Analysis of the sociological interview studies of the schoolchildren and their mothers in Tbilisi is presented. The schoolchildren's ideas as to the number of children in their own future families have been revealed. It has been found that average desired and expected numbers of children were lower by 0,5—0,7 in young respondents than in their mothers. The authors suggest particular measures to be taken to overcome this negative trend in future.

Kadyrov Sh. Kh. Fertility in Turkmen family (Results of the pilot study). It is argued that fertility in the Soviet Central Asia has begun to reduce. It is obvious that within limits of traditional reproductive behavior high fertility is being put under control. The females in rural areas with developing industry now use more and more contraception.

Islamov S. I. Peculiarities of reproductive behavior of Tadjik family. Specific traits of childbearing practice of the native Tadjik females are analysed. Some links between socio — economic factors and fertility in this republic and its regions are established.

Babin E. B. Contraceptive behavior of the spouses in urban families. This matter is analysed on the base of results of a cross — section study. The distribution of contraceptive methods used by urban couples is presented, attitudes of men and women to their use are described. Opinions of the respondents as to the qualities and acceptability of various contraceptive techniques are also discussed. Certain suggestions as to formation of the rational contraceptive behavior are made.

Remennic L. I. Reproductive behavior and cancer in women. The author states some causal associations between fertility decline and prevalence of cancer in women. It is shown how small number of children born, postponement of childbearing to later ages and other characteristics of modern reproductive behavior become cancer risk factors. It is also followed how historic fluctuations of marriage and childbearing patterns of the soviet women affect current and future cancer incidence trends in the USSR.

Talalaj M. I. Kindergartens and health of the children. The article is focused on the questions of the population supply with public kindergartens and rising their nursing standards. Positive experience in reduction of children's morbidity gained in several areas of Russia is summarized. The author suggests the system of the nursery personnel

awarding for low morbidity of the children as a practical step to decision of this problem.

Bestudgev-Lada I. V. **The future of the family as a problem in social forecasting.** The article deals with the perspectives of the family under socialism. The main features of the social prognostics in the sphere of family and living standards are formulated. The author argues that future development will cause disappearance of extreme family types — that with many children and childless at all. At the same time the numbers of single and divorced persons, one — child and incomplete families will also sharply reduce. The type of the future family in communist society is outlined.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
А. И. Антонов. Эволюция норм детности и типов демографического поведения	10
А. А. Авдеев. Семья в докапиталистических формациях	26
М. С. Тольц. Взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения	39
А. Б. Синельников. Число детей в советской семье	54
[И. Ю. Родзинская] Факторы, влияющие на репродуктивные установки супругов	70
О. Н. Дудченко. Благополучие и число детей в семье	81
В. М. Медков. Социально-демографические характеристики супругов и их установки на детность	94
Г. Е. Цуладзе, Т. В. Чанкветадзе. Формирование представлений школьников о числе детей в семье	104
Ш. Х. Кадыров. Рождаемость в туркменской семье (Результаты пилотажного обследования)	117
С. И. Исламов. Особенности репродуктивного поведения таджикской семьи	132
Е. Б. Бабин. Контрацептивное поведение супругов в городских семьях	146
Л. И. Ременник. Репродуктивное поведение и онкологические заболевания у женщин	157
М. И. Талалай. Дошкольные учреждения и здоровье детей	171
И. В. Бестужев-Лада. Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования	178

CONTENTS

Introduction	3
A. I. Antonov. Evolution of childbearing norms and types of demographic behavior	10
A. A. Avdeev. The family in precapitalist societies	26
M. S. Toltz. Relationship between matrimonial and reproductive behavior	39
A. B. Sinelnikov. Number of children in the soviet family	54
I. Ju. Rodzinskaya. Factors influencing reproductive attitudes of the spouses	70
O. N. Dudchenko. Family wealth and number of children	81
V. M. Medkov. Socio-demographic characteristics of the spouses and their childbearing attitudes	94
G. E. Tzuladze, T. V. Chankvetadze. Formation of the school children's notions about number of children in the family	104
Sh. Kh. Kadyrov. Fertility in Turkmen family (Results of the pilot study)	117
S. I. Islamov. Peculiarities of reproductive behavior of Tadjik family	132
E. B. Babin. Contraceptive behavior of the spouses in urban families	146
L. I. Remennic. Reproductive behavior and cancer in women	157
M. I. Talalaj. Kindergartens and health of the children	171
I. V. Bestudjev-Lada. The future of the family as a problem in social forecasting	178

Детность семьи: вчера, сегодня, завтра/Редкол:
Д 38 Л. Л. Рыбаковский (пред.) и др.— М.: Мысль, 1986.—204 с., схем.— (Демография: проблемы и перспективы).

75 к.

В книге рассматриваются вопросы доброго поведения будущих супругов, становления и развития современной семьи, репродуктивного поведения. Авторы на основе материалов обследования анализируют мнения супругов о числе детей, социальные условия, способствующие удовлетворению потребности в детях, значение детей в укреплении семьи. Раскрываются исторические типы воспроизводства населения, прослеживается динамика семьи в различных социально-экономических формациях.

Для демографов, социологов, экономистов.

Д 0703000000-185 111-86
004(01)-86

ББК 60.7

ДЕТНОСТЬ СЕМЬИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Демография: проблемы и перспективы

Заведующий редакцией
В. П. Томин
Редакторы
И. М. Кирсанова, А. В. Короткова
Младший редактор
Е. В. Зотова
Оформление художника
Е. К. Самойлова
Художественный редактор
Н. В. Илларионова
Технические редакторы
Е. А. Молодова, Ж. М. Голубева
Корректор
Г. Б. Абудеева

ИБ № 3080

Сдано в набор 10.06.86. Подписано в печать 02.09.86. А08945. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд. л. 11,69. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1809. Цена 75 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129041, Москва, Б. Переяславская, 46.

В 1987 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» ВЫПУСТИТ КНИГИ:

Дробижев В. З. У истоков советской демографии.
12 л. 1 р. 30 к.

Автор книги рассматривает один из сложных демографических периодов нашей страны — период гражданской войны, разрухи, голода, сокращения численности населения. Исследуются причины смертности различных групп населения, уровень рождаемости в зависимости от материального благосостояния и социального положения; большое внимание уделяется анализу мер партии и Советского правительства, направленных на охрану материнства и детства, укрепление здоровья и продолжительности жизни, на рост численности населения.

Народонаселение: прошлое, настоящее и будущее/Под ред. Н. В. Зверевой. 16 л. 1 р. 90 к.

Вопросы народонаселения в предлагаемой работе рассматриваются комплексно, во взаимосвязи с другими общественными науками — марксистско-ленинской философией, политической экономией, научным коммунизмом, социологией, психологией. Авторы анализируют методы и формы управления населением, вопросы социального движения, качественные характеристики народонаселения в различные исторические эпохи. Работа развивает основные положения книг «Марксистско-ленинская теория народонаселения» (М., 1977) и «Система знаний о народонаселении» (М., 1976).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книготорговли рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».